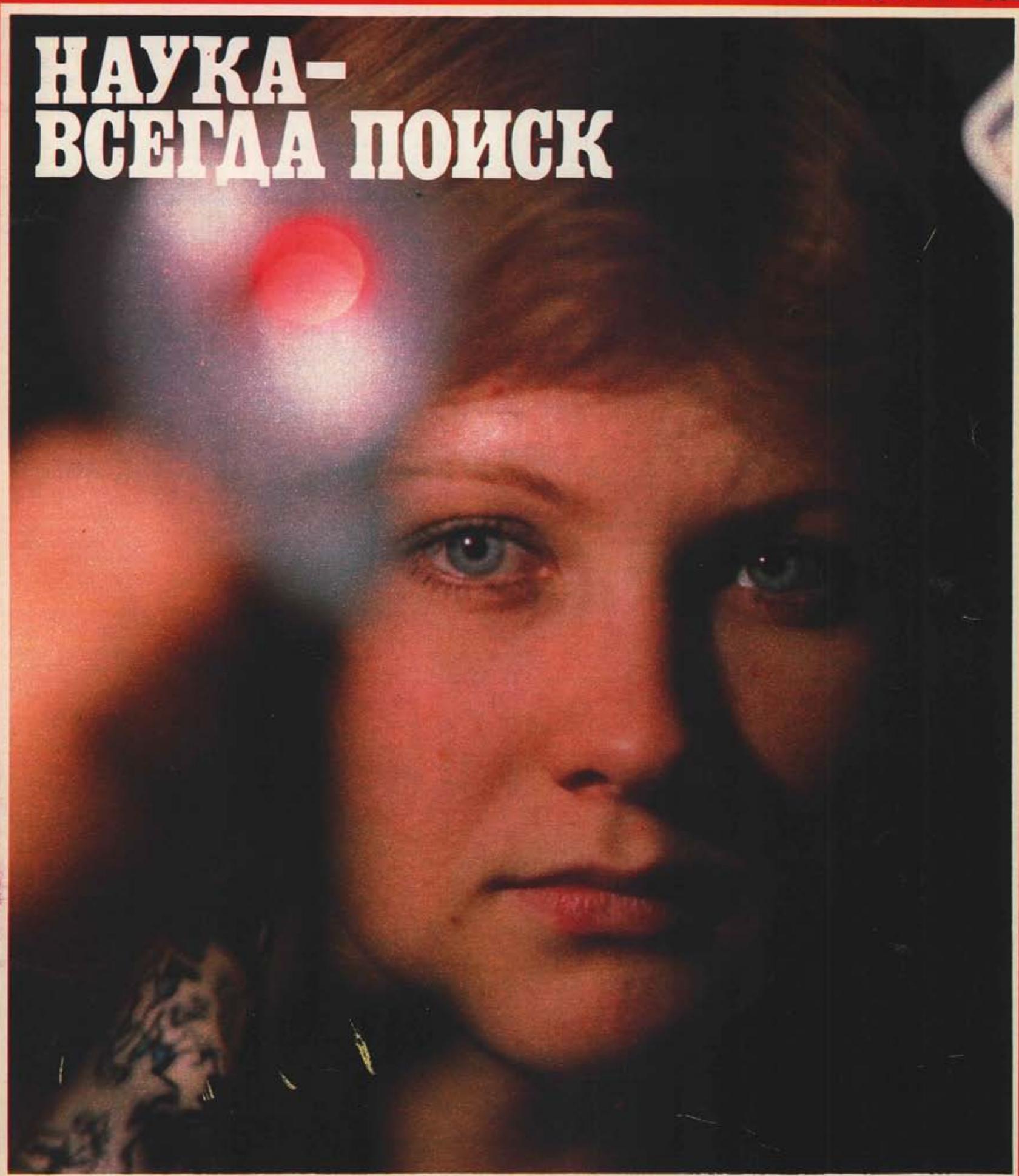

смена

№ 16 АВГУСТ 1982

**НАУКА—
ВСЕГДА ПОИСК**

Г. И. МАРЧУК,
заместитель
Председателя
Совета Министров СССР,
председатель
Государственного
комитета СССР
по науке
и технике,
академик,
отвечает
на вопросы «Смены»

— Молодежь всегда стремится решать самые интересные и самые нужные обществу задачи. Гурий Иванович, как же их выделить среди бесконечного многообразия научно-технических проблем?

— Научно-техническое творчество подобно искусству приносит автору удовлетворение, выражая его личные вкусы и способности. Но наука и техника возникли и существуют в мире явно не только для этого. С помощью научных достижений общество намерено получать все больше благ, одновременно уменьшая для этого затраты времени, энергии, материалов, труда. Вот почему истинное счастье ученый может испытывать только тогда, когда он видит незаменимую необходимость своего творчества для блага народа.

Направление поисков важнейших научно-технических проблем указал XXVI съезд КПСС, наметив решительный поворот нашего хозяйства на интенсивный путь развития. Путь этот сегодня единственно возможный. Напомню, чем он вызван. Во-первых, ограничением прироста трудовых ресурсов из-за последствий Великой Отечественной войны. А это значит, что развивать хозяйство методом строительства новых производств, вовлекая в них новых и новых людей, попросту невозможно. Во-вторых, более трудным стал доступ к природным ресурсам: «легкие» месторождения уже исчерпаны, теперь нефтяные скважины и угольные шахты становятся все глубже, сырье добывать все сложнее. Да и места добычи «ухо-

дят» в малообжитые районы Сибири и Севера. В результате природные ресурсы, особенно энергетические, достаются все более дорогой ценой.

Если в предшествующие годы основное внимание уделялось увеличению и расширению производственного и экономического потенциала, то сегодня речь идет о том, чтобы наращивать выпуск продукции, повышая производительность труда. В первую очередь за счет внедрения новой техники и технологии — за счет технического перевооружения и реконструкции действующих предприятий. Повысив технический уровень производства, механизировав и автоматизировав многие производственные процессы, можно сэкономить труд миллионов людей.

Как видим, первоочередные задачи науки и техники те, решение которых обеспечит максимальный прирост продукции при минимальных затратах всех видов ресурсов.

Поле безотлагательной деятельности для ученых, для творческих поисков молодых — неизбывное, но весьма четкое: создание новых экономичных станков и машин, принципиально новых технологий, добывающей и перерабатывающей техники, способной выдерживать суровые природные условия. Создание для этого и новых прочных материалов, разработка покрытий, оберегающих металлы от разрушений, и так далее. Подобные государственной важности задачи есть в каждой отрасли. Главный принцип их решения — экономия. Экономия человеческого труда, экономия энергии, экономия сырья.

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ СТРАТЕГ

— Есть ли возможность сравнить социально-экономическую эффективность различных научно-технических решений, чтобы выбрать наилучшее? А вернее, наиболее выгодное?

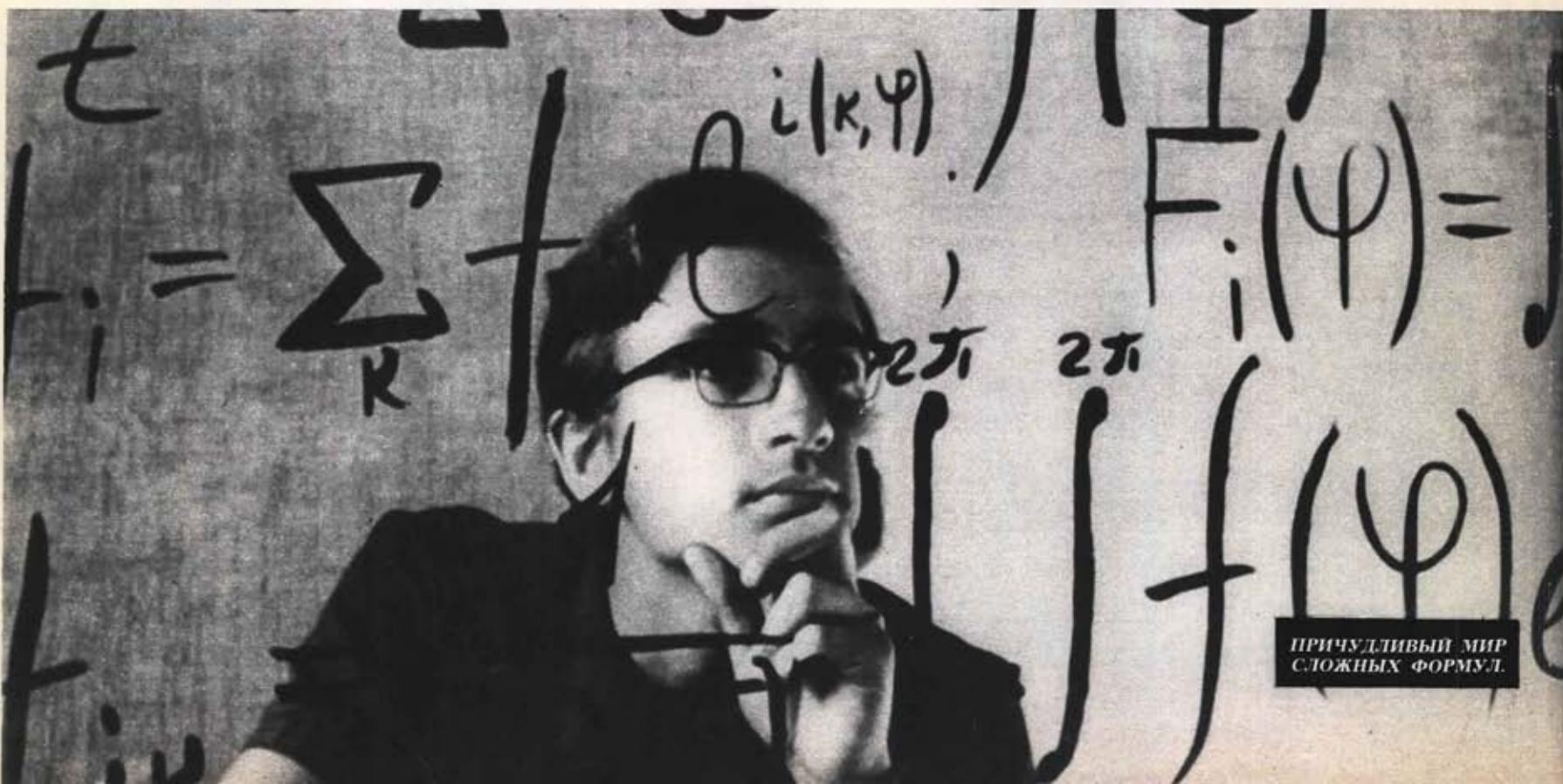
— Конечно, есть. Для этого нужно иметь научно обоснованные методики подсчета экономической эффективности того или иного решения и накна экономическая грамотность, умение владеть практическими методами подсчета экономической эффективности конечных результатов труда. Это еще один круг проблем, в решении которых основная роль принадлежит ученым. Именно наука должна дать рекомендации, как совершенствовать хозяйственный механизм и методику экономического сравнения потребительского эффекта функционально разнородных благ (таких, как ЭВМ, автомобили, молоко, трикотаж, прокат и т. д.) с затратами различных ресурсов на выпуск данной продукции.

— Очевидно, исследования и разработки в этом направлении позволяют полнее оценивать и эффективность крупных научно-технических программ?

— Совершенствование методов, необходимых для сравнения результатов научно-технических поисков, действительно поможет лучше оценивать социально-экономическую эффективность работы и научно-исследовательских институтов, и конструкторских бюро, и

отраслей, и даже комплексных научно-технических программ. Решение подобных задач — самостоятельная, очень интересная проблема, требующая совместных усилий разных специалистов. Однако до сих пор эффективность научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок, больших научно-технических программ пытаются оценивать прежде всего путем измерения экономических величин. А ведь в то же время внедрение исследований и разработок может принести и огромный социальный эффект: улучшить здоровье людей, условия труда, отдыха и морально-психологическое состояние, стимулировать творческую и общественную активность. И этот фактор обязательно должен учитываться наряду с прямым экономическим эффектом. Особенно важно правильно оценивать конечный социально-экономический эффект больших комплексных, межотраслевых научно-технических программ. Для примера рассмотрим хотя бы одну — топливно-энергетическую. Она заключает в себе сложнейшие проблемы. Среди них — разработка промышленных методов повышения отдачи нефтяных пластов. Пока что мы умеем извлекать из них менее половины нефти, а остальная остается под землей. Как ее добывать? Ответить на этот вопрос могут только совместные усилия геологов, гидродинамиков, химиков, математиков, энергетиков, конструкторов, экономистов.

Сегодня основной объект поисковых работ — мезозойско-кайнозойские осадочные породы. Для освоения других глубинных слоев и районов нужна новая

ПРИЧУДЛИВЫЙ МИР СЛОЖНЫХ ФОРМУЛ.

ХИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС ПОДДЕРЖЬ! ИЯ НАСТУПЛЕНИЯ

геологоразведочная техника, новые идеи в геологии, геофизике и экономике геологической разведки.

А сколько труднейших задач возникает при создании грандиозного Канско-Ачинского топливно-энергетического комплекса! По масштабам он превосходит такие стройки, как БАМ и КамАЗ. За 15—20 лет здесь предусматривается увеличить добчу угла открытым способом в десятки раз, развернуть строительство крупных тепловых электростанций и разместить в Сибири энергомккие производства с новой технологией. Значит, социологи и экономисты должны спроектировать развитие социальной инфраструктуры в этом районе. Химики и технологии — разработать оптимальные производственные технологии. Климатологи и экологи — обеспечить охрану окружающей среды. Экономисты — спроектировать размещение и работу целесообразных видов и объемов производства, наладить оптимальные транспортные связи. Конструкторы — создать новые виды техники, например, для вскрышных работ и т. д.

Кроме того, как я уже говорил, выполнение топливно-энергетической программы, как и развитие всего народного хозяйства, должно осуществляться интенсивными методами. То есть нужно создавать только ресурсосберегающие технологии и технику: новые типы котельных агрегатов для мощных ТЭЦ, новые технологии получения синтетических моторных топлив на базе канскочно-ачинских углей.

Требует решения и еще одна важнейшая проблема: как увеличить коэффициент полезного использования энер-

гии. Из-за несовершенства технологий предприятия обычно используют немногим более половины энергии, остальная часть безвозвратно теряется. Дело в том, что очень часто существующие системы утилизации вторичного тепла пока экономически себя не оправдывают. Подчас выгоднее выбрасывать отходящее тепло, чем использовать его с помощью дорогих технологий. Вот и еще одно из важнейших направлений для творческих поисков молодых. Ведь если удастся хотя бы на 4—5 процентов увеличить утилизацию вторичного тепла, это будет равноценно соответствующему росту добычи нефти, газа и других энергетических ресурсов.

— Гурий Иванович, вы часто говорите о роли проектных работ. Каковы перспективы проектирования в современном научно-техническом прогрессе?

— Как известно, проектирование — это создание прообраза того или иного объекта и теоретический расчет возможностей его осуществления. Если такая возможность вызывает сомнения, то проектировщики обосновывают необходимость новых специальных исследований. Таким образом, проектирование целенаправленно применяет научные знания для решения технических и производственных задач и объединяет оба процесса — получение научного знания и решение технических и производственных задач. Можно даже сказать, что проектирование как бы породило и регулирует современный научно-технический процесс.

Однако именно в труде проектировщика и конструктора еще много рутинных операций (расчетов, вычерчивания), отнимающих массу времени. И в тоже время по мере развития научно-технического прогресса в стране происходит практически непрерывное создание новых и модернизация существующих машин, оборудования, целых предприятий.

Проектировщикам, что называется, некогда головы поднять. А помочь проектированию нужно и можно: необходимо автоматизация проекто-конструкторских работ на основе ЭВМ. Она не просто возьмет на себя часть человеческого труда, но даст возможность анализировать и оценивать большое количество вариантов конструкций, находить оптимальные их характеристики, обеспечивать технологическую подготовку производства, в том числе подготовку программ для станков с числовым управлением.

То есть широкое внедрение машинного проектирования имеет и огромное социальное значение. Автоматизация существенно повысит уровень проектирования, так как проектировщики смогут успешней находить наивыгоднейшее решение среди всех возможных.

Новая техника и технология, новые материалы, новая продукция сегодня должны оцениваться по их социальному, экономическому и по экологическому эффекту внедрения в народное хозяйство. Иногда встречаются инженеры, которые прекрасно и с увлечением оптимизируют свои творения по прочностным, термодинамическим и т. п. характеристикам, но не пытаются или не

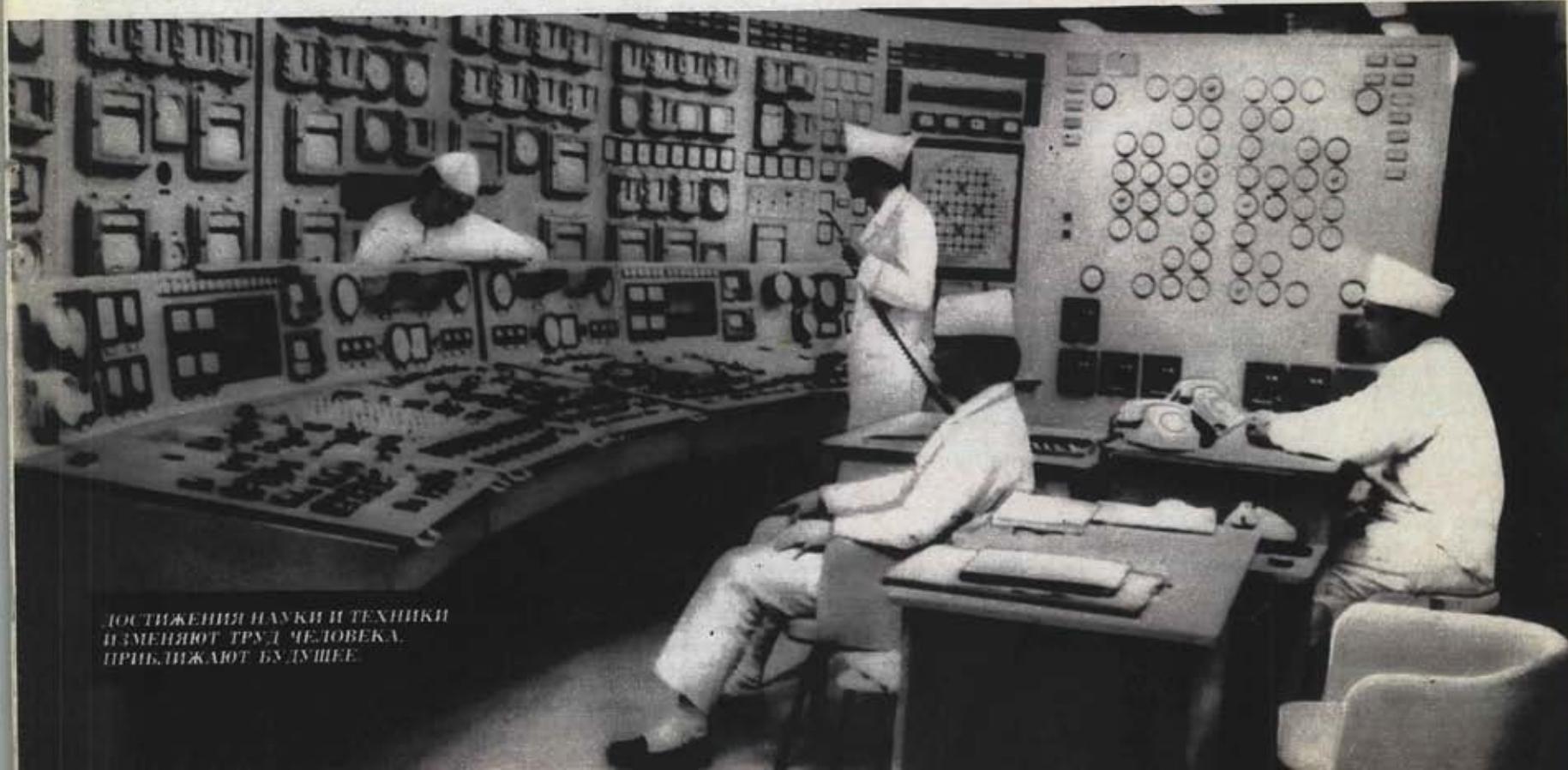
умеют делать это по экономическим, социальным и экологическим показателям. А в результате создатели новой техники и те, кто должен ее производить и эксплуатировать, говорят порой на разных языках.

Сегодня совершенно необходима комплексная оптимизация новой техники и технологии, например, для работы в условиях Сибири и Севера, где природа столь уязвима и хрупка. Транспорт должен быть «морозостойким», надежным и дешевым в эксплуатации при бездорожье и холодах, не разрушать окружающую среду (следы в тундре после гусениц вездеходов не застают несколько лет!), требовать минимума людей для своего обслуживания и перевозить максимум груза и т. д. и т. п.

Всем отраслям народного хозяйства нужна высокоеффективная, «ресурсосберегающая» техника и технология. И, кроме того, экономически выгодная. Иначе дело будет обстоять так, как с упоминавшейся утилизацией тепла: стоимость и эксплуатация утилизационных установок дороже выбрасываемого тепла! Сегодня от проектировщиков требуется по-новому подходить и к созданию новой техники и технологии: проектировать не отдельные станки или установки, а системы производств, предприятий, комплексов.

— Какую же область «ресурсосберегающей» техники вы назвали бы самой интересной для разработчиков?

— Я назвал бы трудосберегающую технику и технологию. Среди них осо-

ДОСТИЖЕНИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ
ИЗМЕНЯЮТ ГРУД ЧЕЛОВЕКА.
ПРИБЛИЖАЮТ БУДУЩЕЕ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Смена

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 16 (1326) АВГУСТ 1982

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
фотоэтюд
Льва
ШЕРСТЕННИКОВА

Г. И. МАРЧУК, заместитель Председателя
Совета Министров СССР,
председатель Государственного комитета СССР
по науке и технике.
**«НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС И МОЛОДЕЖЬ:
СТРАТЕГИЯ НАСТУПЛЕНИЯ».**

1 ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЛОБУС «СМЕНЫ».
Стихи Николаса ГИЛЬЕНА,
лауреата международной Ленинской премии
«За укрепление мира между народами».

4 Андрей БАТАШЕВ. «ЧАС ВЕРШИНЫ».

6 Рассказ Ивана ЗЮЗЮКИНА «НЕ БЫЛО ПЕЧАЛИ...»

12 XIX СЪЕЗД ВЛКСМ.
«СТАЛЬНАЯ НИТКА ВЫКСЫ».

14 АВГУСТОВСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ.
Обзор зарубежной печати.

16 «СТРОКИ ДРЕВНИХ ВРЕМЕН».
Репортаж из Центрального государственного архива
древних актов.

18 ЧЕЛОВЕК СРЕДИ ЛЮДЕЙ.
Ольга ЧАЙКОВСКАЯ. «ВЫБОР».

20 «ЖИВАЯ СТЕПЬ».
Фotoочек Леонида ПЛЕШАКОВА и Бориса НЕЧАЕВА.

22 Стихи Валерия ИСАЕВА.

25 Петр АБРАСИМОВ.
«У ВЕЛИКОЙ КИТАЙСКОЙ СТЕНЫ».

28 КОНКУРС ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ
«ПОЮ МОЕ ОТЕЧЕСТВО».

29 Ноэль КАЛЕФ. «ЛИФТ НА ЭШАФОТ».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. ГЛЕБОВ, Б. Л. ДАНЮШЕВСКИЙ,
В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ
(заместитель главного редактора), Ю. Д. МАКАРЦЕВ (ответственный
секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ,
В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный
художник), Б. А. ФАИН (заместитель главного редактора),
Д. Н. ФИЛИППОВ, В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник Е. М. Ульянова. Технический редактор А. В. Исаева.

© Издательство «Правда». «Смена». 1982 г.

бенно перспективны работы и сбалансированные автоматические манипуляторы, которые найдут применение на любом предприятии. Уже создана целая гамма роботов-манипуляторов, широкое внедрение которых совершил технический переворот на производстве, освободив людей от тяжелого ручного труда. А каждый робот — это повышение производительности труда в 2—3 раза. Причем он не только экономит труд, но создает возможность для перехода к более совершенным технологиям, повышает качество продукции, ликвидирует тяжелые и непривлекательные профессии. Пока в нашей стране работает около пяти тысяч роботов-манипуляторов, но в 1985 году их должно быть сорок тысяч!

На ближайшие десять лет создана и в настоящее время уже начала превращаться в жизнь обширная комплексная научно-техническая программа по разработке и освоению промышленных роботов. Они будут применяться в различных отраслях народного хозяйства — машиностроении, горнообрабатывающей промышленности, строительстве, легкой и пищевой промышленности, на транспорте и составят основу для перехода к полностью автоматизированным участкам, цехам и целым заводам.

Было бы замечательно, если бы именно комсомольцы взяли шефство над созданием этой прогрессивной и столь необходимой для страны техники, над ее освоением и внедрением, над подготовкой квалифицированных кадров, которые будут производить и обслуживать новые машины. Ведь это дело очень новое, а прокладывать новые пути свойственно именно молодым.

Если говорить об интересах дела, то не меньшие перспективы у научно-исследовательских работ и по автоматизации производственных процессов. Соединение станков-автоматов с электронно-вычислительной техникой породило станки с числовым программным управлением (ЧПУ). Их внедрение освобождает самую дефицитную категорию рабочих — пятого, шестого разрядов. Уже созданы многопозиционные станки с ЧПУ и целые обрабатывающие центры, где автоматически можно менять, например, 64 инструмента и совершать большое количество многообразных операций. Но чтобы переставить деталь на другой станок с ЧПУ или перенести на другой обрабатывающий центр, опять необходимо вмешательство человека, причем на самом примитивном уровне — транспортировке. Чтобы убрать из этой цепочки человека, нужен позиционный или адаптирующийся робот, переставляющий деталь с одного станка на другой в режиме автомата. Тогда получится непрерывная автоматическая линия.

Автоматизированная линия — последний шаг перед переходом к автоматизированному производству. Уже разработан и введен в действие типовой автоматизированный с применением роботов участок обработки валов электродвигателей на московском заводе «Динамо». Это типовое решение для автоматизации производства с переналаживаемым оборудованием позволит перейти к автоматизированным цехам, а в дальнейшем и к заводам. В текущей пятилетке на наших заводах будут созданы крупные автоматизированные участки с применением роботов-манипуляторов, несколько из них составят первый в стране автоматический цех на заводе «Динамо».

— В речи на XIX съезде комсомола и на майском (1982 г.) Пленуме ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев подчеркнул необходимость активного участия молодежи в Продовольственной программе, реализация которой открывает замечательный простор для проявления творчества ученых, инженеров, техников, механизаторов, полеводов, животноводов, организаторов производства.

— Фундамент Продовольственной программы составляют более десяти специальных научно-технических программ. Они объединяют усилия работников в самом сельском хозяйстве, в обслуживающих его отраслях, в системах заготовки, хранения, переработки и транспортировки сельскохозяйственной продукции. И, что особенно важно, эта программа подчиняет работу всех этих отраслей конечной цели — обеспечить наши потребности в продовольствии. Для ее достижения ученым и специалистам предстоит вывести новые высококачественные сорта сельскохозяйственных культур, улучшить кормовую базу и поднять продуктивность животноводства, разработать более эффективные технологии и предложения по решению ряда проблем села.

Теперь об управлении самими программами. Дело это сравнительно новое, сложное и интересное для ученых и организаторов народного хозяйства. Сегодня все целевые программы — составная часть Государственного плана развития народного хозяйства, и они контролируются по каждой отрасли. По всем программам определены головные министерства, ведомства и организации, которые должны «увязывать» работу между исполнителями, обеспечить высокий уровень создаваемой новой техники и технологии, контролировать ход всех работ. Кроме того, программы контролируют специальные координационные советы во главе с крупными учеными и специалистами.

— XIX съезд комсомола призвал советских юношей и девушек глубже овладевать знаниями и непрерывно пополнять их. Что бы вы лично посоветовали молодым ученым и тем, кто еще только готовится посвятить себя науке?

— Совершенно убежден, что добиться серьезных успехов в науке и технике может только тот, кто обладает фундаментом общей культуры. «Узкому специалисту» сегодня чрезвычайно сложно разбираться в задачах научно-технического прогресса, а тем более активно участвовать в их решении.

Высокий уровень общей культуры и хороший багаж фундаментальных знаний по важнейшим дисциплинам делают молодогоченного способным быстро овладевать любым новым для него вопросом. И вот как это, на мой взгляд, происходит. В начале научного пути, в процессе решения какой-то проблемы в рамках своей специальности ученик отрабатывает собственную методику, утверждает собственный почерк поиска и анализа, овладевает методологией науки и в среднем через пять—шесть лет добивается результата. Эти годы работы над одной проблемой порождают у смелого, творческогоченного, как правило, потребность начать исследовать новую проблему и нередко в новом направлении науки. И тогда он вдруг замечает, что вместо пяти — семи лет, необходимых прежде на вживление в гипотезы, теории и методы, теперь достаточно всего два-три года. Чудо? Нисколько. Просто начали работать выработанные творчеством «алгоритмы», обретенные ученым во время работы над предыдущей темой.

Меняя направление своих исследований, настоящий ученик обретает широту мышления, способность находить проблемы и умение их воспринимать. А то и предвидеть целевые направления, что очень важно для развития науки. И особенно важно для будущих руководителей науки.

Знания так быстро умножаются и обновляются, что современномученому, как никогда, требуется умение постоянно учиться, учиться и учиться. Этот ленинский завет сегодня стал непрерывным жизненным условием для того, кто хочет сказать в науке свое собственное слово.

Беседу вел
Игорь КОЛЬЧЕНКО.

Литературный глобус «Смены»

Николас ГИЛЬЕН,
член ЦК Компартии Кубы,
лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами»

Когда говорят «кубинская поэзия», у многих людей в мире эти слова связываются с именем Николаса Гильена. Выдающийся поэт, видный политический деятель, руководитель Союза писателей и деятелей искусств Кубы, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами», он вступил в год своего восьмидесятилетия, отмечавшегося в июле, с поистине молодым задором, с новыми стихами и замыслами.

Для мысли слово — как темница.
Душой усталой
не в слове я хочу тесниться,
а стать гитарой! —

сказал он в первой книге «Разум и сердце», написанной в 1922 году, выражив в этих строках сущность своей поэзии: прежде всего голос, напев.

Его стихи ритмичны, музикальны, легко запоминаются. Но главное — они всегда были наполнены чаяниями мужественного народа Кубы.

Неизвестный голос

Есть звуки, которые мы ощущаем на глаз,
беззвучные звуки,
трепещущие так странно
внутри нас.

Вы замечали,
как с немого экрана
доносятся издалека
(хотя и рождаются в подсознание)
стук молотка,
который лупцует гвоздь, или урчанье

автомобиля, или сопрано
аэроплана?

Психологи нам охотно объясняют что к чему.
А я тревожусь так безотчетно
и первобытно: никак не пойму,
отчего далекие удары, касанья,
которые лишь видны,
возникают внутри сознания
взгом пилы, напевом струны?

Поэты

Есть поэт, который пишет
для короля и для герцога,
называет себя их слугой. Робко шепчет:
«Мой господин», простирается ниц
и целует им ноги.
Он поет у господских столов,
заставленных яствами, но он знает,
что никогда не будет за ними сидеть.

Это поэт феодальный.
Кое-где он еще носит свой архаический фрак.

Есть поэт, для кого поэзия —
способ вопить о справедливости.
Он едет в автомобиле — безмятежно-подвижный.
Он может посадить на электрический стул
своих безвинных друзей.
Это поэт большого кровавого знака «\$»,
он верит, что мы поверим,
будто он верит, что он демократ,
лишь потому, что посещает места, где выдает себя
за обычный пиджак.

Есть поэт, сотворенный для колючего
гражданского множества,

для дискуссии в профсоюзе,
для партизанской тропы,
он говорит на простом и дружеском
языке тех, кто трудится рядом.
Как в известном рассказе,
он хозяин огня и надежды.
Он знает слова страшные, как слово
НАПАЛМ,
и видел спины, вылизанные этими
адскими языками, и знает слово
ВОЙНА,
полное грохота и дыма...
Но он знает и такие слова, как слово
ВЬЕТНАМ,
ПЕРУ,
КУБА,
ЧИЛИ,
БОЛИВИЯ
(это последнее —
в свежей крови студентов
и рудокопов), и, наконец, знает слово
ОТМЩЕНИЕ,
которое в переводе на общий язык наших народов
значит:
ПОБЕДА.

Анджела Дэвис

Я здесь не для того, чтобы говорить,
как ты красива.
Хотя я и считаю, что ты красива,—
речь не об этом.
Речь о тех, кто хочет, чтобы ты была мертвой.
Им нужна твоя голова,
чтобы украсить ею лавку Великого Шефа,
выставить ее рядом с черепами Джексона
и Лумумбы.
Анджела, а нам
необходима твоя улыбка.

Мы хотим заменить стены, воздвигнутые злобой,
ясными стенами ветра,
а крышу твоей скорби —
крышей из облаков и птиц,
а часовного, который тебя стережет, —
архангелом с его мечом.

Твои палачи ошибаются! Ты сделана
из сурового огненного материала,
из нержавеющей стали,
позволяющей сносить жару и дожди,
ветер и луну —
жить под открытым небом.
Ты дочь мечты,
из которой время вечно ваяло
свои статуи
и творило свои напевы.
Анджела, я застыл перед твоим именем
не для того,
чтобы по-юношески объясняться тебе в любви.
Нет, речь не об этом.
Я хочу сказать: ты достаточно сильна и гибка,
чтобы броситься на горло — и перегрызть его —

тем, кто желал, желает и будет желать,
чтобы ты скорела заживо, привязанная
к Югу твоей страны, привязанная
к грязному столбу,
привязанная к дубу без листвьев,
привязанная к пылающему кресту, к Югу.

Твой враг туп.
Он хочет перекричать тебя,
но мы-то знаем:
только твой голос звучит,
только он широко полыхает в ночи,
словно огненная колонна,
застывший луч,
вертикальный всеобщий пожар,
многократная молния, которая высвечивает
негров с пылающими ногтями,
все обезумевшие и измученные народы.
В сбывающемся сне, где я обитаю,
рядом с решительными милиционерами,
на соленом краю этого страшного,
но родного моря,
видя, как яростные волны разбиваются
о волнолом, —
я кричу и заставляю мой голос лететь на крыльях
великого ветра —
моего господина Карибского Ветра.
Я произношу твое имя, Анджела, как крик,
соединяю ладони не в мольбе, не в молитве,
не с просьбой, чтобы тюремщики простили тебя,
а в аплодисментах, в хлопках,
сильных и жестких, —
я хлопаю рукой об руку,
чтобы знали: ты, Анджела, — наша!

Фидель

Фидель, —
он Кубу в груди, словно сердце, несет,
она его светлая цель.
Фидель, —
с ним ожили лавры, забрезжил восход
над сном изможденных земель.
Фидель, —
с ним Куба забыла бесчестье и гнет,
весенняя, словно апрель.
Фидель!

Печальная роза Роза...

Ищу тебя в дальней дали,
где брезжит в душе рассвет,
печальная роза Роза,
Ты памяти моей цвет!
Когда заря выпадает
росой в полях и лесах
и день похож на младенца,
рожденного в небесах, —
печальная роза Роза,
зрачков безбрежная грусть, —
к твоим лепесткам упругим
я робкой рукой тянусь.

Когда косматое солнце
клубится над головой,
когда на закате вечер,
как трепет полуживой,
за стол сядешь на чужбине,
я вижу твой смуглый хлеб.
Когда тишина жгучей
заполнен полночи склеп, —
печальная роза Роза, —
как памяти моей цвет,
живой золотистой влагой
ты нежно студиши мой бред.
мою ладонь обживаешь
и взглядом целиши мой взгляд
настолько, что и вслепую
я вижу тебя, — и рад,
что вижу твой взгляд, вонзенный
мне в сердце, — так нужен мне
твой взгляд, отточенно точный,
как лезвие сна во сне!

Портрет Колибри

Эта дрожь — из какого металла?
(Не поймаешь — лови не лови.)
Я хочу, чтоб она украшала
грудь любимой залогом любви.

Эта дрожь — из пушистого света?
(Не поймаешь — лови не лови.)
Все соцветия крохотка эта
посещает, как чаши любви.

Эта дрожь — из каких сновидений?
(Не поймаешь — лови не лови.)
Вьется, носится среди растений,
словно рыцарь со шлагой любви.

Как поймать эту дрожь, эту малость?
(Не поймаешь — лови не лови.)
Эта дрожь — вот бы брошью осталась
на груди моей милой любви!

Перевел с испанского
Павел ГРУШКО.

Завершилась первая советская экспедиция на Эверест (8848 метров). Одиннадцать горноводителей— Владимир БАЛЫБЕРДИН (Ленинград), Эдуард МЫСЛОВСКИЙ (Москва), Сергей БЕРШОВ (Харьков), Михаил ТУРКЕВИЧ (Донецк), Валентин ИВАНОВ (Москва), Сергей ЕФИМОВ (Свердловск), Казбек ВАЛИЕВ (Алма-Ата), Валерий ХРИЩАТЫЙ (Алма-Ата), Валерий ХОМУТОВ (Москва), Владимир ПУЧКОВ (Москва), Юрий ГОЛОДОВ (Алма-Ата)— с первой попытки покорили высотный полюс мира.

Андрей БАТАШЕВ

Надев на себя все теплые вещи, которые только могли предложить ему пассажиры воздушного лайнера, он через воздухозаборник выключенного среднего хвостового двигателя вылез на «крышу» самолета. И там, обуваемый «ледяными» потоками, сумел пробить дырки в отодвигающемся листе обшивки и продеть сквозь них тросики, с помощью которых люди, находившиеся в салоне самолета, притянули лист и закрыли отверстие.

— Это все происходило во Внуково,— рассказывает Эдуард Мысловский, который снимался в фильме «Экипаж» в качестве каскадера.— На земле был установлен хвост самолета, рядом реактивный двигатель. Когда я, изображая героя-бортинженера, вылез наружу, включила ветродуй, и я работал в «ледяных» струях, температура которых доходила до двухсот градусов тепла. Выдерживал не больше полутора-двух минут, потом поднимал руку, и по моей команде реактивный двигатель выключали.

Прошло несколько лет, и Эдуарду Мысловскому выпала несравненно более трудная роль— стать руководителем передовой группы горноводителей, впервые в истории советского альпинизма покорившей Эверест.

За особую неторопливость, осторожность и плавность движений, отличающую Мысловского на маршруте, друзья-спортсмены зовут его «мадведем». Да и в обычной жизни Мысловский не производит впечатления спринтера. Но стоит только узнать, сколько успел он сделать за свои сорок четыре года, как в этой его подчеркнутой неспешности вдруг открывается огромная скорость, с которой Мысловский совершенствовался и в своей профессии (разработчиком) и в спорте.

Эдуард Мысловский окончил два вуза— Московское высшее техническое училище имени Баумана и физический факультет Московского университета, защитил кандидатскую диссертацию и сейчас работает старшим преподавателем Всесоюзного заочного машиностроительного института. Все это не помешало ему завоевать две золотые медали в первенствах СССР по альпинизму, стать обладателем «золотого ледору-

ба» (за покорение всех советских семиста тысячников), а также совершил ряд заранее запланированных киносценариев с героями поступков, об одном из которых мы уже рассказали.

..На высоте около 8 тысяч метров шерп Нав Ванг отказался идти дальше: «Я очень хотел помочь вам, но, к сожалению, не могу. Глаза...» Мысловскому пришлось переложить в свой рюкзак крючья и веревки, которые нес шерп. Тот отправился вниз, а Эдуард с рюкзаком на спине, вес которого вырос до 30 килограммов, медленно двинул вверх, вслед за Владимиром Балыбердиным, ушедшими далеко вперед. Расстояние между двумя альпинистами все увеличивалось, и в конце концов Эдуард понял, что с таким грузом не успеет засветло дойти до лагеря. Тогда он оставил рюкзак и двинул дальше налегке. Наутро Балыбердин продолжил путь наверх, а Мысловский должен был вернуться за рюкзаком.

— Я пошел с двумя жумарами,— вспоминает он.— Это зажимы, которые захватывают веревку. В одном месте я неправильно закрепил их. Зажимы сдвинулись. Я потянулся к ним, чтобы разъединить, и, сорвавшись под тяжестью рюкзака, описал, словно маятник, дугу. Качнувшись раз-другой, я повис, пристегнутый к веревке, вниз головой с тяжеленным рюкзаком за плечами. Внизу была пропасть, сбоку— скальная стенка без единой зацепки. В этот момент у меня кончился кислород. Высота была около 8 тысяч метров. Задыхаясь, я все же пытался пристегнуть рюкзак к веревке. Удалось сбросить его на руку, но дотянуться другой рукой до петли не смог. Почувствовал, что теряю сознание и рискую ость в таком положении навсегда. И тогда я отпустил рюкзак... К Володе Балыбердину пришел пустой: запасные руки, «кошки», крючья и веревки улетели в пропасть.

..За сутки до штурма в четвертом лагере на высоте 8250 метров они слушали по радио фортепианный концерт Эдварда Грига, который специально для них передавали в записи из базового лагеря. И мелодия, давным-давно родившаяся в Норвегии, вдруг подарила альпинистам предвощущение восторга, который— думалось, что это будет именно так— они испытывают на вершине...

— Еще день мы поднимались вверх, навешивая веревки,— вспоминает Мысловский.— Был у нас там один стометровый переход по узкому гребню. Ступаешь по нему, а края ботинка свешиваются с обеих сторон. Вправо есть куда лететь— там пропасть глубиной километра полтора и слева примерно то же самое... А по склонам идти нельзя— с одной стороны рыхлый снег, с другой— плотный фирн. И ничего, шагаешь, держишься за веревочку, балансируешь...

Нашли мы место для пятого лагеря, поставили палатку и расположились на ночлег. Мы не знали, хватит ли у нас сил совершить восхождение. У нас оставалось всего два с половиной баллона с кислородом. Володя сказал, что поскольку он молод и здоров, то обойдется без кислорода... В шесть часов 10 минут 4 мая мы вышли на штурм.

..Гора, испытывавшая их сорокаградусным морозом и ураганными ветрами,

теперь, казалось, решила использовать в поединке с альпинистами их собственное изображение...

— Когда было особенно тяжело,— рассказывает Мысловский,— мне начинало представляться, будто со всех сторон смотрят какие-то лица. Трешины в скалах, камни, любые мелкие детали рельефа мгновенно принимали образы каких-то фантастических существ.

Когда альпинисты были уже у самой вершины, все вдруг закрыло облаками, они видели лишь белый купол с островками дымчато-серых скал и темнотине, почти черное небо...

Они передали по радио: «Все вокруг спускается вниз. Вершина, укрытая толстым снежным панцирем, кажется нам серебряной».

— Вздох на пик,— продолжает рассказ Мысловский,— мы не ощущали восторга, который предвкушали внизу. Даже не обнялись и не поцеловались, как это обычно бывает. Уж очень тяжелый путь нам еще предстоит...

Пашел снег, а спускаться нужно было по наклонным, очень скользким плитам крутизной в 25—30 градусов. Мысловский шел без «кошек», в изодраных рукавицах... У альпинистов не осталось кислорода. А спуск становился все опаснее. И тогда Балыбердин сообщил по радио руководителю экспедиции Евгению Тамму, что группа находится в аварийной ситуации.

Навстречу сразу же вышли неоднократные призеры первенств СССР по скалолазанию Сергей Бершов и Михаил Туркевич. Вечером две группы встретились.

— Получив кислород и горячее питье, мы ожили,— вспоминает Мысловский.— Решили, что сможем сами потихонечку спускаться дальше. А Бершов и Туркевич в хорошем темпе, уже ночью, при луне, дошли до вершины. Потом они догнали нас, и мы вместе продолжили спуск. Когда были уже в 4—5 веревках от лагеря (длина веревки около сорока метров), луна зашла в облака и наступила непроглядная темень. Здесь-то я и обморозил пальцы. У меня не было возможности думать, как избежать этого. Всё мы должны были в полной темноте, на ощупь, найти дорогу к пятому лагерю. Если бы стали ждать, когда взойдет солнце, наверняка все обморозились бы. Холод был прыткий да еще с ветерком...

После 22 часов непрерывной работы Мысловский и Балыбердин наконец спустились в пятый лагерь. Для Балыбердина все трудности на этом практически закончились. Для Мысловского же только начались... Спускаться с обмороженными руками по веревкам было очень больно. Эдуард, конечно, мог сказать, что не в состоянии идти сам. Но тогда альпинистам пришлось бы нести его на себе, а это было невероятно трудно. Поэтому он промолчал. До первого лагеря Мысловский спускался еще двое суток. Прошел почти 80 веревок. На веревке—четыре крюка. У каждого надо перестегнуться, а для этого нужно дважды нажать на карабин, потом взять веревку, зажать в руке и сделать очередной шаг. А к тому времени у него уже попнули волдыри на правой руке...

— Я спустился вниз,— вспоминает Мысловский.— сел на камень, не веря себе, что все позади, и ощущая какую-то необыкновенную легкость во всем

теле, может быть, потому, что похудел за время восхождения на 16 килограммов... Ко мне подошел Сережа Бершов: «Ну что? Очень болят руки?» «Да нет,— ответил я.— Терпимо. Но... была мечта, а теперь ее нет. Поднялись на Эверест— и будто что-то потеряли».

***

Ерванд Ильинский, двукратный чемпион страны, заслуженный тренер СССР, работник спортивного клуба Среднеазиатского военного округа, и Сергей Чепчев, двукратный чемпион СССР, геолог Жетысуйской геологоразведочной экспедиции, не взошли на Эверест. Поднявшись до пятого лагеря (8500 метров), они отказались от штурма, поскольку было решено: они должны сопровождать вниз своих земляков— алматинцев, двукратных чемпионов страны Казбека Валиева, старшего инженера Института сейсмологии АН Казахской ССР, и Валерия Хрищатого, старшего инженера института «Казгипрорудхоз», которые покорили Эверест в час пятьдесят минут восьмого мая.

Подняться на Эверест. Добавить к своему росту еще 8848 метров и взглянуть вниз, на другие вершины, стремительно теряющие высоту по мере удаления от высочайшего пика мира. Они ждали этого момента 10, 15, 20 лет, все годы, в течение которых занимались альпинизмом...

Валиев и Хрищатый пытались подняться на вершину утром седьмого. Но на гребне их встретил ураганный ветер. Через полтора часа после выхода из лагеря они вынуждены были вернуться. На штурм пошли ночью. Ветер стих, с востока поднималась невидимая луна, высвечивая низкие, с огромной скоростью мчавшиеся над ними облака...

До этого они десять лет ходили в одной связке.

— И когда мы наконец поднялись,— замечает Валерий,— я подумал (уврен, такая мысль промелькнула и у Казбека): вот он, Эверест, в общем-то обыкновенная вершина.

Хрищатый решил собрать камни на память. И побежал вниз. Но там не было осыпи, рядом был край, отвесно уходив-

ЧАС ВЕРШИНЫ

ший вниз, в черноту. Хрищатый вернулся, пошел в другую сторону. И здесь, не выбирая, нагреб полный рюкзак. И сразу же почувствовал: надо уходить — ход под пронизывал насквозь...

Потом, в Москве, я спрашивал Хрищатого, какие козы приготовил альпинистам Эверест во время восхождения. Валерий, как мне показалось, даже слегка обиделся, услышав такое. Как, мол, я мог заподозрить Эверест в коварстве?

— Гора, она хотя и бездушная и суровая, не скрывает от тебя ничего,— говорил Валерий.— И если ты проглядел опасность—значит, сам виноват. Если пошел на запланированный риск и что-то у тебя не получилось—пеняй на себя, ты все знал заранее.

Поначалу гора проверила альпинистов, когда они проходили ледопад Кхумбу на высоте около 6000 метров. Там не было особых технических сложностей. Но спортсменов не покидало ощущение, что сейчас все уедет из-под ног или же на голову свалится кубометр льда. Скорость ледопада Кхумбу один метр в сутки, однако трещины разрываются совершенно неожиданно, а на отдельных участках столь же внезапно начинает падать лед. Абсолютно безопасного пути через ледопад не было.

В первый раз Валиев и Хрищатый слегка обморозили лица, еще не доходя до первого лагеря на высоте 6500 метров.

— И откуда там ветер брался—понять не могу,—вспоминал Валерий.— Замкнутый цирк, а ветер со снегом так и хлещут. Ну, и на гребне 8500 нас здорово потрепало...

Когда альпинисты спускались, Эверест подарил им редкостное зрелище, в котором участвовали и окрестный пейзаж, и луна, и солнце...

Продолжение на 11-й стр.

КОМАНДА
СОВЕТСКИХ
АЛЬПИНИСТОВ
У ПОДНОЖИЯ
ЭВЕРЕСТА.

ТРЕТИЙ ПОЛЮС

Музыка и слова
Юрия ВИЗБОРА

Когда перед тобою возникает
Красивая и трудная гора,
Такие мысли в душу проникают,
Что выйти снова нам в поход пора.
И мы уходим в мир суровый этот,
Где суждено не каждому пройти,
Где видно, как качаются планеты
На коромысле Млечного Пути.

ПРИПЕВ:

Туда не занесет
Ни лифт, ни вертолет,
Там не помогут важные бумаги.
Туда, мой друг, пешком
И только с рюкзаком
И лишь—в сопровождении отваги!

Представьте,
что не тают там в тумане
Следы людей,
прошедших раньше нас,
Там слышен голос Миши Хергиани,
Спина Крыленко сквозь пургу видна.
И вечно будем мы туда стремиться,
К возвышенным над суетой местам,
Поскольку человеку, как и птице,
Дана такая радость—высота.

ПРИПЕВ.

Прославим тех,
кто был на Эвересте!
Кто третий полюс мира покорил,
Кто, кроме
личной альпинистской чести,
Честь Родины своей не уронил.
А если где-нибудь гора найдется
Повыше эверестовых высот—
Из наших кто-нибудь туда прорвется,
Не хватит дня—
так ночью он взойдет!

ПРИПЕВ.

то утро Генка просыпался дважды

Б Первый раз—наверное, еще пяти не было... Солнце едва-едва поднялось над Вихровкой. Но, несмотря на такую рань, сразу засветилось ярко, во всю силу, рассыпая свои лучи, куда только можно. В бытовке, в которой Генка, разметавшись на раскладушке, безгрешно спал, оно отыскало выщербленный сучок. И цилиндриком белого света, точно палкой, уперлось в щеку спящего. На него мигом занялся золотым огнем мягкий пушок, какой вырастает у мальчишек к четырнадцатому рубежному году. Не просыпаясь, Генка с улыбкой погладил нагретое солнцем место. Лучу это не понравилось. Со щеки он перебрался на Геникин нос, большой, горбатый, со смешной загогулиной на кончике, а затем съехал в глазную впадину и угодил в веки, склеенные крепким сном. Генка, ощущив теплое щекотание в ресницах, доверчиво открыл круглый со сна глупый глаз. И тут же в гневе застонал, завращаясь на раскладушке: сметая сон, солнце больно, до самых пяток, прострелило его ослепительно ярким светом...

Засыпая вновь, он нехорошим словом назвал Степана Самсоныча, хозяина садового участка, у которого папа Витя и мама Люда, дорогие Генкины родители, третье лето подряд снимают эту щелястую бывовку. Силен дядя! Когда-то купил ее для хозяйственных нужд, по нынешним ценам, считай, задарма у строителей, а теперь сдается — под дачу! И хоть бы чём-нибудь забил щели. Нет, у него один разговор: не нравится, не снимайте, вон сколько тут вашего брата ходит... В Вихровке, что ни дача, то какая-нибудь знаменитость проживает. Либо артист кино, либо диктор телевидения, либо лучший нападающий «Динамо». Этих людей здесь то и дело встречаешь в самом поселке, рядом с ними загораешь на пляже. Можно, углядев один и тот же гриб, с кем-то из них нос к носу столкнуться в лесу и перекинуться словом. А на следующий день, на работе или в гостях, описать эту встречу. И тебя будут слушать так, словно ты сам какая-нибудь знаменитость...

Такие предпримчивые люди наподобие Степана Самсоныча превратили свои участки в золотые жилы. Качают монету с каждого квадратного метра земли. Правда, полными паразитами их не назовешь. Все они, не разгибаясь, с утра до вечера ковыряются в земле: фрукты-овощи выращивают. Но сами, Генка заметил, их даже на зуб не пробуют. Как только поспеет, корзинами, синие от натуги, ташат на рынок. Денег у них, дураку ясно, не сосчитать. Возьми каждого второго — для чего они ему? Особенно такому, как Самсоныч. Дядя за семьдесят, вдовий, детей нет. А все равно копит и копит, прибавляя рубль к рублю. Словно рассчитывает: когда смерть придет — он на свои сбережения у кого-то приобретет несколько лет жизни. И чтобы участок приносил дохода еще больше, надстраивает над своим садовым домиком мансарду, похожую на

Иван ЗЮЗЮКИН

PACCKA3

НЕ БЫЛО П

скворечник (нынче сдал ее какой-то старухе, которая говорит, что она писательница), каждую осень с места на место перетаскивает яблони и груши, освобождая площадь для доходной клубники... Еще когда вокруг участка росла персидская сирень (покойная жена для красоты посадила), щелей в бытовке никто и не замечал. Но вот прошлое лето выдалось дождливым, холодным, и у Самсоныча (ай-ай!) вымокла картошка. Усмотрев в сирени главную виновницу вымокания («Все солнце забирает, а толку от нее?!»), он в один вечер топором и ножковкой обкорнال все деревца, оставил одни остовы. С того времени бытовка лишилась тени. По участку стали разгуливаться едкие сквозные ветры. У Самсоныча новая беда: весной прежде времени с яблонь цвет облетел. Яблочек Самсонычу в этом году не видать. Но так ему, старому хрычу, и надо...

С тем Генка и уснул. И еще примерно с час спал. Да так сладко, ненасытно, будто с каждым вдохом втягивал в себя глоток душистого, янтарного меда, а с каждым выдохом освобождался от грехов... И снился ему в это время диковинный сон... Будто бы в его классе идет контрольная по математике. Он сидит на последней парте с Фариком Алеевым. Есть у них такой. Так-то он ничего мальчишка, но внешность его Генке на нервы действует. Обидно до чертиков становится иной раз. Алеев — татарин по метрикам, а выглядит как русский: голубые глаза, волосы светлые. А его, Генку Колычева, русского и по матери и по отцу, из-за носа и смуглой кожи принимают и за грузина, и за еврея, и за цыгана, и даже за грека — только не за русского!.. «Вы все что? — спрашивает Генка Алеева и крутит пальцем у виска. — С бороздки съехали?» «Почему?» — не понимает его Алеев. «Каникулы!.. — поражается, глядя на него, Генка. — А вы мучаетесь, контрольную пишете». «Не слышишь? — шипит на Генку переди него сидящая змея и сплетница Зубанова, живет в одном с ним доме. — Новый приказ выш-шшел: учиться круглый год. И без вых-х-ходных!» «Еще чего?!» — нахмурился Генка во сне. Во сне же достал из портфеля бутылку «Фанты», брикет мороженого пломбира, приветливо помахал Фарику... и с легкостью пушинки взмыл вверх. И пока остальные, покусывая кончики авторучек, бились над задачками, он свободно парил над рядами парт. Хорошо-то как было! Только в этом сне и почувствовал, что значит быть на высоте. Пользуясь случаем, подплел к Зубановой, плеснул ей за ворот капельку «Фанты»: на тебе, змея, не болтай про меня всякой ерунды, не знаешь, что такое фарцовка, так и молчи... «Колычев, прекрати безобразничать! — вдруг услышал он голос математички. Оглянулся, а она рядом с ним парит с грибной корзинкой в руке. — Еще один приказ вышел: считать тройки двойками! А так как ты у нас круглый троечник, то немедленно садись на место и работай!..» Генка послушался, совершил посадку около Алеева. И только хотел кашнуть Зубановой на тетрадь, как математичка поднесла к его носу здоровенный, похожий на боксерскую перчатку, подносиновик и предупредила: «Попробуй меньше четырех получить — на педсовет вытащи!» И тут же испарилась... Чего только не приснится! В жизни эта учительница совсем не такая. Наоборот, спокойная, не злая, с ним, Генкой, часто по душам разговаривает, хотя, бывало, он у нее и двойки получал. А во сне — к чему бы это? — раскричалась, стала угрожать. Совсем как «руслака», их классная, в жизни. Эта-то, он хорошо знает, терпеть ее не может. На последнем перед каникулами классном часе при всех ленивым, и, как только язык повернулся, бездуховым назвала. «По моим сведениям, ты ни книгами, ни кино, а лишь дефицитными вещами интересуешься! — сказала... Допустим, Колычев, как она говорит, такой. А сама? Только уроки кончатся,

хватает сумку и по продуктовым, промтоварным магазинам бегает. Духовные ценности достает, да? «Скажешь, одноклассники о тебе другого мнения?» — вновь возникла и каким-то образом угадала ход его мыслей математичка. — То же самое говорят: Кольчев наш лучший в школе класс тянет по всем показателям вниз, совершенно оторвался от коллектива и какими-то темными делишками на стороне занимается... — Она угостила его лесной земляникой, погладила по голове. — Ешь... Что ты фарцуешь, в это я не верю. Но согласись, дыма без огня не бывает».

«А ну их всех...» — пробормотал Генка и резко повернулся на другой бок.

От перемены мест слагаемых, как известно, сумма не меняется. А вот со снами, если повернуться на другой бок, что-то происходит. Генка по-прежнему сидел за партой, но уже не в классе, а на участке Самсоныча под яблоней. И не с Алеевым, а с ...собакой! Да, рядом с ним, положив лапы на парту, сидела черная Найда, хозяйствская собака. И шумно, суетно на участке было, как на собачьей выставке. «Кто тебя сюда посадил?!» — изо всех сил сдерживая себя, спросил Генка Найду. «Самсоныч», — застенчиво ответила она, одним махом длинившего языка слизнула у него все мороженое и тут же, боясь наказания, виновато заскутила. От этой ее выходки Генке дурно стало. Снова он веретеном завращался на раскладушке. Чтобы ничего не видеть и не слышать, намотал на голову одеяло. Не помогло! «Шенки скулят!» — наконец осознал он то, что его разбудило во второй раз.

Генка глянул на часы и чуть не заплакал: еще не было шести! Сколько он помнит себя, его всегда будят. Только год стукнуло — папа Витя и мама Люда стали по утрам втихомирно его, сонного, вялого, в колготки, рейтузы, сапожки и относить в ясли. Немного подрос — большущее им спасибо! — в сад устроили. Та же жизнь с одной лишь разницей: теперь самому приходилось во все втихомирно. Надеялся, что в школу пойдет — отоспится. Напрасно! Папа Витя и мама Люда у него по профессии оба связисты, а по привзванию — великие педагоги. Оба считают: чем меньше они будут любить и холить своего единственного сына, тем больше шансов, что из него выйдет толк. Можно подумать, у них только и забот, как бы он без дела не остался. Каждый день: это помой, это выгребись, то купи... Мало того, что он шесть раз в неделю встает в семь утра и идет в школу, обязательно что-нибудь и на воскресенье придумывают. Сами спят, а его посыпают за разливным молоком или очередь у пункта по приему макулатуры занять. А сколько раз было такое: приедут к ним друзья-товарищи, сидят, веселятся, песни поют. Глядь, а метро уже не работает. И тогда начинается. «Генусик! — будет его мама Люда. — Иди, котенок, поспи на кухне, а дядя Такой-то и тетя Такая-то поддохнут в твоей комнате». Злится он на эти дерганья по-страшному. А что поддашь? Маму Люду не послушаешься — с папой Витей будешь иметь дело. А у отца, хоть он и пишется русским, характер вспыльчивый, как у черкеса. Ему

одно слово поперек скажи, глазами начинает вращать, руку, как саблю, над головой заносит. Лучше не связываться, уступить...

Точно так же Генка рассуждает, когда начинаются летние каникулы и родители объявляют ему, что он едет в пионерский лагерь на все три смены. Начнут расписывать, как ему там будет хорошо. Он молчит. Спорь не спорь—все равно отправят. Лучше притвориться, что сам только и мечтал об этом. По-хорошему он бы пожил в лагере месяц—там ничего иной раз братва собирается. А остальную часть лета провел бы в городе или в Вихровке. Но родители боятся, что он свяжется с плохой компанией и чего-нибудь натворит. А в лагере, рассчитывают, их сыночек будет как в камере хранения, там, мол, ему не дадут наделать глупостей, в чем они, кстати, заблуждаются: глупостей, если захочешь, везде можно наделать...

И, так и не проронив ни слова, он достает рюкзак с вышитой на нем его фамилией и инициалом «Г» — начинает собирать вещички. А по дороге в лагерь, сумрачно поглядывая в окно автобуса, снова и снова приходит к выводу, что взрослые понимают только самих себя. Он не любит никуда ездить из-за своего уродливого носа. Но кому об этом скажешь? Родителям? Им-то в первую очередь не скажешь. Носом не кто-нибудь — они его наградили. От мамы Люды получила горбинку, от папы Вити — загогулину.

Во дворе и в школе к его носищу вообще-то все уже пригляделись. Он и сам о нем забывает. А вот как на новое место приедет — плятят глаза, словно он Боярский или побывал в желудке у кита. Причем многим дурачкам еще и хочется потрогать нос руками или шуточку отпустить. Вроде того, что с таким носом надо быстрее выходить на ринг, там его мигом выпрявят, или идти в сельское хозяйство, где его вместо плуга будут использовать. Хорошо, у него крепкие нервы. На все потуги он отвечает шуткой, которая всегда действует безотказно. Как только кто-то начнет упражняться, он весело подмигнет и скажет: «А жить-то и с таким носом хочется!»

И еще в чем его милые родители крупно ошибаются, загоняя его на все лето в лагеря,— что он там отдыхает душой и телом. Как бы не так! Может, ему просто большие других не везло, но почему-то он всегда попадал к вожатым, которых словно специально обучали, как не давать детям покоя и в каникулы. То будят ни свет ни заря и ведут встречать восход солнца (можно подумать, оно без тебя не взойдет), то среди ночи по учебной тревоге поднимают — и беги с рюкзаком на спине во тьму кромешную... Кому-то из братьев все это нравится. А его, получается, опять дергают. И на какие только хитрости он не шел в лагерях, ни разу не удавалось высаться так, чтобы глаза, как цветы поутру, сами собой открылись и ты мог бы себе сказать: «Все! Больше спать не в куда!»

И вот сегодня... Каникулы. Воскресенье. В бытовке он живет один. Папа Витя и мама Люда, слава богу, взяли отпуск и уехали «дикарями» на ЮБК (Южный берег Крыма). И здесь появятся дней через десять, не раньше. Чем не жизнь? Праздник! Кстати, как раз сегодня у него день рождения. Законнее причины спать до упора быть не может. Так нет! Шенки, кто их только придумал, не дали...

С намотанным на голову одеялом Генка лежал и пытался представить, что сейчас делается в конуре. Ясно, что. Шесть щенков, переползая друг через друга, тычутся во все стороны, рокот мордами подстилку. Мать ищут! Ту самую Найду, которую он только что видел во сне... Но зря они ее ищут. Вчера перед обедом Генка, возвращаясь с речки, переехал на велосипеде через бетонку и увидел Найду в кювете. Лежала она с высыпнутым набок языком и уже вся была в чешуе

зеленых мух. Кто-то сбил на большой скорости... Врать, что у него при виде убитой собаки сильно сжалось сердце или, как там еще пишут в книжках, навернулись слезы, он ни себе, ни другим не станет. Постоял немного — и поехал на дачу. Лишь на Самсоныча зло взяло: плохо он кормил собаку. Щенки тянули из нее, вот она и бегала через бетонку поживиться отбросами. И добегалась, писка...

Самсоныч вчера с утра под третий урожай редиски (первые два съел червячок) перекапывал и травил грядки. Узнав от Генки, что случилось с Найдой, с силой вогнал лопату в землю и смахнул пот.

— То-то я гляжу: ее все нет и нет. Думал опять с Мухтаром спуталась, — не знал он, как выразить свою печаль. — Жалко собаку! Где я такую возьму?

— Их сколько тут, беспризорных, бегает, — заметил Генка.

— Это не собаки, — поморщился Самсоныч. — Пустолайки. А Найда умница была. По ночам зря голоса не подавала. Но если кто чужой к воротам подходил, весь поселок на ноги поднимала!..

Генке после купания зверски хотелось есть. Но он стоял, не перебивал Самсоныча. Как-никак — хозяин. С ним надо повежливей.

— Да, ей теперь не поможешь... — Самсоныч продолжал говорить о Найде, а смотрел уже в сторону конуры — щенки, изголодавшись, начинали поскуливать. — С ними вот что делать? А? — спрашивал он так, будто это Генка их осиротил. — Они же без матери не сегодня-завтра подохнут.

— Подохнут...

— Ты вообще-то любишь животных? — напрямик спросил его хозяин.

— Ага, — кисло подтвердил Генка.

— Собака — друг человека. — Самсоныч шутя вытащил лопату. — Лучше не скажешь, верно?

Генка, мучаясь, поглядел на небо. Погодка: ни одного облачка! Сейчас он разогреет себе вчерашнюю кашу, хлобынет стакан чаю. И — опять на речку!

— Парень ты, я знаю, умный, — заявил Самсоныч, хотя не имел на то никаких оснований: Генка в Вихровке редко бывал, и знать его хозяин с этой стороны не мог. — И по всему видать, добрый. Короче, о чём тут говорить? Выручай сироток...

Кто бы знал, какая это благодасть: раскальзаться на солнце и нырнуть в прохладную речку, полежать, уцепившись за корягу, на дне...

— Такой еще момент учи, — все сильнее напирал Самсоныч. — Мухтар, ихний отец, красавец пес. Грудь как у волкодава, лапы — во! А выносливый, черт! Он здесь один всю зиму живет, крысами питается и дачу от хулиганов охраняет... Это я к тому, — на всякий случай пояснил Самсоныч и опять посмотрел на конуру, — что Найда хорошее потомство принесла. Надо его сохранить. Давай так. Одного выходишь для меня, другого себе возьмешь. А остальных я продам. Согласен?

ЕЧАДИ...

— Нет! — резко, даже в затылке кольнуло, мотнул головой Генка и быстремякоркнул в бытовку. Кое-как подправился, подкачал шины — и рванул на третьей космической скорости подальше от всего...

Вечером, возвращаясь с речки, он еще издалека услышал: щенки скулили не переставая, похоже даже было, что плакали. Подъехал и увидел такую картину: у ворот участка, возбужденно покуривая папиросу «Казбек», туда-сюда в широкополой розовой шляпе расхаживала Медея Витальевна. Та самая, что у Самсоныча одна сняла мансарду с двумя комнатами, и там, на верхотуре, колоти пальцами по машинке, целыми днями пишет новую книгу.

— Это нарочно не придумаешь! — не выпускав из рта папиросу, жаловалась она на свою писательскую жизнь. — В городе мне не давал работать соседский ребенок. Кричал сутками напролет. Приехала сюда. Бог послал щенков!.. Что мне прикажете делать, Степан Самсонович? Ведь я поселилась у вас, чтобы ра-бо-тать! Но что напишешь в такой обстановке? У меня душа плачет, до того их жалко...

— Медея Витальевна, а что я могу? — просил войти и в его положение Самсоныч, невидимый в смородиновых кущах. — Хотите, выброшу яму, посажу их в нее... а вы закопаете? И сразу станет тихо...

— Не стыдно предлагать такое?

— И я не зверь... Не могу...

— А почему, собственно говоря, их надо закапывать? У них такое же, как у вас с вами, право жить... Придумайте чего-нибудь.

Пришлося Самсонычу бросить все садово-огородные дела и идти в другой конец поселка за молоком. Ходил он долго. У него вся сила в руках, а ноги больные. Последний раз, говорит, бегал в годы первых пятилеток... Принес молока, накормил щенков из бутылочки с соком, те угомонились и уснули. И лишь тогда Медея Витальевна поднялась в свой скворечник и опять там застучала на машинке.

А Самсоныч, видно, еще не потерял надежды сделать Генку юным натуралистом.

— Их всего-то полторы-две недели подержать на молоке, — убеждал он. — А потом хоть на картошку переводи, ничего им не сделается... Как, Геннадий?

— Не могу.

— Каникулы. Все равно ведь ничего не делаешь...

— Сказал же: не могу.

— Я-то думал: молодой, любознательный, сознательный! — вскипал Самсоныч. — А ему все нипочем!.. Не понимаю, как таким лоботрясам родители разрешают жить за городом?

— А при чем тут это?

— При том... Ты тут чего-нибудь натворишь. А кто отвечать будет?

Видеть Генка не видел, но чувствовал: их разговор слушает Медея Витальевна. И точно, стрекот машинки прекратился.

— Степан Самсонович! Напрасно вы его уговариваете, страшаете. Это не метод воспитания. — Она говорила в открытое окно, не показываясь из скворечника. — Сначала надо разобраться в его психологии. Сдохнут щенки или нет, это его, понимаете, не касается.

Генке было все равно, что думает о нем эта старуха. Не за тем сюда приехал.

— Но самое грустное в другом... — продолжала она через его голову разговаривать с Самсонычем. — Молодой человек, наше с вами, так сказать, будущее.

слушает нас и искренне, я подчеркиваю, искренне не понимает, из-за чего мы с вами волнуемся... Он-то живой, сырый... У него есть папа, мама, друзья, которые его любят... Что ему еще надо?..

Говорила она с большими паузами. Наверное, затягивалась «Казбеком». Потом оставила Генку в покое и вспомнила про одного своего приятеля-драматурга, у которого сразу три собаки...

Она еще что-то рассказывала про этого своего приятеля, да Генка больше не стал ее слушать, подался к себе в бытовку. Он пока еще не сошел с ума, чтобы связываться со щенками. Драматургу почему не держать целую свору? Денег, наверное, навалом. А в его кармане побрензыивает всего сорок восемь копеек. Это — съездить в город. А вернуться уже будет не на что. Сам-то он до возвращения родителей с ЮБК как-нибудь продержится. Есть крупа, макароны, три бутылки подсолнечного масла, сахар. И много-много соли. А щенкам подавай молока, причем не меньше, чем на рубль в день. Самсоныч удивится, никаких денег ему не даст. Этую, из скворечника, он и просить не станет... Но даже если бы были деньги — и то бы не стал связываться. Папа Витя и мама Люда, как только вернется из отпуска, попрут его отсюда. Туда же, откуда он сюда прибыл позавчера...

А прибыл Генка в Вихровку не откуда-нибудь, а из «Фокуса». Это так называется лагерь, в который мама Люда с помощью школьной подруги-кинооператора устроила его в этот раз. Лагерь — закачаешься! В сосновом бору. Есть бассейн. Кормежка пять раз в день. Вечером — кино и танцы. И публика там собралась — дети работников искусства в основном. Все, как один, культурные, современные, друг друга знают, словно близкие родственники. И вожатый на этот раз попался — совсем не то, что прежде. Студент ВГИКа. Миша зовут. По ночам не будет. Интеллигентный, днем и вечером не снимает темные очки и мечтает поскорее снять ленту. Он, как увидел Генку, сразу заулыбался и стал вовлекать его в кинокружок. «Мы тут по моему сценарию хотим сделать одну смешную короткометражку», — преподнес он эту новость Генке как большой подарок. — И нам позарез нужен для главной роли именно такой, как ты, типаж с отрицательным обаянием...» А сам при этом, то слева заходя, то справа, посматривал на Генкин нос! Как будто уже приступил к съемкам... Генка его отлично понял. Но сказал, что сниматься не будет. «Напрасно, — сухо пожал плечами Миша. — А вдруг кино — твое призвание?..» Генка все равно не захотел сниматься. У Миши из-за этого испортилось настроение. Он с чего-то вдруг стал интересоваться, чем же Генка, если не кино, в жизни увлекается. «Спортом? Техникой? Рисованием?.. Чем?» Генка промолчал. «То-то и оно», — заметил Миша и отправил его в столовую — накрывать столы для их отряда.

Но когда Генка молчит — это не всегда означает, что ему нечего сказать. Интерес у него в жизни был. И большой! К «ченджу». (В переводе с английского — обмену.) К тому самому делу, которое дура Зубанова путает с фарцовкой...

Как другие люди в его возрасте, забывая про сон и еду, занимаются разведением рыбок в аквариуме или до истощения сердечной мышцы гоняют на льду шайбу, так и Генка не мог нормально жить, если он с кем-нибудь чем-нибудь на что-нибудь не обменивался. Предположим, утром он уходил в школу в одной шапке, а возвращался в другой. Не важно, что его была новой и подороже. Важно, что эта ему нравилась больше той. Случалось, он посреди зимы менял шарф ручной вязки на шикарные плавки, а весной выменивал их на перчатки с меховой подкладкой. Были, конечно, и примеры обратного порядка, когда кто-то из рук Генки взамен своей вещи получал товар не самого высокого качества или совсем не по сезону. Но Генка ли был инициатором «ченджа» или кто-то другой, во всех случаях виноватым признавался он. Уж больно порочной казалась всем его внешность.

Сначала «ченджем» он занимался только в своей школе. Но после нескольких хороших проработок на совете отряда и в кабинете директора перенес эту свою деятельность за пределы. И хотя она не лучшим образом сказывалась на его учебе, духовно отдала от класса, Генка ничего поделать с собой не мог. Страсть чем-то разнообразить свою жизнь крутила его мысли, как колесики, в одном направлении. Допустим, на новый год родители подарили ему югославские кроссовки. А ему в тот момент хотелось иметь портфель типа «пресс-атташе». И вот, узнавая, что почем, он начал ходить по промтоварным, комиссионным магазинам, заглядывал и в «Березку». Заполучив наконец-то желаемую вещь, он чуть ли не целовал ее. А через некоторое время — обменивал на что-нибудь другое...

Со временем Генка стал авторитетной личностью в своем микрорайоне. Все подростки, которые были одержимы той же страстью, что и он, знали: носатика Генку посреди ночи разбуди, он не задумываясь скажет, что сейчас в ходу — вельвет в крупный или мелкий рубчик, Дюма или Морис Дрюон, сколько стоят в переводе на наши деньги чеки, левы, кроны и т. д.

Дома Генкину страсть к «ченджам» всякими способами заглушали. Папа Витя сколько раз заносил над ним свою руку-саблю. Служалось, и опускал. Не помогало. Мама Люда после каждого сигнала из школы или детской комнаты милиции плакала от стыда. «В кого ты так коммерсант?!» — допытывалась она, держа сына за уши, чтоб глаза в сторону не уводил. А Генка не знал, что сказать. Может, это в нем кровь какого-то предка говорит. Может, это у него какая-то неизвестная наука болезнь. Откуда ему знать? Но точно, что он не в родителей пошел. Мама Люда в справочном бюро работает, по 09 отвечает. Какая там коммерция? Папа Витя в узле связи установкой телефонов заведует. Мог бы, если бы захотел, получать «в лапу». Не получает. Кто-кто, а дети про своих отцов все знают. Даже больше, чем те думают... Но и другого Генка не понимал: за что ему дома по шее дают, и в школе многие с оттопыренной губой на него поглядывают? Он не вор и не грабитель. Он только обмен признает. А обманом, как про него сплетничает белобрыса Зубанова (которая, кстати, еще год назад защищала его и дружбу предлагала), он никогда не занимается. И захотел бы, так кого обманешь? Все ушлые стали, самому бы не прогореть...

В «Фокусе» Генка у одного рыженького пионера увидел австрийский транзистор величиной с портсигар. И сразу стал сам не свой. Побежал в палату, достал из рюкзака роскошный купальник халат производства Индии (мама Люда загодя подарила к дню рождения) и футболку с бешеным мустангом на груди производства США (выменял за двести метров японской лески). Рыженький, скривившись, тер пальцами, мял халат и футболку. Усомнился, что халат из чистой шерсти. «Сам ты из синтетики!» — беззлобно возразил ему Генка. «Вот если б у тебя был Мандельштам, — завздыхал рыженький. — Тогда бы я еще подумал...» «А «Золотой осел» Апулеме годится?» — с бьющимся сердцем спросил Генка. «Тоже неплохая вещь», — ответил рыженький, слегка покраснев.

«Золотого осла» у Генки в помине не было. И не читал он эту книгу, а только слышал, что она про любовь и со всякими там картинками. Он видел «Осла» у кого-то в лагере. Ног не пожалел, нашел хозяина. А тому за «Осла» хотелось иметь кассету с АББА на одной стороне и «Машиной времени» — на другой... Три дня Генка не ел, не пил, занимался «ченджем». Он получился, как и в некоторых

случаях обмен квартир, многостепенным. К халату и футболке пришлось еще приложить авторучку с рыбкой, плавающей в прозрачном наконечнике (подарок папы Вити), и десятку, которую мама Люда в последний момент перед посадкой в автобус тайком от папы Вити сунула уезжающему сыну! Наконец он достиг своей цели: портсигарчик принадлежал ему! Был на седьмом небе. Слушал приемничек, где и когда только мог. Даже спал, положив его себе на ухо. Но вот в лагере приехала мать рыженького и объявила совершившийся по добруму согласию обмен ценностями «грязным жульничеством». Вожатый Миша полностью согласился с ней, отнял у Генки портсигарчик и предупредил:

— Завтра на линейке поговорим о твоем моральном облике...

Страшная обида переполнила Генкину душу. Он дал за портсигарчик в переводе на чистые деньги с верхом. И что вышло в результате? Все остались при своих интересах. А он — со своим носом. Тот мальчишка, которому отдал все свои вещицы и денежки, уже отбыл из лагеря. И вот теперь Колычев должен стоять перед строем и доказывать, что он не слон?

Когда в лагере наступил «тихий час» и все в палате уснули, Генка сбросил с себя одеяло, под которым наготове лежал обутым и одетым, и вышел из корпуса.

Домой, в город, он, не какой-нибудь дурак, не поехал. Там его быстро найдут и обратно в «Фокус» отправят. Прямым ходом поехал в Вихровку. Только папе Вите и маме Люде может прийти в голову, где он укрывается. Но сначала пусть их самих разыщут среди тысяч «дикарей» на Южном берегу Крыма. Легче иголку в стоге сена...

...Успеть в третий раз Генка, как ни старался, уже не смог. Он вышел из бытовки на яркий свет. Потянулся, зевнул — и чуть не вывихнул себе челюсть! Над его головой, треща перьями, пестрый бумерангом пролетела сорока. Говорят, это к гостю. Но он ни по ком не соскучился... Из-за кустов малины взлетала вверх и щедро рассыпалась бесценные алмазы брызги тугая струя воды. Самсоныч с утра пораньше поливал из шланга посейнную им вчера редиску — чтобы поскорее взошла. Время от времени струя делала резкие броски то в одну, то в другую сторону, после чего слышалось тревожное кудахтанье. Это хозяин обстреливал соседских кур, обожавших рыться в его ухоженных сотках.

— Доброе утро, Медея Витальевна! — сквозь кусты приветствовал Самсоныч жиличку, которая высунулась из скворечника, чтобы покурить. — Как спалось?

— Вы еще спрашиваете, — грубым спросонья голосом отозвалась она. — До четырех работала. А в начале шестого по их милости, — она показала папиросой на конуру, — уже проснулась... Да бог с ним, со сном! На том свете отоспимся. А на этом еще надо поработать... Скажите, долго еще будет продолжаться этот концерт?

— Утром не покормлю, в обед не покормлю... к вечеру утихнут.

— Я вас перестану уважать, если вы это сделаете! — Голос у нее сразу стал тоньше. — За что их подвергать мучительной смерти?

— Можно и легкую устроить. — Струя воды в сильных руках Самсоныча забилась, как змея, схваченная за горло. — Веревку с камнем на шею — и в речку...

— Юмор у вас...

— Я бы их всех отдал. По десятке за каждого. Это же фактически даром. Да кто их таких маленьких возьмет?

— Не знаю, ничего не знаю... Но прошу учесть — не работать я могу и дома...

Окно, из которого она говорила, закрылось с могильным скрежетом петель.

Щенки, словно догадавшись, что речь идет о них, на минуту приумолкли.

А Самсоныч затужил! И его легко было понять. Середина лета! Если жиличка съедет, кто ему заплатит за вторую половину? И кого он в это время найдет вместо нее? Неразумно было терять писательницу и по другой причине. Медея Витальевна, истово веря в животворную силу витаминов, скупала у него на крюк почти весь урожай овощей и ягод. На рынке фактически нет нужды ездить. А это при его больных ногах — счастье!..

— Геннадий! — решительно остановил он юного жильца, который уже умылся и шел к себе в бытовку. — Купаться скоро поедешь?

— Сейчас. А что?

— Возьми их с собой на речку. Там и оставь... Большое спасибо тебе скажу...

— Сами это делайте. А я не буду...

— Не будешь? Тогда съезжай отсюда к чертовой матери... Мне твои родители не говорили, что вместо них тут будешь жить ты...

Сбывались самые мрачные Генкины предчувствия! Нервничая, он на глазах Самсоныча сорвал и отправил в рот спелую ягоду малины. Она оказалась тухлой.

— Может, ты за спасибо не согласен? — фамильярным тоном спросил его Самсоныч. — Бог с тобой, могу заплатить!..

Генка сорвал еще ягоду. Эта оказалась сладкой. И утро было чистым, теплым, ласковым. Хоть плачь, не хотелось отсюда уезжать.

— А сколько вы дадите? — спросил он, отвернувшись в сторону.

— Трещки не пожалею!.. Да или нет?

Генка промолчал.

— Слава богу, сторговались, — понял хозяин и на радостях метнул струю воды в кур, заходивших на его участок с тыла. — Но чтоб без обмана! — предупредил. — А то ты их выпустишь где-нибудь в поселке. А меня посовет как штрафанет рубликов так на пятьдесят за это самое... жестокое женское обращение с животными. Сделай все как полагается. Подальше от пляжа. В глубоком месте. И чтобы они потом не выплыли...

— Пойду перекушу, — зло сказал Генка в ответ. — Их тоже покормите. А то пока до речки довезу, все нервы истреплют...

И он пошел разогревать вчерашние макароны.

— Я не ослышалась? — опять появилась в окне Медея Витальевна. Она горстями ела черную смородину. Витамины повышали ее работоспособность. — Молодой человек согласился!?

— Только за деньги! — торжествуя, откликнулся Самсоныч. Страх, что жиличка съедет, у него уже прошел.

— Кошмар! — донеслось сверху.

— Они, я заметил, растут покрепче нашего сердцем... А мне вот легче заплатить, чем самому это сделать.

— Я по натуре человек прямой и за это много раз страдала. — Медея Витальевна элегическим жестом отогнала мух от блода со смородиной. — Скажу и вам, Степан Самсоныч: вы не лучше, чем этот молодой человек. Грязную работу делаете его руками. Не сомневайтесь, грех будет и на вашей совести!.. — Она расстроилась и, перестав есть смородину, закурила. — Я не пойму, что в этом мире происходит? Ученые говорят, что климат на земле век от века теплеет. А люди, по-моему, становятся все холоднее... И особенно вы, мужчины! Честное слово, если б у меня не книга, не сроки, я бы не пожалела времени и спасла этих крох...

Генке не нравилось есть макароны вперемежку с ее причитаниями. Он выглянул из бытовки и громко пойросил Самсоныча:

— Положите их в корзину и тряпкой прикройте. Все будут думать, что я по грибы поехал...

— Кошмар! — еще раз ужаснулось окно в скворечнике и закрылось.

Через несколько минут Генка вышел из бытовки. Самсоныч, душа-человек, уже приторочил корзину со щенками к багажнику велосипеда. И шесть веревочек дал. Генка даже не взглянул на него — в путь-дорогу отправился...

Первым делом он подъехал к поселковому ларьку с громким названием «Продукты». Торговля еще не началась, а народ уже толпился. Не слезая с велосипеда, Генка остановился и стал издалека присматриваться к стоявшим в очереди людям. «Чендж» приучил его определять, кто есть кто, по лицу, одежде, привычке держаться и т. д. Кое-кто пришел к ларьку с авоськами, до предела набитыми всякого рода стеклотарой. К этим, понял он, подходить бесполезно. Человек при деньгах рано утром не пойдет сдавать посуду. Алкаши или жмот водре Самсоныча — это да. А ему нормальные люди нужны.

Как он будет топить щенков, об этом Генка пока думать не хотел. Они сыты, часа три будут помалкивать. И надо за это время попробовать их продать. Именно продать! Кто сколько ни даст, гарантия, что будет ухаживать за щенком. И если этот номер пройдет, можно будет в комиссионке купить подержанный приемничек. Надо же как-то восместить огромный ущерб, нанесенный ему в «Фокусе»...

Он остановил свой взгляд на двух мужчинах, одетых, как говорят, простенько, но со вкусом. Они стояли чуть в сторонке от очереди и о чем-то толковали. Обоим было лет за тридцать. У того и другого на руках поблескивали золотые обручальные кольца. К ларьку пришли с большими продуктовыми сумками. По всему видать — семейные. Собираются круто отовариться.

— Здравствуйте! — подъехал поближе, поприветствовал их Генка, как родных. — Вам случайно щенки не нужны?

Один из мужчин, коренастый, бородатый, посверлил Генку светлыми, глубоко запятнанными глазами, без особого интереса спросил:

— Какая порода?

— Куричары! — вырвалось у Генки. Кто-то ему однажды за дефицитный диск предлагал щенка такой породы, но он, не будь дураком, отказался.

— Куричар, куричар... — что-то припоминая, сказал другой мужчина. Он был в очках с позолоченной оправой, загорелый, как поджаренный каштан, и весь седой, что, между прочим, делало его лицо моложавым. Генке даже показалось, что этого человека он где-то видел, и не раз. — От кого я постоянно слышу про такую породу? — мучился седой. И, наконец, вспомнив, засмеялся. — От нашего главбуха. Чудной старик, можно сказать, живой реликт. Сотню ли, две — как от самого себя отрывается!.. И каждый раз, когда передача пройдет в эфир и приносишь ему на подпись гонорарную ведомость, он приходит в ужас и грозится натравить на тебя своего куричара...

— Покажи зверей, — попросил Генку бородатый.

Тот соскочил с велосипеда, услужливо снял тряпичку с корзины. Щенки, ослепленные ярким светом, недовольно заныли. А один, белый, с шелковистыми завитками на спине, даже сердито тявкнул. Бородатый именно его поднял за холку и осмотрел со всех сторон.

— Сам ты... куричар, — подарил он Генке выразительный взгляд.

Седой поддержал его:

— Типичные, неприкрытые дворняги...

— Купите! — взмолился Генка. — Дачи будут стеречь!

— И сколько же ты просишь? — с нарочито серьезным лицом поинтересовался седой.

Генка показал руку с пятью растопыренными пальцами.

— Пятерку, значит? — хмыкнул бородатый. — А мы вот сейчас возьмем тебя, купчишку, за широкую и отведем в милицию...

— Ее здесь нет, а в город вы меня не повезете. Далеко...

— А ты соображаешь, — согласился с ним седой.

— Купите! — подумав, что лед тронулся, встрепенулся Генка.

— Мне даром не надо, — предупредил бородатый. — Дачи нет. Охранять нечего.

— А у вас есть? — спросил Генка седого.

— Есть или нет, не твоего ума дело.

— А дети есть?

— Дети есть, — опередил седого приятель. — А что?

— Для них купите! — ухватился Генка за эту соломинку. — Знаете, как обрадуются! — Он повернулся к седому и добавил: — Я недавно интересную передачу смотрел. Один человек, я не понял, учений он или писатель... между прочим, на вас здорово похож... целый час родителям объяснял, как плохо детям, у которых нет собаки...

Бородатый, с удивлением слушая Генку, все шире и шире приоткрывал глаза, а потом не выдержал и громко расхохотался.

— Вот это ты влип... учений или писатель! — отсмеявшись, легко турнул он седого. А у того загорелое лицо от прилива крови стало бурым. — Как говорится, что посеешь, то и пожнешь! Да?

— Малый, конечно, все упростили, — сказал седой, когда оправился от смущения. — Но главное он правильно уловил... И твоему Саньке и моему Аленке и Пашке собака в принципе нужна не меньше, чем свежий воздух и клубника прямо с грядки... Но это в теории. А на практике мы, брат Андрей, не купим им собаку. Хотя, как ты слышал, стоит она дешевые бутылки водки. — Он иронически усмехнулся. — Представляешь, матушка природа миллионы лет трудилась, чтобы создать собаку, этот феномен чутья, слуха, преданности человеку... И вот все ее труды, оказывается, стоят пять рублей. Смешно и грустно!

— За что я тебя и люблю, брат Георгий — говоришь ты красиво, — слегка помрачнев, сказал бородатик. Он снова достал белого щенка и поднес его поближе к лицу приятеля. — Посмотри, какая у него симпатичная мордаха. Купи! Ведь у тебя и дача и дети есть...

— Всю жизнь мечтал о дворняжке.

— Но это самая верная девушка порода!

— Овчарку, колли или черного терьера, может, еще взял бы...

— Зачем? Ты сам, смотри, какой породистый...

— Здесь собаку держать просто. А что я с ней в городе буду делать?

— У тебя трехкомнатная на четверых. Не стеснит, чай.

— Тебе хорошо говорить: купи... — вяло возражал седой. Золото на его очках сильно потускнело. — Ты сидишь дома, малоешь свои картинки. А я в командировках бываю. И на юг с собакой не съездил, ее ни в поезд, ни в самолет не берут. Купи ты. У тебя машина.

— Машина! — невесело хохотнул бородатый. — Давай поменяемся: я тебе свой драндует, а ты мне — дачу.

— Я пас, — тонко улыбнулся седой.

Бородатый Андрей вынул из бумажника червонец.

— Я возьму белого, — сказал он Генке.

Рисунок Мариной ПИНКИСЕВИЧ

— У меня нет сдачи! — с испугом сознался тот.

— У меня четвертная, — предупредил седой.

— Тогда так, — сказал бородатый, гипнотизируя приятеля своими глазами. — Я беру двух. Одного подарю тебе. И попробуй мне отказаться...

— А я не возьму!

— Ну представь: у моего Саньки есть щенок, а у твоих нет. Что они о тебе подумают?

— Говорю же: он меня связает по рукам.

— Ничего! — ободряюще похлопал бородатый брата Георгия. — Мы и здесь и в городе с тобой соседи. Когда надо будет, выручу. И нет проблем, как говорят в Рязани. — Он выбрал второго щенка. — А чтобы у тебя было поменьше хлопот, беру кобелья. Лады?..

Пока они не передумали, Генка сел на велосипед и поехал поскорее от ларька... Он свернулся на улицу Сосновую, где, знал, много дач артистов драмтеатра. Но не учел, что люди этой профессии поздно ложатся и поздно встают: улица была еще пустынна и тиха. Тогда он поехал на свою, Речину, и решил попытать счастья на даче соседа Самсоныча — Тахира Закировича Аббас-заде, крупного работника мелкооптовой торговли.

Дача Тахира несокрушимым бастионом из красного кирпича и резного дерева вздымалась над голубыми саянскими елями. Ее окружал высокий забор с прихотливо брошенной поверху змейкой колючей проволоки... Генка глянул в глазок цельнометаллической калитки. Тахир, в прошлом борец в вольном стиле, завтракал под навесом. Он был раздет до пояса. Лавина некогда могучих, а ныне размягченных жиром мышц нависала над низеньким столом, на котором стояла ваза с очищенным ананасом и запотелая бутылка красного игристого вина «Жемчужина Азербайджана». — Тахир с утра никогда не пил крепкого. Его жена Шафига, темноглазое, тонкое, почти нематериальное существо в халате из маргеланского шелка, сидела неподалеку от мужа на табуретке и поворачивала шашлыки с шашлыком над жаровней. Рядом с ней паслась белая, как молоко, коза.

Генка постучал в калитку. «Сходи», — коротко сказал Тахир жене и, любуясь игрой пузырьков, стал смотреть на синее небо сквозь красное игристое вино.

Когда Шафига узнала, с чем к ним пришел Генка, она печально улыбнулась своим маленьким, изящным ртом и сказала:

— Я очень, очень хочу иметь собаку! Но нам она не нужна!..

— Дети есть?

— Нет, — опустила Шафига свои прекрасные восточные глаза.

— А машина?

— Машина есть.

— Сейчас модно ездить с собакой на коленях, — тут же придумал Генка.

— Хватит мне козы.

Коза стояла рядом и все внимательно слушала.

— И для такой дачи сторож нужен! — выложил самый главный козырь Генка.

— Э-э! — недовольно махнула Шафига рукой на дом. — Вор захочет — не обманет собаку, да? В крайнем случае страховку получим...

И все же она пошла и доложила мужу о том, что им предлагают купить щенка. Тахир, низко наклонив бычью голову, задумался. У него есть дача, машина, хорошая должность, красивая, хотя и немножко худая жена... И есть проклятый пояснично-крестцовый радикулит, который никак не проходит и мешает ему наслаждаться жизнью. Друзья советуют ему прикладывать к больному месту собачью шерсть. Спасибо им за совет, но такая шерсть нигде не продается. И вот она сама пришла к нему. Как только щенок подрастет, он отригнет его.

— Сколько пацан просит? — спросил Тахир в ломтик ананаса, уже поднесенный им ко рту.

— Пятерку.

Тахир и не такие деньги мог заплатить. Только чтоб здоровым быть. Он достал овальный, по форме похожий на мяч для игры в регби кошелек.

— Передай ему, что у меня нет своего печатного станка, чтоб платить такие деньги за ворованного щенка, — сказал он и с характерным для восточных людей отмахом руки протянул жене трешку. — В случае чего дай ему еще рубль...

Шафига вернулась к калитке и стала выбирать щенка.

— Ты армянин? — вдруг с улыбкой поглядела она на Генку.

— Нет! — страстно поклялся он.

— Я утром рвала траву у забора и слышала ваш разговор с хозяином... Он же просил тебя утопить их. А ты продаешь.

— Лучше утопить, да? — не выдержал ее взгляда Генка. Никогда еще в жизни он не видел таких красивых глаз.

— Наоборот! Я хотела сказать, что ты правильно поступил, — сказала Шафига. Она робко оглянулась на мужа — тот теперь сквозь игристое вино смотрел на свой средний палец — и торопливо вложила в Генкину руку Тахирову трешку и пять рублей от себя. Выбрав самого лохматого щенка, она прижалась к нему щекой и понесла показывать мужу. Рядом с ней, ревниво скосив голову, побежала коза.

Операция по сбыту щенков развивалась на редкость успешно. В приподнятом настроении Генка покатил среди сосен по мягкой грунтовой дороге, красиво разрисованной солнечными зайчиками, и, умывая лицо прохладой зеленоватого дачного воздуха, все время наблюдал скорости. Если, прикидывал он в уме, удастся продать остальных щенков и получить за каждого минимум по пятерке, у него будет сумма, которой хватит, чтоб купить новый приемник типа «Селта». А риженский маменькин сынок из «Фокуса» пусть подавится своим портсигарчиком...

В поисках покупателей он выехал на зеленую, усыпанную цветущими одуванчиками поляну, где одна дружная семья — папа, мама, мальчик, девочка и бабушка — с утра пораньше играла в бадминтон. Все они были загорелые, поджарые, в голубых шортах и ослепительно белых футболках. Короче, не семья, а картинка с обложки журнала. Все помахивали ракетками, брали воланы почти из любых положений. Даже бабушка и та, азартно вскрикивая, бегала по поляне с резвостью внука...

Генка резко, до появления дымка под колесами, тормознул.

— Вам щенки не нужны? — громко спросил он дружную семью.

Игра на полянке прекратилась.

— А много их у тебя? — так и эдак играя ракеткой, поинтересовался папа.

— Три осталось...

— Что значит осталось? А другие где?

— Продал.

— И сколько ты просишь за штуку?

Генка показал пятерню.

— Недорого в общем-то, — сначала похвалил его спортивный папа. И тут же принялся отчитывать: — А не рановато ли ты бизнесом занялся? В твоем возрасте полезнее книги читать, спортом заниматься...

Генка смолчал. Папа, понял он, на детей своих работает. И пусть поработает, лишь бы щенка купил.

— Кстати, мальчик, — обратилась к нему спортивная бабушка, — какой породы щенки?

— Самой лучшей. Дворняжки...

Вся семья так и покатилась со смеху. Особенно развеселилась бабушка.

— Рекс! Ко мне! — скомандовал папа. И тотчас из кустов на поляну, оскалив жемчужную пасть, выбежал огромный, почти с корову, пятнистый док. До Генки мимо дошло, что с этой семьей он дал маxу.

Перед тем, как отъехать, он заглянул в корзину. Два щенка, укачанные тряской, спали. Третий, черный, как дьяволенок, с белой звездой на лбу, покачивая головой, вопросительно смотрел в небо черными, горючими глазами. Генка взял его за холку, поднял высоко и крикнул:

— А теперь посмотрите на него! Чем он хуже вашего Рекса?

Черный, ничего не понимая, поворачивался вокруг своей оси и вовсю загребал лапами воздух.

— Мальчик, мы не говорим, что он хуже, — улыбнулась спортивная мама, глядя на щенка. — Но нам одного Рекса достаточно.

— А мне трех куда?! — спросил Генка и положил черного в корзину. — Если до обеда их не раскупят, придется сделать им буль-буль.

— Что делать? — не поняла мама.

— Утопить, — не стал крутить Генка.

Полянка враз притихла. Девочка подбежала к матери, прижалась к ней и заплакала.

— А почему, собственно говоря, ты так странно ставишь вопрос: если щенков не купят, то ты их утопишь?! — вознегодовала бабушка.

— А что мне с ними делать? Их мать машиной задавила...

Теперь заплакал и мальчишка.

— Игорь! У тебя есть при себе деньги? — спросила мама папу.

— А если бы и были? — Он стал ракеткой сшибать одну за другой желтые головки одуванчиков. — Пусть у него покупают те, у кого нет собаки. А нам один Рекс обходится в шестьдесят — семьдесят рублей в месяц.

— Но ты же слышал: тут особый случай, — не могла успокоиться мама. — Давай возьмем хотя бы одного. Я подарю кому-нибудь на работе.

— Ольга! — Папа так нервничал, что полянка могла остаться без цветов. — Неужели ты не понимаешь, что он просто-напросто шантажирует нас? Я уверен: он все придумал. Это же на его физиономии написано!..

Генка крутил педалями и поехал дальше. Позади него, словно сырье дрова в печи, затрещал семейный спор. На одной стороне были папа и бабушка, на другой — мама и дети.

Он проехал еще с километра два. И никого не встретил. Тогда повернулся к речке, зная, что по воскресеньям там собирается уйма людей — дачников и приезжих из города. Покупатели могли найтись там.

На полути к речке, в леску, он увидел бегущего ему навстречу спортивного папу. Генка струхнул и стал быстро разворачиваться.

— Стой! Я не трону тебя! — пообещал мужчина.

Не было у Генки никакого желания разговаривать с ним. Сейчас опять начнет проповедь... Но мысль о «Селге» уже гвоздем засела в его голове. И он остановился.

Большой лоб, — смерил его презрительным взглядом мужчина, — а не знаешь, о чем можно при детях, о чем нельзя... Я куплю одного щенка. Чтобы мои ребята не думали, что все люди такие, как ты, живоглоты...

— А где вы его держать будете? — Генка решил терпеть до конца. — Квартира у вас большая?

— Это не твоя забота! — прикрикнул на него мужчина, втянул в себя мускулистый живот и из потайного кармана достал пятерку. Генка хотел было отдать ему черного со звездой на лбу. Но передумал и отдал другого. А мужчина даже не посмотрел на щенка — ему было абсолютно все равно.

— Ну и нахал ты! — сказал он Генке в заключение. — Прямо на ходу подметки рвешь... Глядишь, года через два-три начнешь людей останавливать в темных переулках.

Генка отъехал от него метров на двадцать и крикнул:

— Вас точно остановлю! Знаю, где деньги прячете!

При переезде через бетонку он заметил «Ладу», стоявшую на обочине почти что перпендикулярно к полотну. От ее колес по бетону протянулись черные следы резкого торможения. Видно, на волосок была от аварии.

За рулем сидела молодая рыжеволосая женщина с сочно накрашенными губами. А около машины, прямо на земле, сидел с мрачным видом мужчина в джинсовой паре. Он, хотя и был одет по-молодежному, выглядел на все шестьдесят. Держась рукой за ушибленное место, изо всей мочи кричал женщине:

— Я тебе сколько раз говорил: не гони!.. Вчера было два случая. Только что могли лоб в лоб!..

Женщину, однако, крик мужчины только веселил.

— Пусик! Но ты же знаешь мою натуру. Все или ничего! Вот я и выжимаю все.

— Проявляй свою натуру в другое время! Например, на сцене... А за рулем не смея! Я не хочу превращаться в отбитую котлету...

— Как у всех режиссеров, у тебя, пусик, богатое воображение. — Шатенка повернула смотровое зеркало так, чтобы видеть себя. — Ничего же не случилось...

— Короче, — сказал мужчина, садясь в машину, — или мы учимся водить, или за руль сажусь и...

В этот момент к ним подрулил Генка и спросил, не хотят ли они купить щенка. Очень красивого, самой верной породы. Мужчина долго смотрел на него непонимающими глазами.

— А... нет! — наконец, резко мотнул он головой. И уже более мягким тоном спросил свою спутницу: — Купить для тебя?

— Для меня?! — оскорблённо показала она на себя пальцем. — Я терпеть не могу собак.

— И напрасно, — пробормотал мужчина. — Собаки и кошки — хорошие люди. Я иногда домой иду лицом потому, что знаю: меня там ждет не дождется Тристан.

— Ну, пожалуйста, можешь купить и Изольду. А меня уволь. Физически не

выношу запаха псина! — Шатенка брезгливо передернула плечами. — Я из-за собаки уже года полтора у матери не была. С тех пор, как она с улицы привела какого-то блоха-стрикса...

Мужчине неловко стало за то, как разоткровенничалась его спутница. Он вышел из машины, посмотрел на щенков и с упреком сказал Генке:

— Рано ты их отнял от матери. Совсем еще сосунки.

— Я отнял? — обиделся Генка. — Их мать в-о-он там, в кювете, лежит. Вчера кто-то сбил...

— Вчера? — нахмурился мужчина и, бросив взгляд на женщину, спросил ее: — Ты слышала?

— Да, — ответила она, достала из сумочки флакон духов и приложила пробочку к щекам, шею, затылку. — Что же ты замолчал? Говори.

— Твоя работа.

После этого шатенка тоже вышла из машины. Оперевшись рукой на дверцу, она спросила:

— Что еще хорошего ты мне скажешь?

Мужчина молчал и смотрел себе под ноги. Таким он был старым в джинсовой паре.

— Ну, дальше, дальше! — нетерпеливо топнула ногой шатенка.

— Может, возьмем одного?

— Это право я уступаю тебе! — воскликнула шатенка, хлопнула дверцей так, что «Лада» закачалась на рессорах, и пошла по бетонке в сторону города.

— Лора! — с отчаянием в голосе позвал ее мужчина. — Пожалуйста, вернись...

Он сел за руль и поехал догонять ее. И Генка тоже поехал. На речку. Неподалеку от пляжа он встретил рыбака. Тот, видно, уже потерял надежду на удачу и сматывал удочки и закидушки.

— Щенок не нужен? — на всякий случай притормозил Генка около него.

Рыбак, пожилой, небольшого росточка мужчина с синими, по всему лицу рассыпанными точками, заинтересованно склонился над корзиной.

— Дорого прошу?

— Ерунда! — небрежно ответил Генка. — Всего пятерку.

Рыбак, кажется, знал толк в собаках. Тому и другому оставшимся щенкам разжал пасти.

— Этот будет сердитый, — с улыбкой сказал он про черного. — Все небо в крапинках... Ему понравился другой щенок. — Я бы взял этого, — потрепал он его за уши рукой, на которой не было большого и указательного пальцев. — Но пяти рублей у меня не наберется...

Генка сразу заскучал. «Селгу» ему дешевле, чем она стоит, никто не продаст.

— А вы знаете, это ведь дворняжки, — принесся он хулиганской твари. — Что тот, что другой — кабыздхи...

— А мне собака не для выставки нужна, для рыбалки. С ней не так тоскливо. Особенно когда дождь идет или, как сегодня, хоть тресни, не клеет...

— А вы жену с собой берите, — дал ему совет Генка. — Знаете, сколько теперь женщин рыбачат!

Рыбак тихо обронил:

— Померла моя старуха.

Генка уже хотел было сказать ему «до свидания», но не утерпел и спросил:

— А сколько у вас при себе?

Рыбак поднял другую руку и показал два пальца. И на той руке, Генка увидел, не хватало мизинца.

— На фронте ранило? — подавленно спросил он.

— Непосредственно в боях не участвовал, — признался рыбак. — Я служил в саперных... И долбануло-то меня не миной, а капсюлем снарядной гильзы, будь она недадна... Хорошо, без глаз не остался. Зато заметным мужчиной стал, — с усмешкой показал он на синие точки — следы въевшейся в кожу селитры, — до сих пор женщины заглядываются.

— Два рубля тоже деньги, — рассудил Генка, отдавая щенка.

— Встретимся еще, я тебе отдаю долгок, — пообещал рыбак. — Ты тут, наверное, все лето живешь?

— Даже зимой приходится! — отъезжая, помахал Генка рукой...

У него остался один щенок. Черный, с белой звездой. Генке он нравился. Совсем еще цыпчик, а уже с характером. Можно было бы его и не продавать, себе оставить. Черт с ней, с «Селгой». Но ведь Самсонович увидит и захапает щенка. А когда черный подрастет, заставит его одного здесь зимовать и крысами питаться. Лучше хоть за полтинник кому-нибудь продать...

Генка предлагал его и одиноким купальщикам и загоравшим на траве парочкам. Черного, самого красивого сына Найды, никто не хотел брать. Даже за полтинник. Одна семья, трапезничавшая в тени могучего вяза, уже было приголубила щенка. Взрослые и дети ласкали его, учили пить молоко прямо из блюдца. Все умелись, глядя, как он, то падая носом вперед, то приседая на задние лапы, ковыляя по расстеленной на траве скатерти среди всевозможных яств. Генке надо было поскорее уезжать с глаз долой. А он стоял и вместе со всеми любовался щенком. И долюбовался. Черный определился прямо на скатерти, после чего вся семья от него дружно отказалась...

Еще примерно с час Генка, волоча велосипед с корзиной по горячему песку, искал покупателя. В один момент ему показалось, что кто-то его окликнул. И голос был будто бы знакомый. Такой же писклявый, как у Зубановой. Но Генка даже не обернулся. Как вначале мысль о приемнике заставляла его идти на все, лишь бы продать щенков, так теперь он был одержим заботой, чтобы черный не дostaлся Самсоновичу. Пот с него лил ручьями...

На самом краю пляжа сидела теплая компания молодых парней и совсем молоденых девушек. У каждой пары было по бутылке, и все громко спорили, от кого же все-таки произошел человек — от обезьяны или его забросили на землю инопланетяне и теперь наблюдают, что с ним будет дальше... Лишь один парень, красивый, с бородкой, как у Иисуса Христа, не участвовал в споре. Он сидел в сторонке с незажженной сигаретой во рту и равномерно, из стороны в сторону, покачивался.

— Вам песика не нужно? — наклонился над ним Генка с заискивающей улыбкой.

Парень поднял на него глаза. Они у него были такие же красивые, как у Шафики, только совсем бессмысличные.

— Хотите, бесплатно отдам...

Парень поманил его пальцем. Генка доверчиво наклонился еще ниже. И вдруг увидел, что прямо на него наставлен пистолет! Он шарахнулся в сторону, чуть не повалившись вместе с велосипедом и корзиной на песок.

— Вы что?! — крикнул он.

— Мотай отсюда сейчас же. По носу видно: ворюга, — ни за что ни про что обозвал его парень и с довольной улыбкой прикурил от пистолета, оказавшегося на самом деле зажигалкой.

После этого розыгрыша Генку всего колотило. Настроение до того испортилось, что больше он черного уже никому не предлагал. Дураки люди! Чего

спорить, от кого мы произошли? У каждого свой предок. Этот, что с пистолетом-зажигалкой, произошел от крокодила...

Он все дальше и дальше уходил от пляжа. Наконец, остановился, поглядел направо, налево. Поблизости не было ни души. Прямо перед ним текла, без устали мотая пряди водорослей, чистая, упругая река. На мелководье, словно эскадрилья крохотных самолетиков в групповом полете, синхронно поблескивали серебром чешуи пузатая мечела.

Генка вытащил черного из корзины, положил его на траву и спросил:

— Ну, что? Будем делать буль-буль?

Щенок ничего не ответил, только носом повел.

Как на грех, тут же лежал тяжелый бульдожник с выемкой посередине. Природа словно нарочно создала его таким, чтобы Генка Кольчев в день своего рождения мог половине сделать дело, которое до него делалось людьми миллионы раз. Он взял веревку, одним концом обвязал бульдожника, сделал на нем узел. Потом поднял черного мордой вверх, чтобы он в последний раз посмотрел на синее небо, запомнил его перед тем, как уйти туда, где, говорят, ничего и никого. Сделал на бульдожника еще один узел, еще один, еще один... И швырнул камень в воду с такой силой, что у него потом долго побаливало плечо. А щенка погладил...

Он сам искупался, потом, проверяя, умеет ли черный плавать, пустил его на мелководье. Щенок, держа нос перископом, тотчас погреб к берегу, вылез, отряхнулся и посмотрел на Генку черными, вполне разумными глазами.

— Ко мне!

Черный чихнул и упал на задние лапы.

Генка завернул его в сухую тряпичку, лег на траву, а щенка, чтобы быстрее согрелся, положил себе на грудь. Но черный скоро высвободился из тряпки и начал его лизать. Сначала в подбородок, потом в губы, в нос... Генка прямо ошалел от щекотки. Еще бы немного и сам лизнул...

Щенок, как только согрелся, уснул. Генка перенес его в корзину и повез на дачу. Ехал и радовался, что Самсонович послал трещицу, а дать не дал. И теперь, чем бы ни угрожал, не получит щенка. А погонит с дачи — тоже не испугает. Неподалеку от Вихровки, в деревне, живет Фарик Алеев с дедом и бабкой. В крайнем случае поедет к нему...

Спать Генка в тот день завалился рано — в одно время с курами. Совсем еще было светло. За неимением «Селги» он включил в сеть спиртовой динамик и, положив его себе на ухо, стал слушать музыкальную передачу «Маяка». А щенок спал рядом, в коробке из-под розовой шляпы Медеи Витальевны. Писательница аж прослезилась, когда Генка рассказывал ей, как он направо и налево раздавливал щенков добрым людям. (Про вырученные деньги на всякий случай умолчал.) И хотя коробка ей могла еще пригодиться не раз и не два, она торжественно вручила ее Генке со словами: «Я обязательно в одном из своих рассказов опишу твой бескорыстный поступок!..» И с большим интересом, точно впервые, посмотрела на его нос...

На Генку любая музыка, в том числе самая громкая, нагоняет сон. То есть он может ее слушать и одновременно спать. Так устроена его нервная система... И в тот раз он довольно быстро задремал. Но скоро почувствовал, что в музыку врывается что-то постороннее, совсем не в ее ритме. Снял с уха динамик — в бытовку кто-то громко стучал кулаком.

Он открыл дверь и тут же горько пожалел, что открыл. На ступеньках бытовки стоял интеллигентный молодой человек в темных очках, с пионерским галстуком на шее. Вожатый Миша. А у приоткрытых ворот припарковался лагерный «рафик». Так... значит, неспроста сегодня над его головой пролетела вешунья-сокра.

— А как вы меня нашли? — угрюмо спросил Генка.

— И больше тебя ничего не интересует?! — обомлел Миша. — А сколько раз мы всем лагерем прочесывали лес? И где только тебя не разыскивали милиция? Это тебя не касается?! — Он выключил динамик и смерил Генку строгим взглядом сквозь темные очки. — Скажи спасибо, что тебя здесь увидела твоя одноклассница. А то бы пришлось объявлять всесоюзный розыск!

«Понятно», — про себя подумал Генка. Зубанову — вот кого он отблагодарит за то, что его здесь нашли.

— Собирайся, — устало сказал Миша.

— Я не поеду.

— Поедешь... Зря мы, что ли, гнали сюда машину, жгли бензин?

— Увезете, а я опять сбегу.

— Нельзя же быть таким обидчивым, Кольчев. — Стараясь тронуть непреклонное сердце беглеца, Миша сообщил: — Вернули твои вещи. И халат, и футболку, и авторучку...

— Я давал еще десятку, — справедливо ради отметил Генка. — Но дело не в этом...

— Успокойся, никто тебя не будет разбирать, — махнул рукой Миша. — Хотя, как я сегодня узнал, ты еще и фарцовкой занимаешься...

Генка скрипнул зубами.

— Тем более не поеду!

— Кольчев! — чуть не заплакал с горя вожатый. Он снял очки, и тут Генка увидел, что глаза у Миши разного цвета. — Строгача я из-за тебя уже получил. На пятом курсе мне этого, понимаешь, только и не хватало... Поехали!

— Я не могу. У меня щенок, — объяснил Генка примерно таким же тоном, каким женщины объявляют, что они ждут ребенка.

— Какой еще щенок?!

— Этот, — показал Генка на черный комочек в коробке из-под шляпы.

Миша посмотрел на спящего щенка, расслабил пионерский галстук и растерянно спросил:

— Как его зовут?

— Рекс.

— Что же делать? — задумался, заходил по бытовке вожатый и тут же придумал: — Я уговорю хозяина дачи. Он возьмет Рекса себе.

— Я не отдам ему!

— Слушай! — вдруг вспомнил и так обрадовался Миша, что в бытовке сразу стало чуть светлей. — У нас же в «Фокусе» есть живой уголок! Бери Рекса с собой. А когда смена кончится, отвезешь домой...

Что у него сегодня день рождения, про это Генка не стал говорить. Бесполезно. Все равно его здесь не оставят. Вот что значит быть несовершеннолетним. Что хотят, то и делают с тобой. Он оглядел бытовку. Хорошо ему было здесь. Особенно сегодня. Может, еще никогда в жизни не было так хорошо...

В проем двери виднелись верхушки елей, облитые багрянцем заката, и кусок тихого, красного неба. Далеко-далеко над чьей-то дачей мотался из стороны в сторону воздушный змей. Сверху, из скворечника, доносилось стрекотание машинки. Медея Витальевна, наверное, уже писала про него рассказ. Самсонович опять поливал редиску. На даче Тахира проблеяла коза. У ворот тоскливо заныл, а затем заржал мотор «рафика».

— Поехали, — сказал Генка и осторожно поднял коробку со щенком...

ЧАС ВЕРШИНЫ

Начало на 4-й стр.

— Луна уже заходила, садилась за горизонт, — рассказывает Валерий, — а солнце едва взошло. Только-только... Еще и в долинах его нет, и до нас его свет не долетел. Мы видели луну и солнце одновременно, на одном уровне. Два шарика. Слева белый, справа красный...

Ильинский и Чепчев ждали их в пятом лагере. Они были готовы к штурму. Вершина — вот она, кислорода достаточно, самочувствие нормальное. В это время вышел на связь базовый лагерь. Ильинский передал по радио, что Валиева и Хрицкого пока нет, и в это время раздался крик... Кричал Казбек Валиев. Он знал, что наступило время сеанса связи, что о них с Хрицким беспокоятся — ведь сообщить о себе они не могли, так как на морозе село питание рации.

Ильинский продолжил прерванный сеанс: «Подождите, ребята на подъедете...»

— Услышав крик, — рассказывает Сергей Чепчев, — я сразу выскочил из палатки. Конечно, быстро добежать не мог, но мне показалось, что ячу ли не мгновенно добрался до Казбека, который полулежал, облокотившись о камень. Выглядел он страшно уставшим. «Как ты?» — спросил я. «Нормально, сейчас должен спуститься и Хрицкий». Я помог Казбеку подняться, проводил в палатку, там его принял Эрик, а я дождался Валерия. У нас уже все было подготовлено для восхождения, поэтому Казбек и Валерий сразу получили кислород. А на такой высоте он, помимо всего прочего, оказывает еще и согревающее действие... Напомнили мы ребятам, и они понемногу пришли в себя.

— По ребятам было видно, — замечает Ильинский, — что они очень устали и замерзли. Пуховые куртки заледенели, на груди от дыхания образовалась ледяной панцирь толщиной в несколько миллиметров.

Я сообщил в базовый лагерь, что Валиев и Хрицкий пришли, есть легкие обморожения, возможно, будут волдыри. После совещания было принято решение: мы должны сопровождать Казбека и Валерия вниз.

...И вершина, до которой было 348 метров, мгновенно отдалась от Ильинского и Чепчева на недосягаемое расстояние. Хрицкий и Валиев уверяли, что чувствуют себя хорошо, что дойдут сами, они пытались найти варианты, которые все же оставили бы их товарищам хотя бы малейшую надежду на штурм вершины. Но таких вариантов не было.

Я беседовал с Хрицким через месяц после завершения гималайской экспедиции. Валерий терпеливо отвечал на мои вопросы, однако чувствовалось, что его не покидает какая-то мысль. Я понял какая, когда он сказал:

— Все мы завязаны одной веревочной. И если у кого-то что-то не получилось, значит, в этом есть и наша вина.

Нам трудно говорить о радости победы, хотя мы с Казбеком испытали ее в полной мере. Но радость угасла, как только мы узнали, что из-за нас не взойдут на Эверест Ильинский и Чепчев. То, что произошло с ними, для альпиниста больше чем трагедия...

— Ну, наверное, это все-таки не самое большое горе в жизни, — прокомментировал эти слова Ерванд Ильинский. — Правда, поскольку мне уже 42 года, то вряд ли когда-нибудь у меня вновь появится возможность выйти на штурм Эвереста... А тогда... Хотя ребята и говорили, что могут самостоятельно спуститься вниз, стопроцентной уверенности в этом у

меня не было. И я подумал: Если не я поведу их вниз, то кто же? Ведь это мои друзья и ученики, я тренирую их с 1972 года... К тому же я знал, что у Валерия любые обморожения — легкие ли, тяжелые — всегда протекают с сильными болями.

Они проработали 15 часов на высоте более 8500 метров, причем последние часы — без кислорода. Трудно, конечно, представить их состояние, но попытаться можно. Пусть кто-нибудь в своем родном городе оденется зимой потеплее и погуляет по-тихонечку 15 часов подряд по улицам. Затем нужно завысить эту нагрузку на порядок, добавив ураганный ветер и сорокаградусный мороз. Тогда, наверно, можно будет ощутить, что испытали Валиев и Хрицкий во время штурма...

Ильинский и Чепчев, точно так же, как и Хрицкий, не хотели обвинять Эверест в «злонамеренных кознях». Они говорили о другом: о том, как остро пахнет травой, когда спускаешься с ледника, о том, как фантастичны гималайские джунгли на высоте три тысячи метров...

— Вот уж действительно волшебное царство, каким оно представляется в действии, — говорил Ерванд Ильинский. — Какие-то сумрачные тона. Сырой лес, все переплетено — деревья, рододендроны, лианы. И нетронутый мох, висящий на ветвях. Порой даже казалось, будто все это не настоящее, а какая-то декорация...

...Когда четверка алмаатинцев спустилась вниз, Хрицкий отдал половину камней с вершины Эвереста Чепчеву:

— Тебе, геологу, они нужнее, чем мне.

Вспоминание об этих столь драгоценных для них камнях снова заставило Ильинского и Чепчева вернуться к тому, что произошло на высоте 8500 метров.

— Честно говоря, мы могли тогда уйти вверх, — говорит Сергей. — Но если бы так произошло, я бы не простили себе этого никогда. На всю жизнь осталось бы чувство вины.

— В Москве Валерию сделали небольшую операцию на обмороженных пальцах, — сказал Ильинский. — Если бы мы не ускорили спуск связки Валиев — Хрицкий, последствия могли оказаться значительно серьезнее. Наша совесть чиста. А чистая совесть все же явно дороже, чем самая высокая вершина.

Чистая совесть. Оказывается, мы все время говорили именно о ней. И когда Хрицкий, поднимаясь наверх, вынес в пятый лагерь два лишних баллона с кислородом (об этом мне сказал Ильинский) — не для себя, для тех, кто пойдет следом, — он поступал по совести; и когда Балыбердин, зная, что на двоих, на него и на Мышловского, кислорода не хватит, сказал, что обойдется без кислорода, — он поступал по совести; и когда Ильинский и Чепчев, не желая омрачить общую радость, ушли из базового лагеря и вернулись только через сутки, сумев побороть чувство разочарования, — они поступали по совести...

Я думал обо всем этом, когда Хрицкий, словно догадавшись о моих размышлениях, сказал:

— О том, какова человеческая сущность альпиниста, можно судить по тому, как он относится к спасательным работам.

И подчеркнутая будничность термина «спасработы» вдруг неожиданно показала повседневную, непреходящую значительность того, о чем говорил Валерий...

У каждого из моих собеседников есть в памяти эпизоды, когда, отдав товарищу последний кислород и глоток воды, сдирая об альпинистские веревки собственную кожу, он делал все, чтобы «сдернуть вниз» пострадавшего на маршруте, облегчить его страдания, сохранить ему здоровье, спасти жизнь... И всякий раз — параллельно с этим — они завоевывали то, что называют чистой совестью. Вершину, которая незримо высится над всеми остальными.

Валерий ПЛЕШАКОВ.
Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ.
Специальные корреспонденты «Смены»

Если бы Евгению Маркову в пору, когда он служил на Балтийском флоте, сказали, что он будет участником десанта в свою родную Выксу, он бы, наверное, улыбнулся. Удивился бы, пожалуй, моряк и предсказанию, что его городок, затерявшийся среди сосновых лесов на юго-западе Горьковской области, станет знаменитым на всю страну. И уж совсем бы не поверил тому, что именно здесь и именно он станет кавалером ордена Трудового Красного Знамени, лауреатом премии Ленинского комсомола.

А между тем, как читатель уже, конечно, понял, все произошло именно так.

...Не очень старая, но и не молодая, чуть более двух веков от роду, Выкса, поставленная на берегу тихой Выксунки по причине обнаружения здесь «уймы железных камней», в свое время исправно снабжала российскую армию и флот корабельными пушками, ядрами, якорями, булатными клинками и штыками, сработанными на здешнем железноделательном заводе. Однаково времена менялись, и, как свидетельствуют летописи, для Выксы не в лучшую сторону. В начале века нынешнего выксунское производство пришло, по сути дела, в полный упадок. После революции завод «воскресили», наладили здесь выпуск домашней утвари — сковородок, печных заслонок... Вещи, понятно, нужные и полезные, но так же, наверное, понятно и то, что изготовление их не могло удовлетворить самолюбия здешних умельцев. Научились выксунцы колеса вагонные отливать, но и это не было пределом мечтаний... И долго еще ждала Выкса своего звездного часа.

Осенью 1979 года сюда, на металлургический завод, начали прибывать первые отряды добровольцев. Такого городка еще не видел: улицы его заполнил разноязыкий гомон, в общежитиях заселялись белорусы и грузины, узбеки и молдаване, киргизы и украинцы... По вечерам в местном Дворце культуры яблоко негде было упасть. Вместе с первым десантом приехал в Выксу и Евгений Марков, после службы работавший сварщиком на судостроительном заводе «Ока» в соседнем Навашине. Открывшиеся перспективы привлекали сюда многих. Начинающуюся стройку объявили Всесоюзной ударной комсомольской.

Бригада Маркова занималась делом самым что ни на есть прозаическим — укладывала фундаменты, правда, необычно глубокие, до девяти метров. Необычной была и ответственность — основание должно было быть идеально ровным, выверенным с точностью до миллиметров. От этого, как говорили работавшие рядом проектировщики, во многом зависел успех дела.

Впрочем, для того, чтобы читатель понял, о каком деле идет речь, нам придется мысленно перенестись из Выксы на Аляску. В мире еще слышны отголоски катастрофы, произошедшей здесь, когда через трещину, возникшую в трубе трансконтинентального газопровода, под громадным давлением устремился метан. Над трассой, все сметая на своем пути, пронесся огненный вихрь. Двести километров труб расцепило надвое, будто бы сделаны они были не из металла, а из пуль-маш...

Где гарантия, что подобная авария не повторится? Над этой проблемой ломали головы специалисты многих стран. А решили ее ученыe киевского Института электросварки имени Е. О. Патона. Они изобрели и внедрили технологию производства особо прочных — многослойных труб, способных не только выдержать давление в 100—120 атмосфер (для пояснения заметим: пока что газ в трубопроводах идет под давлением 75 атмосфер), но и способных в критических ситуациях локализовать взрыв, который как бы «увязнет» в их многослойных стенках. Таким трубам, кстати сказать, сделанным из более дешевого металла, не страшны ни арктические морозы, ни вечная мерзлота, ни снежные лавины...

Ответственнейшее задание — освоение нового производства — было доверено Выксе. Ученые, инженеры, рабочие пошли на довольно рискованный эксперимент: цех по производству многослойных труб начал строиться одновременно с ведением научных разработок оборудования и технологии.

...Итак, бригада Маркова работала на фундаментах будущего цеха-гиганта. Точность в этой работе, как мы уже отмечали, должна была быть «хирургическая». Сложнейшее металлургическое оборудование, начиная от рольгантов, кончая специальными рентгеновскими установками для исследования качества труб, может «реагировать» на любой самый малый перекос. Ребята, работавшие с Марковым, хорошо знали это и старались дать темпы и качество при минимальном расходе материалов. Свое отношение к товарищам Евгений выразил одной фразой: «Доверяю им».

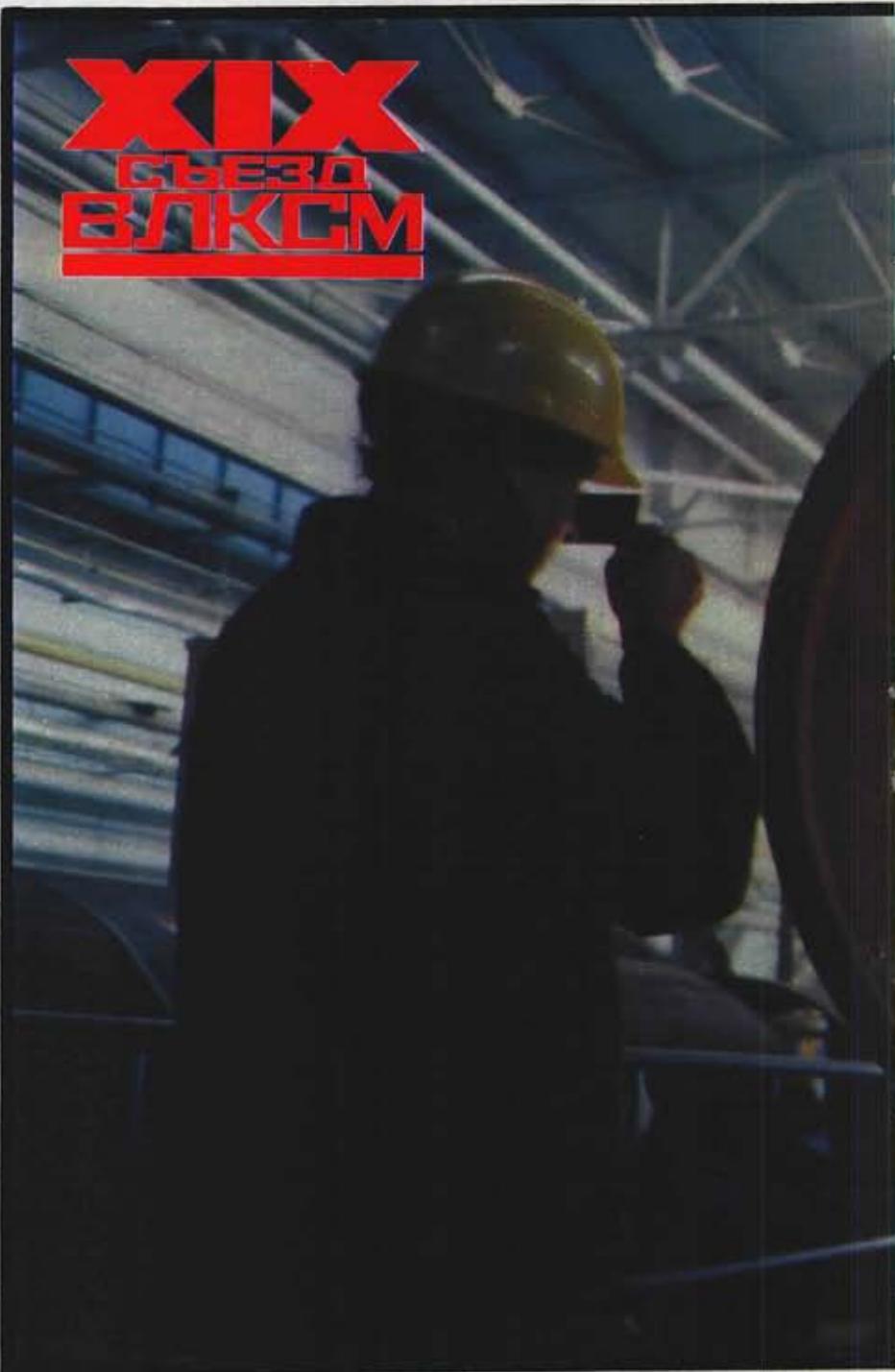
Да, он полностью доверял ударникам коммунистического труда Дмитрию Чуряку, Александру Земнякову, делегату XIX съезда ВЛКСМ Ивану Косоногову, всем арматурщикам, сварщикам, плотникам, бетонщикам, которые работали в его бригаде.

Но он не мог доверять капризам поставщиков, по вине которых случались простор. Он не хотел доверять подъездным дорогам, в ненастие превращающимся в сплошное месиво, в котором буксовали тяжелые грузовики с необходимым грузом... На справедливые претензии «бывалые люди», случалось, отвечали, недоумменно разводя руками: «Стройка, мол, — ничего не попишешь».

Но комсомольцы решили все же «написать» — отправили своих «гонцов» с письмами в комсомольские организации завода-поставщика, предприятий-смежников. «Переписка» закончилась заключением договоров о сквозном комсомольском шефстве над пуском в срок трубозаводческого цеха. Не станем утомлять читателя пересказом производственных подробностей, попросим поверить на слово: совместная комсомольская забота во многом помогла исключить случавшиеся ЧП.

Взялись ребята и за дороги. По предложению секретаря комсомольской организации цеха Александра Балашова не раз выходили они на субботники по расчистке территории, ремонту подъездных путей. Проложили комсомольцы и пешеходные дорожки, высадили возле корпусов деревья, кустарник. Вроде

СТАЛЬНАЯ Н

бы мелочь — а на настроении людей она сказалась.

...Первая труба — одиннадцатиметровая, матово отливающая красавица еще не остыла от объятий сварочных аппаратов, а ее уже согревали прикосновением десятков рук. Ею любовались, словно желанным первенцем. «Принимай наш подарок, Север!» — написал кто-то мелом на покатом боку «новорожденной».

День, когда пустили первую очередь трубозаводческого цеха, вошел в летопись Выксы. Торжества проходили накануне октябрьских праздников 1981 года. А будто бы вчера...

Этот день всегда вспоминает Евгений Марков, когда нет-нет да и заглянет между делами в продолговатое здание, вытянувшееся почти на километр, — трубозаводческий цех, выросший на заложенных его бригадой фундаментах.

...Здесь сам себе кажущийся карликом на фоне станков и агрегатов высотой с многоэтажный дом, хитросплетений труб, лесенок, рельсов, всевозможных коммуникаций. Непросто уловить логику в этом гигантском пространстве, насы-

щенном последними достижениями металлургии, автоматики, электроники.

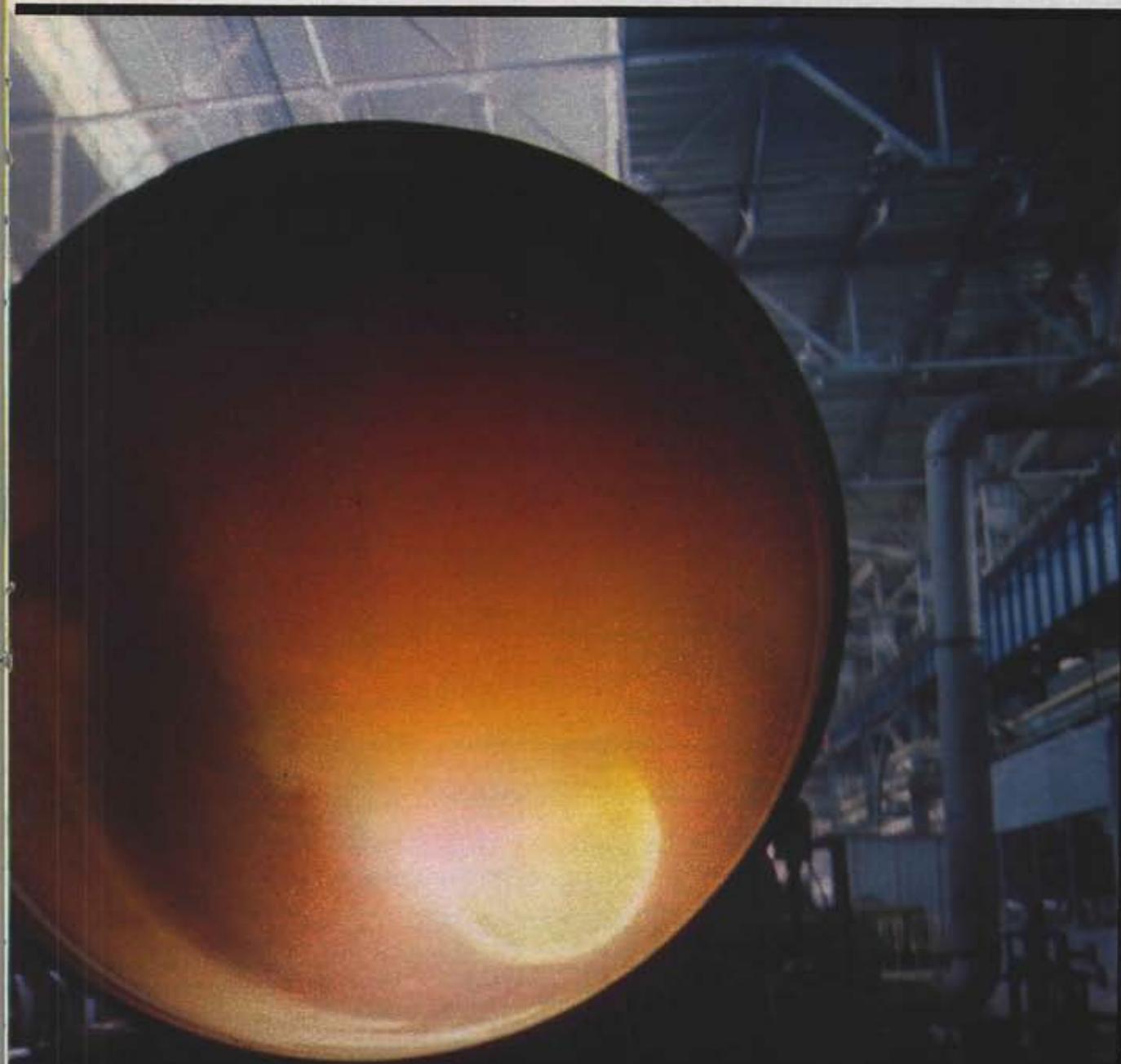
Пожалуй, лучше всего наблюдать медленное течение стального потока с возвышением пешеходной галереи, пронизившей весь цех.

Людей внизу мало — в основном они за приборными пультами.

Рулоны металла разматываются на специальных «моталках», затем машины правят металлические полосы, обрезают их, чистят. Сверкая матовым блеском, металл ползет по рольгангам туда, где специальное устройство навивает из полос так называемые обечайки — составные части будущей трубы. Пять-шесть обечайек, прошедшиеукрепительную стадию, тщательно проваренные, собираются в одну трубу. Именно сборка и сопутствующая ей сварка внутреннего и внешнего швов — наиболее сложные операции, после которых трубы проходит системы вакуумно-пузырькового и рентгеновского конт-

ИТКА ВЫКСЫ

Созданы
новые трубы
отечественного
производства
для магистральных
газопроводов

роля. Затем трубу торцуют, устраняют замеченные дефекты — и прямым ходом в камеру гидроиспытаний. Здесь вода заменяет газ, но давит на металлические стенки не хуже — с силой в 120 атмосфер.

И обычная низколегированная сталь из полосы толщиной меньше пяти с половиной миллиметров, но свитая в 35-миллиметровую «броню», выдерживает это давление не хуже настоящей брони.

Да, ошиблись господа капиталисты, полагая, что Советский Союз отстает в производстве труб большого диаметра и техники для строительства газопроводов от ведущих западных фирм. Надеясь на это, заокеанские политики пытались навязать нам свои условия, сворачивая торговлю с нашей страной. Но... Вместо трактороукладчиков типа «Катерпиллер», на продажу которых наложила вето администрация Рейгана, советские машиностроители создали мощные, не уступающие по качеству тракторо-трубоукладчики, выпускаемые сейчас в Стерлитамаке. И выксунские многослойные трубы уже поступают на Север, откуда берут начало новые стальные «нитки» сверхмощных газопроводов, прокладка которых названа центральной стройкой пятилетки.

ПРОМЫШЛЕННОЕ ТЕЛЕВИДЕНИЕ
ПОМОГАЕТ СЛЕДИТЬ
ЗА КАЧЕСТВОМ.

ВЫКСУНСКИМ ТРУБАМ
НЕ СТРАШНЫ
НИ АРКТИЧЕСКИЕ МОРОЗЫ,
НИ ВЕЧНАЯ МЕРЗЛОТА.

КОНТРОЛЕРА ОТК
ТАИСИЮ САЙФЕТДИНОВУ
ИЗБРАЛИ КОМСОРГОМ СМЕНЫ.

АВГУСТОВСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Мир — тебе,
нам, всем

Голубь и гаечный ключ, слова: «Мы хотим трудиться для мира...» Этот миниатюрный плакат можно сегодня увидеть повсюду в Федеративной Республике Германии — на автобусных остановках и в рабочих столовых предприятий, на стеклах автомобилей и на станках, в кабинетах учителей и в молодежных клубах. Борьба против гонки вооружений, против размещения американских ракет с ядерными зарядами на земле ФРГ, за мир и разоружение охватила сегодня всю страну. На снимке вы видите демонстрацию молодых рабочих, школьников, студентов в Ганновере. Ее участники несут плакат, на котором написано: «1 тонн — это 15 молодежных центров».

«ЭЛАН». ФРГ

Равель крупным планом

Французскому композитору Морису Равелю выпало на долю весьма любопытное и необычное чествование: в американском городе Миннеаполисе музыкальное издательство «Шмитт мюзик компани» украсило стену пятиэтажного дома, выходящую на автомобильную стоянку, нотными строчками — фрагментом из фортепианного концерта Равеля.

«ЮМАНИТЕ», ФРАНЦИЯ

КАМЕННАЯ КНИГА

Находится она в бирманском городе Мандалай и содержит 730 листов, каждый высотой в полтора метра и весом более двух тонн. Хранится это удивительное произведение во внутреннем дворе древней пагоды, который имеет площадь 5 гектаров. Книга содержит собрание канонов буддийской философии. По случаю религиозного праздника 2400 буддийских монахов, сменяя один другого, прочитали ее от первой до последней страницы за 153 дня без единого перерыва.

Для «написания» этой оригинальной книги в свое время были приглашены 100 каменных дел мастеров, которые в течение девяти лет высекали на каменных страницах изречения буддизма.

«СКЫНТЕЙЯ», РУМЫНИЯ

Письмо несколько задержалось...

Служащие почты шведского города Мариестада были несклонны удивлены, получив письмо, отправленное датчанином Е. Каренсоном... в 1611 году. В то время Швеция и Дания находились в состоянии войны, и всякие почтовые связи были прерваны. Письмо тогда же было направлено в архив и пролежало там 370 лет. Один из почтовых работников решил просмотреть архивные документы и, наткнувшись на письмо Каренсона, отправил его по указанному на конверте адресу, произведя тем самым на свет еще один почтовый курьер...

«ЛАНД ОГ ФОЛЬК», ДАНИЯ

СЕКРЕТ ПАМЯТНИКОВ ИНКОВ

Перуанскому ученому Францико Алиага, похоже, удалось открыть секрет строительной техники инков. Он утверждает, что инки не обрабатывали крупные каменные блоки, которые использовались для возведения дворцов и храмов, а размягчали их специальным растворительным раствором. Затем они обмывали эти блоки до нужных размеров. Ученый заявил, что основой процесса использования раствора из первоначальных трав, который, по всей вероятности, применяли инки. Этот раствор способен размягчить породу любой степени твердости. В пользу своей версии Алиага выдвигает еще 3 такой тезис: инки не располагали в то время инструментами для обработки многотонных гранитных блоков.

«БОЭМИЯ», КУБА

СНОВА ИЗ ПУШКИ НА ЛУНУ?

Эти строки стали почти хрестоматийными: «1 декабря погода стояла отличная. Несмотря на то, что был довольно сильный ветер, цепкий день сияло солнце. Более пяти миллионов человек собралось на возвышении у Стоунз-Хиллз в южной части Флориды, чтобы видеть старт «Колумбии»...»

Так представлял себе в шестидесятые годы прошлого века знаменитый фантаст Жюль Верн первый старт космического корабля. Точнее, не корабля, а снаряда, который с тремя пассажирами на борту должен был быть выстрелен из пушки длиной 275 метров в направлении нашего искусственного спутника.

Старые идеи в технике часто возвращаются — уже в новом качестве. Так случилось и с идеей Жюля Верна. Американский профессор Джерард О'Нил, который уже давно занимается проблемой космических полетов, создал научно обоснованный проект пушки, на сей раз — электромагнитной. Это своеобразный ускоритель, из которого заранее намеченной цели будет вылетать заряд-груз в контейнере цилиндрической формы. После «выстрела» контейнеры возвращаются, а груз летит дальше по инерции.

Расчеты показывают, что «небесная пушка» должна иметь длину ствола в 7,8 километра. Если же ее разместить на Луне, то эта величина составит «только» четыре километра. С помощью «лунной пушки»

НЕМНОГО СТРЕССА ДЛЯ ХОРОШЕГО ТОНУСА

«Нет худа без добра» — это, можно сказать, международная поговорка. Относится она и к такому явлению, как стресс. Некоторые ученые считают его биологическим ответом на усилия в достижении какой-либо цели, а не сверхперегрузкой организма. Стресс в умеренных дозах, уверяют эти ученые, полезен.

По мнению профессора Рофа Карвальо, испанского медика, «стресс предохраняет от старения

Соперник Панамского канала

Вскоре Мексика сделает попытку конкурировать с Панамой и ее знаменитым каналом. Прорыть новый канал? Нет, будет избран другой путь — сухогутный. Для перевозки грузов с тихоокеанского побережья до Мексиканского залива предполагается использовать старую железнодорожную линию, построенную еще в начале нашего века. Естественно, что эта линия подвергнется коренной модернизации, стоимость которой составит сто миллионов долларов. Экономисты подсчитали, что эти расходы оккупятся очень быстро. Параллельно с линией железной дороги будет построен нефтепровод для перекачки нефти из танкеров с одного побережья до другого.

«МАДЬЯР ИФЬЮШАГ»,
ВЕНГРИЯ

О'Нил предполагает доставлять на Землю добываемые на Луне металлы и минералы, а также различные изделия, изготовленные на Луне в условиях идеального вакуума. Движущее электромагнитное поле будет создаваться гигантскими катушками сверхпроводников, расположенными на внутренней стороне трубы и внешней оболочке контейнера.

Автор проекта предупреждает, что его «пушка» годится только для транспортировки грузов, ибо огромные ускорения буквально сотрут в порошок любое живое существо.

«ИЛЛУСТРОВАНА ПОЛИТИКА»,
ЮГОСЛАВИЯ

и может помочь удлинить и сделать более приятным течение жизни. Но чтобы это было так, человек должен иметь достаточно защитных сил и эмоциональной и социальной стабильности. В противном случае последствия стресса могут оказаться катастрофическими.

«Страдание от одиночества, очень часто встречающееся в современном обществе, — говорит Карвальо, — во многих случаях приводит к отчаянию, к потере жизненных перспектив, а это психологические факторы, которые могут вызвать отступление перед стрессом и крушение личности».

КАМБИО-16, ИСПАНИЯ

АУТОДАФЕ В МИННЕСОТЕ

...Горит в пламени костра некоторые конверты с дисками популярных певцов и рок-групп. Собравшиеся вокруг — члены ультраконсервативной религиозной секты «функционалистов» — взирают на огонь и вспоминают слова проповеди своего духовного пастыря Джима Петерса, призвавшего к «священной войне» против «музыки сатаны». Таких аутоадфе, как сожжение на пламени в Миннесоте, состоялось в США по инициативе религиозных сект уже более шестидесяти. Люди постарше вспоминают, что сожжение на костре пластинок — не изобретение общин преподобного Петерса. В пятидесятых годах на юге Соединенных Штатов пылали костры с пластинками Луи Армстронга и Эллы Фицджеральд — из-за расистов их блоги именовались «грязной негритинской музыкой». Позднее, в конце шестидесятых, полетели в костры пластинки «Биглов» — после того, как Джон Леннон пошутил: «Мы сегодня известнее, чем Иисус». Эти слова вызвали, кстати говоря, бешенство у одного из фанатичных поклонников «четверки из Ливерпуля», некоего Марка Чэмпиона, и в конце 1980 года он в ночном Нью-Йорке разбил свой пистолет в Лениона...

По скольку сожжение пластинок вызывает совершенно однозначные ассоциации с книжными аутоадфе нацистских времен, Петерс считал необходимым сделать заявление для прессы. «Единственное, что нас объединяет с Гитлером», — сказал он, — это то, что мы тоже используем кости».

Только ли это?

«ШТЕРН», ФРГ

БОРОДА СФИНКСА

Министерство культуры Египта провело переговоры с администрацией лондонского «Бритиш музея» относительно возвращения фрагмента бороды знаменитого сфинкса, который «охраняет» пирамиды, расположенные недалеко от столицы. Этот фрагмент был передан британскому музею капитаном одного генуэзского судна еще в начале XIX века. Египетские власти решили восстановить первоначальный облик известного памятника архитектуры, но для этого необходимо вернуть недостающую деталь из Лондона.

«ЮНГЕ ВЕЛЬТ»,
ГДР

Наполеон терпит поражение

Более чем через сто лет после смерти императора Наполеон Бонапарт вновь потерпел поражение. Его победил... бывший президент Франции Шарль де Голль. Разумеется, не на поле брани.

Институт по изучению общественного мнения распространил недавно анкету среди населения, в которой был вопрос: «Кто является самым выдающимся государственным деятелем страны?». Ранее пальма первенства неизменно доставалась Наполеону. На этот раз большинство опрошенных граждан отдали свои симпатии генералу де Голлю.

«ПАРИ-МАТЧ», ФРАНЦИЯ

Алмазный снег

Астрофизик Марвин Росс, научный руководитель Национальной лаборатории в Ливерморе, штат Калифорния, выдвинул гипотезу, согласно которой планеты Уран и Нептун покрыты не амиаком и метаном в твердом состоянии, а алмазами. Росс полагает, что метан давно разложился на углерод и водород. Водород вошел в состав атмосферы, в то время как углерод под влиянием избыточного давления приобрел порошкообразное состояние, став химически чистым углеродом, то есть алмазами, которые или кружатся словно снежинки в нижних слоях атмосферы, или образовали толстый слой на поверхности планет.

Новые данные, полученные с помощью автоматических космических станций, подтверждают тот факт, что на указанных выше двух планетах существуют благоприятные условия для образования подобных кристаллов алмазов.

«НЭШНЛ ДЖИОГРЭФИК»,
США

ФАБРИКА РЕЧЕЙ

Когда придумывали название для этого странного учреждения, кто-то вспомнил, что Голливуд именует то ли в шутку, то ли всерьез — «фабрикой снов». И основатель нового учреждения журналист Энрике Агира Лопес так и назвал свое детище: «Колумбийская национальная фабрика речей». «Мы будем фабриковать по заказу речи», — заявил он, — любые речи по любому поводу».

Недавно фабрика речей торже-

ственно отметила свое 15-летие. То, что вначале многим показалось курьезом с недолгой жизнью, обернулось вполне доходным для организаторов делом. За время своей работы фабрика подготовила около шести тысяч речей и докладов на самые различные темы. Услугами фабрики речей пользуются политические деятели, руководители различных ведомств и учреждений, представители деловых кругов, участники различных национальных и международных конгрессов. Девиз фабрики речей звучит весьма прямолинейно: «МЫ ДУМАЕМ ЗА ВАС».

— ПОНТУ, ПОРТУГАЛИЯ

Предшественники Колумба?

Громадная голова из камня с чертами ярко выраженного африканского типа была обнаружена в 1939 году на восточном побережье Мексики. Позже было найдено множество других подобных скульптур, обращенных лицом к Атлантическому океану. Их относят к ольмекской культуре, которая была развита в этих местах около трех тысяч лет назад. По мнению некоторых специалистов, эти гигантские каменные головы, весившие до 40 тонн каждая, являются красноречивым свидетельством того факта, что еще за две тысячи лет до открытия Америки Христофором Колумбом ее берегов достигали представители одной из развитых африканских цивилизаций. К этим специалистам относится известный лингвист и антрополог Ван Сертима. По его мнению, первые африканцы, которые прибыли в Новый Свет еще в VIII веке до нашей эры, были родом из Нурии (теперь Судан).

— ПАРАЛЕЛИ», БОЛГАРИЯ

ПОКАЗЫВАЕТ КИНОСТУДИЯ «КОКА-КОЛА»?..

Это какая же «Кока-кола»? Уже не переквалифицировалась ли известная американская компания по производству безалкогольных напитков? Отнюдь нет. Бизнес есть бизнес и таковым остается.

Просто-напросто компания решала закупить «на корню» известную киностудию «Коламбия пикчерс индастриз». Естественно, что, поглотив киностудию, также ряд телекомпаний, заводов по производству грампластинок и магнитофонных кассет, компания «Кока-кола» еще больше расширит объем рекламы своей продукции — ведь не зря говорят: кто платит деньги, тот и заказывает музыку...

«СВЕТ В ОБРАЗЕХ»,
ЧЕХОСЛОВАКИЯ

ЭЛЕКТРОННЫЕ СТОРОЖА

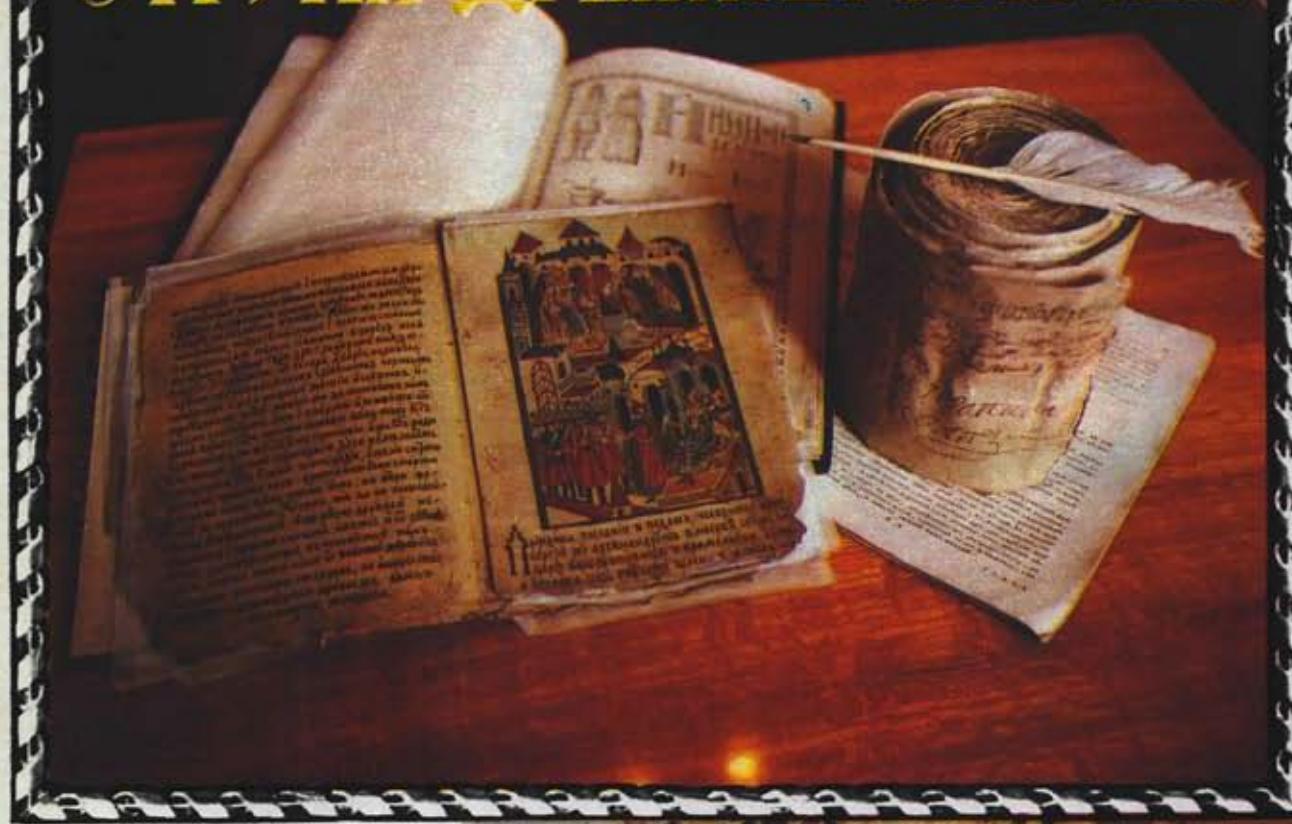
Рост преступности, в частности краж в США заставляет изобретать все новые средства борьбы с ворами. Так, фирма «Сенсоматик электроникс» из штата Флорида приступила к выпуску специальных ярлыков, назначение которых — борьба с магазинными кражами. Эти ярлыки приклеиваются на выложенный на прилавках товар, и если кир «стянул» что-то и решил вынести из магазина, то ярлык приводит в действие сконстрированное в дверях магазина сигнальное устройство, которое дурным голосом кричит: «Держи яора!». Если происходит нормальная покупка товара, то продавец по получении денегdezактивирует ярлык с помощью специального устройства.

«НЬЮСУИК», США

Озор зарубежной печати.
Материалы печатаются в изложении.

СТРОКИ ДРЕВНИХ ВРЕМЕН

Владимир КОРНЕЕВ,
Александр ПОЛЯКОВ.
Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ

Рубеже сотрудников архива, людей серьезных и педантических, интригующего слова «детектив» не встретишь — терминология у них сугубо научная. Но подчас истории поисков и находок архивистов в безбрежном море документов давно минувших лет по своему сюжету и увлекательности ничем не уступают популярным образцам детективного жанра. Ведь здесь, в ЦГАДА, ищут истину — по крупицам, по малейшим проблескам, проникая мыслью сквозь толщу времен. Чтобы тайное стало явным.

Б. ПИРОГОВСКАЯ, 17

По этому московскому адресу и находится ЦГАДА.

— Архив называют энциклопедией нашего Отечества, — рассказывает его директор заслуженный работник культуры РСФСР Мария Игоревна Автодорова. — И справедливо: на стеллажах длиной в 28 километров хранится более трех миллионов дел, всесторонне освещавших историю родины с XI века по 1917 год. Здесь свыше полутора тысяч фондов, в помощь исследователям — миллионы кадров микрофильмов, более пяти тысяч описей, десятки тысяч карточек каталогов. А чего стоит сама по себе биография нашего учреждения! Тут и соединение трех сенатских архивов, и постройка на Девичьем поле здания специально для него... А сорок первый, война, эвакуация самых ценных документов — это ведь целая тема!

Волнуясь, держали мы по очереди древнюю рукопись в деревянном, обшитом кожей переплете: «Саввина книга» — самая старая в ЦГАДА. А вот дошедшие до нас сквозь пласти столетий подлинные завещания Ивана Ка-

УНИКАЛЬНОЕ ХРАНИЛИЩЕ ДРЕВНИХ ДОКУМЕНТОВ.

литы, Дмитрия Донского, уникальный законодательный памятник «Русская правда».

На наших лицах отражался разгульный и карающий пламень крестьянских войн: Болотников, Разин, Булавин, Пугачев. Свидетельства этих событий тоже хранит архив.

Здесь же мы увидели документы о воссоединении Украины с Россией в 1654 году, письмо Петра I с извещением о Полтавской виктории, уникальный цензурный экземпляр рукописи «Путешествия из Петербурга в Москву» Радищева с замечаниями Екатерины II, недавно обнаруженные автографы юного Ломоносова, а также его позднейшие труды. Взволновала небольшая синяя тетрадь (тоже недавняя находка) с воспоминаниями о знаменитом собирателе рукописей Мусине-Пушкине, и главное в ней — предание его семьи о том, что вопреки бытовавшему мнению подлинник «Слова о полку Игореве» и часть Несторовой летописи не сгорели в московском пожаре 1812 года, так как находились тогда у историографа Карамзина. Не сгорели! Находка великолепно подарила надежду...

Лежат на стеллажах дела важнейших российских приказов — Сибирского, Печатного, Разрядного, Поме-

стного, Малороссийского, Посольского... Контор, канцелярий; Вотчинной, Юстиц-, Камер-, Ревизион-коллегий... Бумаги кабинетов видных государственных деятелей, Приказа тайных дел, Тайной Преображенской канцелярии, Тайной экспедиции Сената...

Сегодня этот архив уже не собирают. Однако его колоссальной коллекции в избытке хватит еще не одному поколению исследователей, которые будут черпать новое из глубин этого поистине бездонного колодца.

СЕНСАЦИЯ В ТИШИНЕ

Тихо в читальном зале ЦГАДА. Лишь шелестят страницы старинных документов, переворачиваемые осторожной рукой. Какие времена властвуют сейчас над умами их читателей, уводя от заоконного городского гула в необозримые дали истории Отечества? Времена Великого Новгорода, Пугачева, Петра I, Пушкина?.. И что случилось с этими документами на их долгом веку? А быть может, вот-вот дрогнет рука исследователя: открытие!..

Эту историю сотрудники архива вспоминают частенько. Исследователи

Ирина Ободовская и Михаил Дементьев работали с фондом семьи Гончаровых. Этот родовой архив вместе с бумагами других известных фамилий — Шереметевых, Строгановых, Юсуповых, Воронцовых — поступил в ЦГАДА в послереволюционные годы. Честно говоря, сенсаций не ждали. Просматривали письма сестер и братьев Гончаровых, детские тетради, все возможные хозяйствственные расчеты по усадьбе, переписку с приказчиками. И вдруг...

Невзрачный, пожелтевший листок. Мелкий почерк, написано по-французски: «Мой дорогой Дмитрий Николаевич!» (обращение к старшему брату Натали). Письмо не подписано. Рука уже готова машинально отложить листок в сторону, но взгляд еще скользит по стремительным строчкам. Превосходный знаток французского, И. Ободовская вчиталась в текст — и заповедную тишину архива нарушил ее взволнованный голос:

— Это Пушкин!..

Дальнейшие тщательные проверки и консультации с известными пушкинистами подтвердили: да, это Пушкин. Так был нежданно-негаданно найден еще один автограф великого поэта.

Всякое случается в этом архиве: искали одно, а нашли другое, и более

ценное; в тени столько лет оставалось письмо, которого касалась рука не одного исследователя.

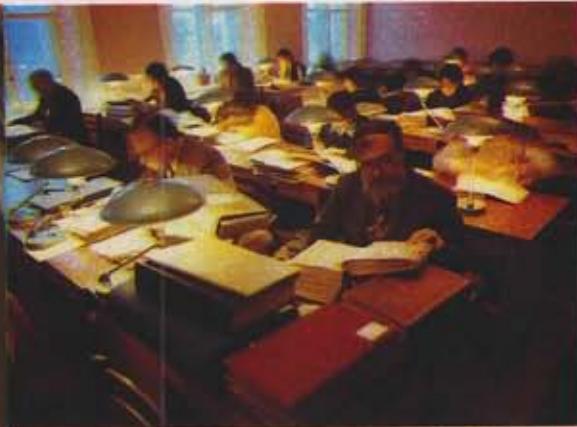
КЛЮЧИ К РАЗГАДКАМ

Это было совсем недавно. В ЦГАДА кружным путем пришел запрос из города Венева Тульской области. Активисты местного отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК) сетовали: «Вот уже почти 200 лет исследователи не могут установить ни точного места, ни времени рождения известного русского зодчего В. И. Баженова, ни найти его могилы».

Да, почти два века просуществовала тайна места захоронения великого архитектора, одного из основоположников русского классицизма, чтобы быть раскрытым архивистами ЦГАДА всего за один месяц. А вышло так. Ходила среди жителей села Глазово, что в Веневском районе Тульской области, легенда: похоронен-де Баженов где-то в здешних местах. Да только легенда не документ, ей ведь подтверждение требуется. Такое подтверждение и нашла руководитель отдела информации, научного использования и публикации документов ЦГАДА Светлана

Долгова. Светлана Романовна, хорошо знакомая с наследием друга Баженова, видного просветителя XVIII века Ф. В. Каржавина, обратила внимание на его записку, хранившуюся в рукописном отделе Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. В ней указывалось место последнего захоронения зодчего — село Глазово. Сам Василий Иванович Баженов в свое время писал в сохранившемся завещании: «...весьма желаю быть положенным в Глазове...» Но то ли это Глазово и где оно находится? На этот счет в литературе было высказано немало самых разных предположений. В частности, существовало мнение, что Глазово находилось недалеко от Павловска (Санкт-Петербургская губерния). Словом, «веневская» версия требовала дальнейшей разработки, и Долгова продолжила поиски. Знание исторического периода, в котором жил Баженов, четкая ориентация в, казалось бы, безбрежном море документов той эпохи ускоряли работу и выводили исследователя все ближе к цели — в бумагах Дворцового архива, например, нашлось письмо-уведомление вдове Баженова: «...тело в деревню по зимнему пути, согласно завещанию покойного, перевезти позволено». Поянулась ниточка и дальше. Экономические примечания к планам генерального межевания Тульской губернии, составленные в конце XVIII века и хранящиеся ныне в фондах ЦГАДА, донесли описания нескольких небольших поместий в бывшем Каширском уезде, которые на самом склоне жизни удалось купить В. И. Баженову. В их числе — село Глазово. Итак, легенда нашла подтверждение, все сошлось, круг замкнулся. И в Веневское районное отделение ВООПИК была отправлена из ЦГАДА архивная справка, в которой аргументи-

МАТЕРИАЛАМИ АРХИВА ИНТЕРЕСУЮТСЯ СПЕЦИАЛИСТЫ ИЗ ВСЕХ КОНЦОВ СТРАНЫ.

РЕСТАВРАТОР ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВА ВОССТАНАВЛИВАЕТ РЕДКИЕ ДОКУМЕНТЫ

АЛЬБОМ ИЗ ФОНДА СТРОГАНОВЫХ С ИСТОРИЕЙ ЕРМАКА

ТИТУЛЯРИК 1672 г.

ЮГОВОРНАЯ ГРАМОТА ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА С ВЕЛИКИМ КНЯЗЕМ ТВЕРСКИМ 1517 г.

тированно и четко был дан ответ на многолетнюю загадку.

Необходимость такой поисковой работы наглядна и постоянна — помощь архива нужна многим: историкам, этнографам, филологам, лингвистам, экономистам, искусствоведам, архитекторам, писателям... Впрочем, спикс этот можно продолжать и продолжать.

Материалы архива использовали при восстановлении, культурных памятников, разрушенных в годы войны, для разработок забытых месторождений полезных ископаемых. Особенность широко используется документы ЦГАДА при реставрации, создании планов реконструкции городов. Источники, хранящиеся здесь, содержат уникальный материал по истории строительства на Руси, помогают реставраторам воссоздать изначальный облик памятников культуры, сотворенных руками замечательных зодчих прошлого.

Трудно переоценить помощь, которую оказали исследователям сведения архива о Московском, Новгородском и Псковском кремлях, о соборе Василия Блаженного, об архитектуре «Золотого кольца» древнерусских городов, о пушкинском Михайловском, гоголовской Васильевке, о жемчужинах Подмосковья — Архангельском, Останкине, Кускове. К слову сказать, сейчас на базе ЦГАДА и целого ряда архивов Москвы и Ленинграда разрабатывается автоматизированная информационная поисковая система. Облегчая поиск исследователей, она включает все материалы по истории сохранившихся и утраченных архитектурных сооружений Москвы и Ленинграда.

КАК УВИДЕЛИ НЕВИДИМОЕ

Опытный, подготовленный архивист может прочесть древний текст, как говорится, с листа, споровисто «разматывая» непосильный для непосвященного узор затейливых строчек. В этом мы наглядно убедились в ЦГАДА. Но это тексты, заботливо хранимые на протяжении многих лет в специально поддерживаемых, благоприятных условиях. А как быть с теми, на которых время и подчас роковые обстоятельства оставили неизгладимый, казалось бы, след, погасив когда-то четкие строчки, сделав их невидимыми для глаза?

Более века пролежали непрочитанными эти документы в уникальном фонде архива. Их нашли при раскопках 1843 года в Московском Кремле. На беду, в медный сосуд, где они хранились, проникли грунтовые воды, смыв с них практически весь текст. Вот и достались исследователям лишь 18 безмолвных листов пергамента, на которых невозможно было что-либо прочесть. А прочесть не только хотелось, но и требовалось: установлено было, что сосуд с пергаментами зарыли в землю еще до страшного московского пожара 1626 года, который нанес городу большой урон. В огне погибли многие архивные документы. Так что подобные находки — подлинная удача для историков и архивистов.

В прошлом году эти немые весточки из глубины столетий были отправлены сотрудниками ЦГАДА в лабораторию воспроизведения документов ВНИИ документоведения и архивного дела. Вот что нам рассказал об их дальнейшей судьбе руководитель лаборатории кандидат технических наук Арнольд Кепель:

— Восстанавливая при помощи фотографии контраст между штрихом и фоном угасших документов, мы исходим из того, что на пергаменте или на бумаге почти всегда остаются следы текста. Они, разумеется, не видны невооруженным глазом, но их можно заставить, как говорится, пролить свет на суть. И здесь у нас главные помощники — свет и цвет. Умелое сочетание

светофильтров, источников излучения, съемочной оптики и фотослоев позволяет исследователю достичь цветового контраста между фоном и текстом, превратить невидимое доселе изображение в видимое. Так было, правда, не сразу, и с кремлевскими пергаментами.

В лаборатории сделали ряд съемок в отраженных видимых, а также невидимых ультрафиолетовых и инфракрасных лучах. Но, увы, безрезультатно. Учитывая возраст документов, предположили, что они написаны чернилами, содержащими железо. Было известно, что пергамент под действием некоторых видов излучений может светиться, а слабые следы «железных» чернил на нем, наоборот, способны темнеть. Но одного этого знания было маловато, поэтому сотрудникам лаборатории пришлось проделать немало экспериментов. И вот наконец, освещив лист пергамента специально подобранными ультрафиолетовыми лучами, удалось воочию увидеть пропущенные темные буквы на светящемся фоне. Теперь оставалось только зафиксировать выявленный текст на фотопленке.

Сейчас фотокопии с восстановленным текстом большей части кремлевских пергаментов уже исследуются историками и архивистами. А подлинники этих рукописей — в целости и сохранности — снова заняли свои места в уникальном фонде ЦГАДА.

ХРАНИТЬ ВЕЧНО

Судя по штатному расписанию, ровно половина сотрудников ЦГАДА занята обеспечением сохранности его фондов. Еще раньше об этом думали архитекторы, строители здания архива. Оно встало в виде прямоугольника, замкнувшего внутри себя стеллажи на незыблемых стойках. Все в этом доме — коридоры, переходы, металлические решетки между ярусами вместо обычного пола — служит созданию постоянного микроклимата, благоприятного для архивного собрания.

Свообразие ЦГАДА в том, — сказала нам главный хранитель фондов архива Идея Андреевна Балакаева, — что здесь собраны, так сказать, нестандартные единицы хранения — и грамоты, какими можно запросто закрыть поверхность обеденного стола, и небольшие «столбы», и тяжеленные книги полуметровой толщины. Дела хранятся в обычных коробках. Для уникальных делаются коробки по специальному заказу. Есть еще папки, футляры, к примеру, для картографических материалов. При выдаче на место взятого дела ложится карта-заместитель, заполняется лист использования и целый ряд других документов: ничто не должно нарушить строгий порядок хранения, иначе утраты неминуемы.

Беднейшие документы находятся на особом учете. Доступ к ним ограничен. А если кому-то для работы потребуются их тексты — пожалуйста, есть микрофильмы.

Ежегодно тысячи ветхих листов направляются из ЦГАДА на реставрацию к опытным специалистам лаборатории Центральных государственных архивов СССР. Сотни дел поступают туда же на профилактику. Возвращающиеся документы, прежде чем они займут свое прежнее место, пропускают через архивный «ОТК». Оформляют, наклеивают ярлыки. Начинающих архивистов учат системе нумерации дел, быстрому их нахождению по «адресу», зашифрованному в одной строчке, правильному проведению проверки наличия фондов.

Хранить вечно — таков девиз работников ЦГАДА. И счастливы те, кто знает и еще узнает эту тихую гавань, откуда начинается большое плавание по бескрайнему морю, именуемому Историей Отечества.

Сколько открытий сулит это плавание!

Ольга ЧАЙКОВСКАЯ

6

бежит мимо вагонных окон зеленый склон; пышный травяной ковер, стелющийся по земле светлые рельсы; летят в небе провода, без звона перекрещаются; ворона вовсю машет крыльями, но удержаться вровень с нами не может. Смеркаются, гаснут краски, и среди серо-зеленого, что убегает назад, появляется луна, одна она высоко в небе гонится за поездом и не отстает. И все то, что недавно произошло (и ради чего я ездила), все это тоже за мной гонится и тоже не отстает.

Два действующих лица в этой истории. Он и она. Что я знаю о ней? Фабричная девочка, живая, веселая, хотя могу предположить, что не так-то уж ей и весело: ну, работа (работает она безотказно), ну, развлечения (она стройная, с хорошими глазами, знакомых хватает), но уже двадцать четыре, а нет у нее «милого мужа» (это у Ахматовой, чисто женское, печальное, глубокое: «он не станет мне милым мужем»), который дал бы ей необходимое любому расцвету тепла. Нет у Лены даже «постоянного парня», с которым можно было бы в кино пойти. Зато есть подруга Вера, с ней всегда весело. Их приглашают на танцы и в бар, они тогда развлекаются, веселятся. Но в субботу или воскресенье Лена едет к матери (в поселок, где та работает школьным библиотекарем), это обязательно. Является веселая, с сумками, с новостями и тотчас начинает хлопотать. Я представляю себе: Евдокию Тимофеевну ждут в конце недели два ярких дня.

В субботу Лена к матери не поехала: Вера уходит в отпуск, и они решили не разлучаться. Как шел этот день? Утром Лена вымыла полы в общежитии, где жила, пришла Вера, посидели, покурили, поболтали, немножко выпили, посмотрели телевизор; пошли на остановку, чтобы встретиться со знакомыми парнями, но, видно, девушки не спешили, а парни ждать не стали, и подруги пошли обедать одни. За обедом посидели, выпили немножко, вернулись в общежитие и сели во дворе, на лавочке. Посидели на лавочке, покурили, поболтали и решили пойти в молодежный бар. Приоделись, подмазались и пошли, но в баре не танцевали, не было музыки. Они посидели, выпили немножко и ушли.

А, впрочем, им было весело, они шли по шоссе и дурачились, интересные девчонки, их из проезжающих машин приглашали подвезти, они не садились. Уже стало смеркаться, когда переходили они по мосту через Северский Донец. Вот, собственно, и все, что я знаю о Лене и о том субботнем дне.

А что я знаю о Сергееве? Много больше. Вот уж кому никогда скучать: молодой врач, недавно окончивший институт, всего год в больнице, а уже нарасхват, всем нужен. Врач, как говорится, милостью божьей: когда перед ним больной, ничего, кроме больного, не помнит и не видит. Характер крепкий, сосредоточивается мгновенно. Однажды они с женой шли по улице и увидели: столпились люди, на что-то в молчании смотрят. Оказалось, в жесточайшем припадке бьется на земле человек. Марина (она тоже недавно стала врачом) с ужасом глядела, как несчастная голова больного колотится об асфальт. А Сергей? Не теряя мгновения, упал он на больного, обеими руками прижал к земле его голову (и успел еще взглядом найти в толпе самого надежного и послать звонить). Есть у него хватка.

Если трудный больной, Сергею можно звонить в любое время суток, и он бежит — бежит бегом. Привезли однажды ночью ребенка в тяжелейшем состоянии, Сергея позвонили, что вызывают за них машины. «Зачем машины? — ответил он. — Я прямиком быстрей добегу!». А впрочем, кто из медиков не спешил, если речь идет о страданиях или, тем более, о жизни. Ведь врач — он вечнообразный, нет у него выходного, и отпуск его в любую минуту может быть прерван стуком в окно или телефонным звонком, и тогда — беги, доктор! Но Сергей даже с азартом бежит. Он вообще, пожалуй, человек азартный.

Но и терпение у него есть — чисто врачебное. Как-то привезли умирающую старуху, так он бился за ее жизнь вот уж действительно до последнего.

— Мы вам можем до ночи о нем рассказывать, — говорили мне в больнице. — Бессребренник, долго снимал с семьей комнатушку. Требовать полагающуюся ему площадь? Не до того ему было. Зато уж и больные его любили. Когда это случилось, в палате, которую он вел, бог знает что началось, одни больные плакали, у других поднялась температура. Тут у нас сама заведующая отделением ходила между койками, успокаивала.

А что же случилось?

Человек среди людей

СУДЕБНЫЙ ОЧЕРК

B

воскресенье утром рыбак, удивший на Донце, увидел, что по реке плывет женщина — лицом вверх под пленкой воды, а на теле у нее огромная (как установили потом — огнестрельная) рана. С высокого правого берега реки снимал ее фотограф, а потом в грузовике отвезли ее в городскую больницу. По телеграфу сообщили в Ростовское областное управление внутренних дел, прибыли в город сотрудники уголовного розыска — и начал отывать свой ритм милиционер метроном. Около часа ушло на то, чтобы размножить фотографию погибшей, раздать розыску, участковым, дружинникам; в пять часов явилась женщина и сказала, что узнает погибшую, это Лена с завода. В шесть работники розыска В. И. Колесников и Б. И. Поляков уже знали, что Лена в субботу ушла с подругой, которая наутро явилась одна. Оказалось, что Вера отправилась в поселок к сестре. Приехали туда часом в семь вечера и узнали, что Вера была, но вернулась в город. Примерно в восемь прибыли в город, чтобы узнать, что Вера, приехав, отбыла в село к бабушке. Когда, наконец, ее нашли (около трех ночи), она рассказала все, что мы уже знаем, и еще: остановилась тогда на мосту рядом с ними машина, в которой были приличные, приятные даже молодые люди. Девушки сели, а потом все четверо, проехав по городу, решили отдохнуть на берегу. У одного из парней было охотничье ружье. Лена очень просила, чтобы ей дали пострелять, ей не дали, но владелец ружья для ее удовольствия разрядил в воздух оба ствола.

Расположились под деревьями, выпили, закусили, тут Вере стало некомфортно, она поднялась и пошла: кажется, заснула в стогу, это она помнит смутно, зато точно помнит, что проснулась на чьем-то чердаке. Молодых людей тоже помнит смутно. Один из них назывался Славиком. Что до машины, то это был защитного цвета «узик», кажется, с красным крестом на боку. И еще она вспомнила, что тот, кто назывался Славиком, обмолвился, будто в пионерлагере у него знакомая — шеф-повар. Вспомнила она это в четыре утра, а в пять Колесников стуком в дверь будил шеф-повара. Разговор шел долгий, пока по какой-то ассоциации (жди ее) не всплыло в памяти шеф-повара, что она видела малознакомого ей Славика за рулем санитарной машины. До шести Колесников вернулся в город, около шести к нему доставили Славика.

Перед Колесниковым был невысокий, лет тридцати человек в самом горестном состоянии — рот пересох, руки все время что-то перебирают, а глаза... Они рассказали работнику розыска все много раньше, чем что-либо произнесли дрожащие губы. Да, ехали на санитарной машине, по дороге подсадили двух девушек, решили отдохнуть на берегу; потом одна из них куда-то подевалась, они ее искали, даже ездили с зажженными фарами (рассказал его, таким образом, совершенно совпадал с тем, что говорила Вера). Оставшиеся выкупались в Донце, после чего Славик с Леной вернулись в машину, и он, одеваясь, вдруг услышал лязг металла о металл. Обернулся: Лена тащила к себе ружье прямо за ствол... Она тащила за ствол, а он ухватился за ложе, как видно, зацепил спусковой крючок, грянул выстрел, и девушка стала валиться вперед, лицом ему в колени. В эту минуту подбежал второй.

Они положили ее на лавку — ни пульса, ни дыхания. Разряд дроби в живот, в упор — это непоправимо. Мертв.

А что было потом?

Тут допрашиваемый замолчал, только смотрел глазами, в которых был ужас.

— Мы бросили ее в воду, — сказал он.

C

Сергей Соколов, врач-терапевт городской больницы, вернулся домой часов в шесть утра, ему открыла жена, сонная, спросила: «А где утки?» Утки? Он не понял, какие утки, и не сразу вспомнил, что вчера (вчера — столетие назад!) собирался на охоту. Охота не состоялась, и он, взяв санитарную машину, которая в тот день на линии не работала, отправился на новоселье к товарищу, а потом...

Он лежал, но спать даже и не пытался, все виделось ему, как мертвое тело уходит под воду. Надо было вставать, воскресенье, когда-то (в другой жизни!) он обещал жене и дочке сперва прогулку, а потом кино. Они пошли по солнечному городу, жена с Аришкой тотчас встали в очередь за мороженым, а он, поджидая их, стоял неподалеку, курил.

И вдруг увидел грузовик, а в нем двух милиционеров.

Сергей смотрел вслед грузовику — может быть, проедет мимо больницы, не свернет? Грузовик свер-

нул в больничные ворота (и Аришка бежала с мороженым), но все-таки была, наверно, еще какая-то неясность, а вместе с ней и надежда, потому что его как варом обдало, когда он услыхал на улице разговор о девушки, найденной в реке.

«Ружье», — думал он по дороге домой (жена давно уже его пилила, что ружье не зарегистрировано, а он все никак не мог собраться). Хотел было спрятать, но прятать не стал. Прилег, ему нездоровилось. Иди в милицию и все рассказать? Он уже ясно видел, что на это у него никогда не хватит мужества. Он лежал и ждал стука в дверь.

Стук раздался под утро. Открыла Марина, уверенная, что пришли за ружьем, но у нее спросили еще, нет ли у мужа спортивного костюма. Она ответила, что бросила его в стирку. Те так и вскинулись: «Как в стирку!» Но она замочить костюм не успела, нашла его и отдала, а на душе у нее стало совсем тревожно: неужели браконьерство? Сергей, все время молчавший, ушел вместе с ними. Он — ее жизненная основа и профессиональная уверенность (она еще многого не знала, боялась, а когда он стоит у операционного стола рядом, рука ее становится твердой и глаза верными). Ее милый муж, за которым она как за каменной стеной.

Уже бушевали в городе слухи о зверском убийстве, в больнице плакали и температурили больные — Марина узнала обо всем последней. На приеме у ее кабинета собралась в тот день невиданная толпа пациентов — они смотрели на нее глазами ненависти. Та же безмолвная ненависть сопровождала ее, когда они шли с Аришкой из садика. Только дочка, казалось бы, беззаботно шагала рядом.

— Они все перепутали, — бормотала она. — Папа не в тюрьме, он в терапии.

Ну, эти-то двое чем виноваты? Высокая, красивая, милая женщина, которая ведет за руку свою дочь, их-то за какие грехи вытащили на журнальную полосу? Пусть мы заменим подлинные имена, все равно город, где они живут, тотчас их узнает. Но быть может, и самой Марине (мужественному человеку, она с достоинством несет свою беду) нужен этот разговор? Ведь ее собственные мучительные попытки понять случившееся тоже не приводят ни к чему. А эту историю — кто ее не знает?

Сколько было споров!

— Он носил маску, это ясно, — говорили одни. — Двойная жизнь».

«Что же он, с маской на лице бежал к больному ребенку? — возражают другие. — В маске бился за жизнь умирающей старухи? Двойная жизнь? Откуда? Больные да семья, вот и вся его жизнь, ни на что другое у него просто и времени не было».

А в больнице и до сих пор как бы верят и не верят в вину Сергея, словно бы той ночью на берегу Донца он был и не он — двойник, оборотень. Но ведь и юристы тоже спорят (несмотря на то, что уже был суд): дело это ясное по факту, сложнейшее по своей юридической квалификации. Только нас здесь интересует не юридическая, а чисто нравственная его сторона.

Я пытаюсь еще раз представить себе: вот Соколов поднимается от реки по кругому обрыву, слышит выстрел, бежит к машине, видит мертвую — и в миг все освещается для него грозовым светом. Где он, с кем он? — ночью с незнакомыми девицами (и как больно будет Марине, когда она это узнает, и как стыдно будет перед людьми, которые на него только что не молятся)? А выстрел, между прочим, сделан из его ружья, которое он беззаботно оставил заряженным. Может быть, его вообще обвинят в убийстве? — Паника охватывает душу. «И вот тут, — сказал мне один учченый человек, — заговорил в нем могучий инстинкт самосохранения».

Все равно ничего не понимаю. Ведь инстинкт-то этот оказался совершенным дураком, ведь подсказал-то он прямую нелепость: нетрудно было бы сообразить, что машина с красным крестом заметна, что люди могли видеть, как в нее садились девушки, что есть, наконец, Вера, которая узнает их в лицо. Именно инстинкт самосохранения должен был заставить его мчаться в больницу, это и «организационно» было самым простым: все трое уже в санитарной машине, а до больницы, той самой, где он работал, четыре километра — минуты четыре езды, не больше.

Вот оно, роковое мгновение выбора! Врач. Перед врачом человек без дыхания и пульса. Мертв? Может быть, и мертв, но ему ли, работавшему в реанимации, не знать, как нынче отвоевывают мертвых у смерти? Он, всегда бывшийся до последнего, он с его хваткой и умением мгновенно сосредоточиваться! — впрочем, хватка осталась при нем, и решение было принято мгновенно. Такое впечатление, будто в душе его в эту минуту что-то разрушилось: ум, доброта, благородство, все это в считанные минуты пошло прахом вместе с клятвой Гиппократа. А на самом деле что случилось?

Нам важно это понять. Пусть история Соколова экстремальное экстремальной (ночь, река, выстрел), но могут быть случаи и попроще, во всяком случае, обыденней. Ну, например, нынче миллионы людей сидят за рулем, никто из них не застрахован от катастрофы, а она почти всегда резко ставит проблему выбора. Однажды водитель сбил мотоциклиста и скрылся, тот весь в крови выплыл из кювета, лежал на обочине, поднимал руку, а машины шли мимо. Когда вдруг показался «Москвич», раненый (так рассказал он перед смертью) переполз на середину шоссе — «Москвич» старательно его объехал и покатил дальше.

Выбор, всюду выбор, тем более что нынешняя жизнь с ее напряжением и нервными перегрузками просто набита экстремальными ситуациями, постоянно требующими выбора. Мы его делаем, подчас даже и не замечая, в самой простой, обыденной жизни. Уж в такой простой обыденности, что, кажется, о ней и рассказывать-то нечего. Ну, например.

H

Николай Федорович в выходной утром крепкий, свежий, жить хочется (да после горячего душа!), в чистой рубашке, это обязательно, ждет завтрака с любопытством и удовольствием. Татьяна никогда не скажет заранее, что, а чтонибудь придумает вкусненькое. Она вообще, хоть и толстая, а молодец, заставила его взяться за ум — учиться, хороший мотор их семейной жизни, тянет.

Правда, в этот выходной настроение Николая Федоровича было испорчено — никак не мог забыть он вчерашней стычки с начальником ОТК Королевой. Тем не менее утром он вышел на кухню крепкий, свежий; на завтрак была запеканка с масленой тминной корочкой. От этой корочки что угодно забудешь, даже хамство начальника ОТК.

Татьяна только что отговорила по телефону, и, видно, терпения нет, хочется ей поделиться. У нее всегда так, доверчивая, открытая, как девочка, никогда не стерпит, все выложит.

Она так спешила, что, зажегши газ, сунула обгоревшую спичку обратно в коробок, он этого не терпел (в самом деле, откроешь коробок, а там одна угольная труха), но сдержался. Сжал зубы, размолол ими обиду и проглотил. А Татьяна, ничего не заметив, накрывала на стол так быстро, словно за ней волки гнались. Они сели, и жена с ходу стала рассказывать, но он не слушал, он смотрел за ее руками — болтая, она срезала с запеканки (и в рот) верхнюю корочку, а этого уж он совсем не переваривал! Теперь запеканку, без корочки, можно выкинуть свинцом.

— Ой, что же это я делаю! — воскликнула жена (знала, конечно, что он любит, что не любит), но тут же забыла и, как-то слабо махнув рукой, продолжала и говорить и срезать корочку. Тут он вскочил, да с таким бешенством, что она невольно поднялась, перепуганная.

— Ведь добро, — сказал тихо и тяжко, ткнув пальцем в запеканку. — Люди на тебя работали.

От его слов лицо жены стало замкнутым, упорным, тогда в глазах его и совсем потемнело.

— Да ты вообще-то на чьи деньги жрешь?! — засорал он.

И, окинув ее взглядом с ног до головы, — а она стояла под его взглядом такая толстая, — сказал с ненавистью:

— Ы, корова, — и ушел.

Она осталась стоять, лицо ее помертвело — такого в их жизни не бывало никогда. И никто не мог бы больнее ударить, только он один и знал, чего стоила ей ее болезненная, непоправимая полнота. Тут она вспомнила, что он сказал про деньги. И даже застонала: а когда она зарабатывала больше него, да разве же она могла так... Что было дальше, она не помнила, началась тяжелейший нервный припадок.

А Николай Федорович шел по улице и думал: одна баба на работе, другая домашняя, надо же, до чего человека довели — и тут же опять пришло в голову, что по своим деньгам он вполне мог бы купить машину.

Приглядимся к нему. Вот он идет, коренастый, крепкий, отмытый до блеска, в свежайшей рубашке (это обязательно), а в душе его, честно говоря, порядочная помойка: валяются тут обрывки мелких обид, ошметки злопамятства, но есть и слежавшиеся пластины — он давно забыл, чем обязан жене (так, вспоминает иногда к слову), зато хорошо помнит, что деньги в дом приносит он, его деньги, да еще приходится ее матери посыпать — купишь ли тут машину? Для его «б» тоже был свой резон — он стыдился жениной полноты. Скажите ему, что не худо

Окончание на 32-й стр.

КАК ВСЕ СОВЫ
СИЛЮШКА
ОХОТИСЬ
НОЧЬЮ.

В СЕМЬЕ СИЛОВОРОНКИ—
ОБЕД

БЕЗОБРЕЗНЫЙ НА ВИД БОГОМОЛ—
ПРОЖОРЛИВЫЙ ХИЩНИК

ПОСЕЛИЛСЯ НА ДНЕ
И ВЕНРЬ

Леонид ПЛЕШАКОВ.
Фото Бориса НЕЧАЕВА

нившая

На кордоне в Журавской Огибе мы распрощались. Нечаев заторопился по неотложным делам домой, в станицу Нижне-Кундрюченскую, а я решил на пару дней задержаться здесь, в заповедном уголке, на берегу Донца, чтобы не торопясь разобраться со всем увиденным и услышанным в этот богатый на информацию день.

Когда рано утром Борис Алексеевич предложил прокатиться по угодьям Нижне-Кундрюченского опытно-показательного охотниччьего хозяйства, где он директорствует, я, честно говоря, не ждал, что эта поездка будет особенно интересной. Хотя в саму станицу я приехал впервые, места эти в самом центре Ростовской области, недалеко от впадения Северского Донца в Дон, хорошо мне знакомы по многочисленным прежним командировкам. Давно и довольно тщательно обжитой человеком край. Промышленные города, шахтерские поселки, шумные просторные станицы и хутора, словно бусины, нанизанные на ленту автомобильных дорог, большаков, наезженных проселков, в обочины которых упираются пшеничные поля, плантации кукурузы, баучи, сады, виноградники. Во всем чувствуется, что работающие руки не оставили ни клочка так называемой нетронутой природы. Даже две большие, по здешним меркам, реки в этом не особо богатом на воду крае не просто поят людей и

землю — давно уже превратились, как говорится, еще и в водные артерии, которые тащат на своих потных спинах нескончаемый поток грузовых барж, многопалубных пассажирских теплоходов, шустрых «метеоров» и «ракет».

...Наш «газик» не отъехал от станицы и полкилометра, когда Нечаев предупредил:

— Сейчас будут фазаны.

И, правда, будто выполняя его приказ, шагах в двадцати от дороги шумно поднялась парочка пестрых петухов. Низко над землей они потянули к зарослям терновника. А когда шофер притормозил, среди пуххой травы удалось рассмотреть целый выводок фазанят под присмотром серенькой мамаши.

Дальше все происходило по схеме: Борис Алексеевич говорил, кого мы должны увидеть, и тут же названные животные или птицы представляли перед нами своими собственными персонами.

Около лесопосадки мы настигли табунок куропаток. Они почему-то не улетели, не кинулись в кусты, а побежали впереди, так и не уступая нам дорогу. Шофер сбросил скорость и какое-то время тянулся следом, потом посигналил. Куропатки, треща крыльями, порхнули в придорожный бурьян и там затаялись.

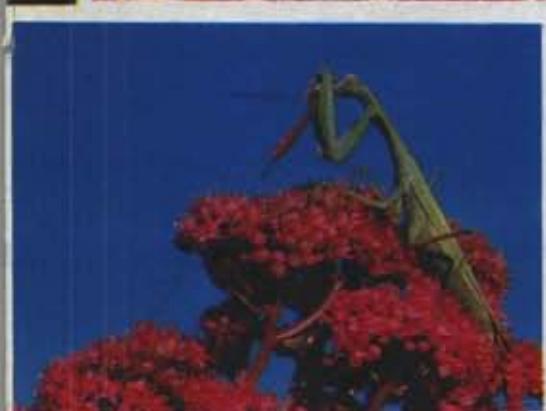
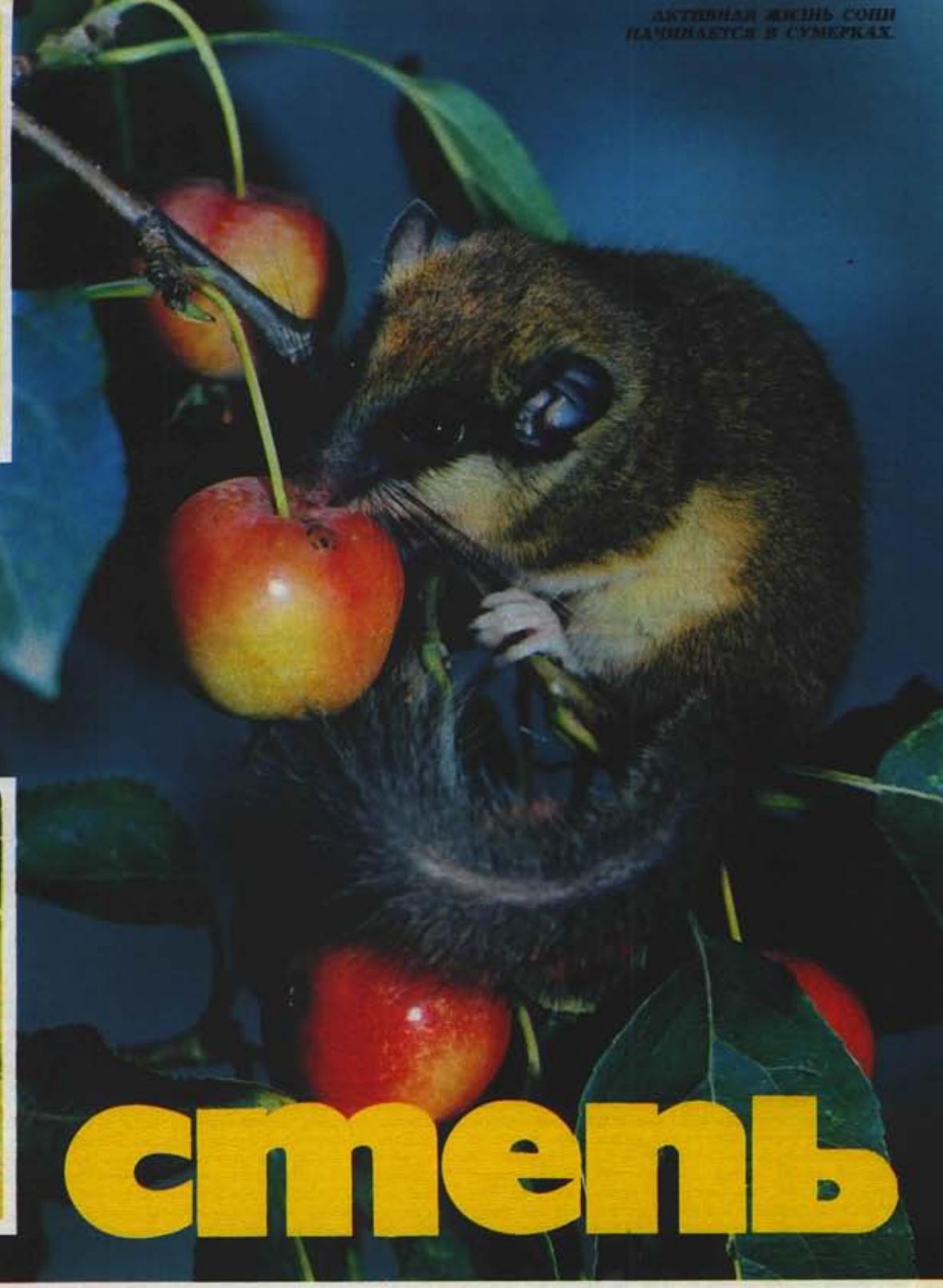
— Ну, обнаглели, — с восхищением прокомментировал Нечаев.

Однако зайцы, на мой взгляд, обнаглели еще

больше. После ночной кормежки они почему-то не разбежались, как положено, по укромным местам на дневку, и на низком жиже видах издали. Некоторые зверьки паслись рядом с проездной дорогой. Удивляло не столько их количество, сколько поведение. Они вроде бы совсем не реагировали на наше присутствие: не задавали вполне понятного в такой ситуации стрекача, а по-прежнему спокойно переходили от одного оставшегося на пшеничной стерне кустика травы к другому. И вид этих неуклюже расхаживающих зайцев — приспособленные быстро бегать, они ходят до смешного неловко — смущал больше всего.

Один косой торчал всего метрах в десяти от обочины. Сдали машину назад, и только тут заяц опомнился. Он поднялся на стволиком и, поводя ушами, в недоумении уставился на нас. Автомобиль, едущий вперед, был ему привычен, а вот пятящийся назад нескованно удивил. Заяц оторопело постоял еще несколько мгновений и очень неохотно запрыгал в сторону.

Где-то к полудню мы вырулили к степному озеру. Кукурузное поле прижало дорогу к одному его берегу. А на противоположном к самой воде подходила лесопосадка. Хвост озера густо зарос тростником и осокой, зато чистая от растительности его часть была усыпана водоплавающей и болотной птицей. Кряквы, нырки, серые и белые цапли,

смена

водяные курочки плавали, ныряли, выхаживали на мелководье, кричали, гоготали, скорились, трещали крыльями, будто это было не степное озеро в разгар осенней охоты, а водоем в Московском зоопарке, где всей этой пернатой братии по закону положено торчать на виду у людей.

У скрестиya дорог на высоком столбе был прибит щит, крепко иссеченный дробью. Пересиливая пробыны, он сообщал, что мы находимся на территории заказника Нижне-Куандрюченского охотовхозяйства и что охота здесь запрещена. Быть может, обитатели озера и догадывались о таком запрете, только вот из собственного опыта они уже, видно, знали, что, отводя душу, иной неудачливый охотник может с досады стегануть зарядом не только по ненавистному щиту, но и по их спинам. Во всяком случае, пока наш «газик» не торопясь катил по берегу, а потом урчал на месте, птицы вели себя спокойно. Стоило мотору замолкнуть, они заторопились к спасительным камышам. А когда мы попытались выйти, все кинулись врассыпную. Наверное, человек тут не раз злоупотреблял доверием птиц, и испытывать понапрасну судьбу им больше не хотелось.

Полями мы добрались до невысокого леса и прямо из жары нырнули в его прохладную сень. Дуб, ясень, вяз, клен, тери, боярышник сплелись в такую непролазную чащу, что дальше пришлось проридаться пешком. Как я понял, здесь меня ждал

самый главный сюрприз. Однако когда, изодрав о сучки руки и плечи, мы добрались наконец до тощего лесного ручья, там никого не было, только топкая почва вокруг была сплошь избита острыми копытами, да в воздухе висел крепкий настой кабаньей щетины.

— Вот чуткие твари, — с восторгом сказал Нечаев и тут же: — А это следы оленей, они тоже приходят сюда на водопой.

Кабанов в тот день мы так и не встретили, зато с оленями столкнулись. Они перебегали нам дорогу, и долго еще из чащи доносился треск ломаемых веток...

Мы повернули в Журавскую Огиб.

Два кирпичных домика кордона стояли под высоченными осокорями всего метрах в сорока от реки. В одном жил егерь с женой. Второй, на две крошкичные комнатки, предназначался для нечестных гостей. Еще тут были деревянный амбар, где зимой хранится зерно и сено люцерны, да обветшалый, кое-где уже рухнувший от старости омшаник, — вот и все строения на просторной, гектара в три, усадьбе, по плечи утонувшей в зарослях белого донника, чертополоха и еще какой-то жесткой травы. От подступавшего с тыла леса усадьбу отделял забор из проволочных сеток с круглыми дырами-лазами у самой земли. Над донником висел монотонный пчелино-шмелевый гул, навевавший разморенной солнцем округе ощущение сонливого

покоя. Стоило, однако, сделать шаг в эту сладко-медвяную дрему, как недвижная до той поры сплошная стена зарослей неожиданно вздрогнула, заходила, тронутая изнутри неведомым вихрем, и вот уже по макушкам травы при полном безветрии в сторону леса покатилась волна. Инстинктивно бросаюсь следом и у ограды вижу, как из дыр-лазов стремглав выскаивают зайцы и дикие кролики и тут же скрываются в лесной чаще.

Под вечер к зарослям камыша и корягового ракитника на противоположном берегу Доица потянули возвращавшиеся с кормежки цапли. Они плавно планировали над рекой, оглашая округу резким гортаным криком «как-как-как», а потом затевали шумную свару из-за мест ночлега со своими родственниками, прилетевшими раньше. Ближе к сумеркам из придонных ям поднялись сомы. Разминая перед ночной охотой застоявшиеся за долгий день кости, они шумно шлепали по воде, и течение молча сносило вниз по реке широкие расходящиеся круги, и тут же, как бы вторая сомам, в зарослях тростника и кути всплескивались заигравшиеся сазаны. До ближайшего хутора Огиб было по прямой километра два-три. В его хатах уже загорелись огни. Вечерние звуки отходящего ко сну села доносились над водой на удивление отчетливо и громко. Но это были звуки из другого, человеческого, мира. Здесь же, на кордоне, царствовала дикая природа. Одних своих детей она отправляла

Перевоз

И вдруг срываеться река.
Глубокие течения—
Им подо льдом
да в берегах—
Одно мучение.
Они срывают невода,
Корежат берег...
И сокрушает все вода,
Стучится в двери.
И лезут льдины
на рожон,
Ломая ребра.
Ах, как сегодня хорошо,
Мы воду—
в ведра.
...И вот уже лежит разлив,
И половодье
муть
отстаивает.
Но ледоход как будто жив—
Он в ведрах
льдинками
дотаивает.

Рядом с лесом луга да низины.
Лето,
сложенное в стога.
— Дед, пожалуйста,
перевези меня.
— А далече твой путь?
— Наугад.
И плывем мы с дедком по облаку
И веслом режем небо синее,
И куда ни глянь—
даже в омутах—
Загляденье мое — Россия.

Будет в берег море биться
И, о камни разбиваясь,
Все заглядывать вам в лица,
Дотянуться к ним стараясь.
И когда водой студеной
Губ твоих коснется море,
Знай, что это он — соленый
Вкус
разлук,
измены,
горя.

Птица в осень крикнет громко
И замолкнет насовсем.
Обведет багряной кромкой
Осень
загустевший Сейм...
Лист упал на воду тихо.
Поздний, отблескавший лист.
И весят по речке вниз
Катер всю неразбериуху
На базар осенний
Лихо!
Перегружен.
Осень —
руды
Перезрелого всего,
Переспелого,
Дебелого,
Вкусненького...
Эзон, бочки проплывают —
Раздались —
бока круглы.
Обручи аж проминают
Солонинные пуды.
Проплывает катер мимо —
Едет осень на базар,
Переспелая,
ленива —
Не огляднется назад.

спать, других будила, чтобы они бодрствовали до самого рассвета. Все было хорошо, как в сказке. И как в сказке, нереально.

Однако цель моей поездки к Нечаеву диктовалась отнюдь не желанием взбудоражить свою природу горожанина сказочными видениями дикой природы, чтобы затем выразить искренние восторги гостеприимству хозяина. Моя задача была более прозаичной: хотелось пропустить, если можно так выразиться, здешние яркие впечатления через ширшавую объективность цифр и фактов и понять, повторим ли опыт Нечаева или ему, как и труду других энтузиастов — защитников природы, уготована судьба уникального явления, способного вызвать удивление, уважение или яростную ненависть, в зависимости от того, кто с этим явлением сталкивается.

Итак, обратимся к цифрам и фактам.

Угодья Нижне-Кундрюченского опытно-показательного охотниччьего хозяйства раскинулись на 75 тысячах гектаров. Более половины этой площади занимают пашни. Остальная — под пастбищами, сенокосами, лесами, лесополосами, насаждениями кустарников, болотами, водоемами, песчаными пустошами и так далее. Как видно из перечисления, хозяев у этой земли несколько и каждый занят своим делом: одни выращивают пшеницу, кукурузу, виноград, содержат животноводческие фермы; забота других — лес, водоемы. Охотохозяйство, таким образом, выступает как бы вторым совладельцем уже распределенных угодий и снимает с них (да простят меня зайцы, фазаны и прочая наша меньшая братия за жестокий слог!) второй урожай.

Естественно, подобный дуализм, кроме положительных сторон (более полное использование природных ресурсов), имеет и свои отрицательные аспекты. Интересы совладельцев не всегда совпадают, а порой даже вступают в противоречие. Но об этом после. Сейчас же хочется рассказать о технологии становления охотниччьего хозяйства в высокорентабельное дело, которое, кроме дохода, дает отдохновение душе и тому, кто любит побродить с ружьем, и тому, для кого всего дороже вид просто бегущего по полю зайца или табунка пронесшихся над рекой уток. Пусть это не покажется странным, но разговор пойдет о том, как охота способствовала восстановлению и обогащению дикой природы.

Директорствовать в Нижне-Кундрюченском охотничьем хозяйстве Борис Алексеевич Нечаев приехал в январе 1967 года, имея за плечами пятнадцатилетний стаж работы в двух заповедниках, где трудился после окончания биофака Ростовского университета. Приехал с молодой женой, недавней выпускницей того же факультета, и полугодовалыми сынами-близнецами. Хозяйство ему досталось аховое. Охотничье — только по названию. Безалаберный отстрел живности, который тут велся ранее, так подорвал ресурсы дичи, что встретить живность считалось большой удачей. Так что радужные планы на будущее, которые рисовал Нечаев сослуживцам, сталкивались с искренним скептицизмом.

Положиться он мог только на свои теоретические знания и накопленный опыт да тех немногих своих помощников, которые если и не до конца верили в его рассказы, то уж, во всяком случае, были верными защитниками природы и в этом благородном деле согласны были идти с ним до конца.

Схематично последовательность работ, выполненных этим небольшим коллективом (в охотохозяйстве всего двадцать человек), выглядела так:

Двадцать пять тысяч гектаров лучших охотничьих угодий (это третья часть всей территории хозяйства) были выделены под два воспроизводственные заказника, где запрещалась ружейная охота и лишь в определенные сроки ведется отлов дичи для расселения. На остальной территории охота разрешалась согласно общим правилам.

На территории заказников были созданы особые зоны покоя, где с первого апреля по первое сентября запрещалась не только охота, но и сенокос, выпас скота, сбор ягод, грибов, лов рыбы даже удочками, нахождение туристов и посторонних лиц. Зоны покоя — это, по сути дела, заповедники, под которые было отдано 1350 гектаров лесных охотничьих угодий, пойменные заросли и болотистые заливы Северского Донца. Эти по большей части брововые, ни к чему не годные площади должны были стать родильными домами всей той живности, которой в будущем предстояло заселить территорию хозяйства. А для того, чтобы живность «поняла», что здесь ее дом, в зонах покоя создавались комплексные подкормочные площадки, где устанавливались кормушки, поилки, солонцы, галечники, а вблизи — искусственные порхалища. В период бескорыстии звери и птицы всегда могли найти тут сено люцерны и зерновые отходы. Отходы, так называемое «мертвое зерно», к чести колхозов, отпускалось охотохозяйству бесплатно.

Стали егеря закладывать плантации толинамбура — земляной груши, — листья, стебли и корневища которого круглый год охотно едят лоси, олени, кабаны, косули, зайцы, фазаны, куропатки.

Создав необходимые условия для обитания и размножения животных и птиц, можно было начать работы по расширению их видового состава.

В уроцище Журавская Огни было выпущено 438 фазанят, привезенных из Майкопа. Заросли пойменного леса, богатого ежевикой, терном, боярышником, пришли переселенцам по душе. Их поголовье быстро увеличивалось, а потом фазаны уже самостоятельно стали заселять окрестности. Так в самом центре Ростовской области возник естественный фазанарий, хотя раньше на донской земле эти птицы не водились.

В 1973 году из Херсонской области сюда привезли для акклиматизации пару диких кроликов. Кролики сбежали из вольера и на воле стали так бурно размножаться, что через четыре года потомство той парочки можно было отлавливать для расселения в других районах.

Потом Нечаев завез сюда сурков, некогда обитавших в здешних степных балках, но уже лет пятьдесят назад полностью изведенных человеком. На своей древней родине зверьки прижились. Как

прижились белки, которые здесь ранее не обитали. Дикая природа пластична и на заботу человека отзывчива.

Вместе с ростом поголовья дичи, которую завозил сюда человек, стали появляться виды, пришедшие самостоятельно. Сначала из соседних областей перекочевали лоси, потом — кабаны. Сейчас последних расплодилось так много, что они даже вредят, разоряя по весне гнездовья фазанов, куропаток, крякв и других птиц, гнездящихся на земле.

Стала расти численность вяхиря, горлицы, кряквы, цапли, грачей. На территории хозяйства загнездились такие редкие птицы, как филин, орел-карлик, балобан. На пролете тут останавливаются даже скопа.

Другими словами, поголовье дичи росло не по отдельным видам, а в комплексе увеличивалась численность всей совокупности животных, обильнее и разнообразнее становилась вся природа.

И как часто это случается, успехи рождали новые проблемы. Существующая в природе закономерность — чем больше дичи, тем больше хищников — превращала заказники и зоны покоя в рассадники массовых хищников: лисиц, енотовидных собак, ворон, сорок, бродячих собак и кошек. Созданное трудом человека изобилие зверя превратилось для неожиданных нахлебников в скатель-самобранку, которая без усилий с их стороны сытно кормила зайцами, утками, фазанами, куропатками. И человек был вынужден объявить массовым хищникам войну, так как вполне мог обойтись без их «санитарной» роли. Только для редких пернатых хищников было сделано исключение: воспроизводству дичи их разбои не опасны, зато действительно способствуют оздоровлению популяции.

Обо всем этом рассказывал Нечаев, пока наш «газик» петлял полями и перелесками в поисках живых иллюстраций к его словам. Но я не сделал бы столь подробного отступления в охотохозяйственную область, если бы не реплика Бориса Алексеевича, брошенная вскользь, но тем не менее запомнившаяся. Досыта насмотревшись на бесчисленных зайцев, куропаток и фазанов, я сказал ему, что прежде такое обилие дичи встречал только в Чехословакии и Венгрии, которые славятся постановкой охотниччьего дела. Нечаев комплимент не принял, а повернул разговор вот как:

— Если с умом подойти, то при наших просторах и возможностях мы не то что любую державу, а всю Европу можем обскакать в этом деле. Стоит треть территории страны отдать, как в нашем хозяйстве, под заказники, птицы и звери получат более семи миллионов квадратных километров угодий с идеальным режимом для размножения.

Я не был готов вести беседу в столь «глобальном» масштабе, но, даже сделав скидку на увлекающийся характер Нечаева, все-таки вынужден был признать: если удалось организовать образцовое хозяйство в центре развитой промышленно-аграрной области, значит, это возможно и в других подобных зонах.

Скрипели журавли на нашей улице.
И голос их и по сегодня жив.
И шла деревней
чья-то
девка-умница,
На коромысло руки положив.
Шла осторожно.
Воду не расплескивала.
Коса была
до самой до земли.
Ребята поутру
по травам
росным
От Сейма весла
мокрые
несли.
Стояло лето—
в небо
не насмотрись.

Через июнь
прошла
она,
стройна.
— Давай подсобим, что ли...
— Как же, вот еще...—
А через сутки началась
война.

Из первых рук—
От тихого дождя,
У луговой дороги,
Старой речки
Узнал,
Что и у них,
Как у меня,
Разлуками подорвано
Сердечко.
Что от тоски
Спасенья
Всем нам нет.
И хорошо б нам век
Не разлучаться...
О, как мне мил
Мой деревенский свет!
Как хорошо мне
С родиной встречаться!

Покроется земля туманом,
как платком.
Пройдут стада устало
по деревне.
Засветится огнями отчий дом.

Смолили лодки.
Гул весенний
Уже на выгоне большом.
Ему навстречу—
прямо в сени
Малыш рванулся нагишом.
Костры, как красные метели,
Со злостью били по котлам.
Смола пыхтела еле-еле,
И мы от свежести хмелели,
И все, казалось,
мало нам.
А где-то в небе
Птичья стая
Уже кричала
о весне.
Сугроб последний жалко таял,
Прижалвшись к розовой сосне.

A. Савеличеву

Мы вдвоем у грубки¹
жжем черет.
Дедушкины руки
огонь не берет.
Говорим про иней белый,
первый снег,
Окон индевельых
длинный свет.
Про луну—вполнеба—
снежный ком.
И с горячим хлебом—родный дом.
Речку с синей прорубью,
Про луга...
Как ушли за хворостом наугад...
И опять про зиму,
про мороз,
Про озимые—
в рост...
За окном метелица
катит лунный ком.
Инеем и хлебом пахнет дом.

¹ Грубка — вторая, меньшая печь в избе.

Рисунок Елены УЛЬЯНОВОЙ

Позже, на кордоне, я поймал себя на том, что мысли мои пошли в несколько ином направлении: почему в других местах при равных, казалось бы, условиях все-таки не добились таких результатов, как здесь? Неразрешимые проблемы? Так они всюду в принципе одинаковы.

Взять хотя бы взаимоотношения лесхозов и охотничих хозяйств. Лес — друг животных и птиц. Бесспорная аксиома. Значит, и организация, ведущая посадку лесов и уход за ним, — тоже их друг? Оказывается, не всегда. У лесхозов — свои планы, свой опыт, которые редко совпадают с интересами охотохозяйства. Терн, облепиха, шиповник, боярышник, лох не только кормят диких животных и птиц, но и укрывают от хищников. Вместо них в лесополосах предпочитают сажать привычную скумпию, желтую и белую акации, свидину, которые не дают корма, осенью и зимой хорошо просматриваются с воздуха пернатыми хищниками. При посадках леса упор делается на «деловую древесину», и забывают о дикой яблоне, груше, шелковице, иве ломкой, многих ягодных кустарниках, которые создают благоприятные условия для развития животного мира.

Или такая мелочь. Старые дуплистые деревья — тополя, яблони, груши и особенно вербы зимой и летом являются удобным домом для многих зверей и птиц: белок, куниц, сонь, летучих мышей, дятлов, удодов, синиц, сизоворон и даже уток. Без вербы многие из названных животных вообще не могут жить и размножаться. Но именно эти деревья выкорчевываются лесхозами в первую очередь как абсолютно бесполезные для лесного воспроизводства. Приходится и тут вести борьбу. Доказывать, убеждать, где, что и как нужно сажать, чтобы наши леса были заселены, а не оставались безжизненными.

И еще одна, безусловно, самая острыя проблема — браконьеры. Войну с браконьерами Нечаев ведет давно и бескомпромиссно. Естественно, его не любят те, кого он штрафовал, у кого конфисковывал ружья, отбирал незаконно добытую дичь. Ему мелко пакостят, пишут на него анонимки, доносы, обвиняют в грехах, которых он не мог совершить, с одной надеждой, что какая-нибудь очередная комиссия вдруг все-таки чего-то и найдет и уберет наконец такого въедливого защитника природы. Но они же его и уважают. За неподкупность, за отвагу, с которой он и преданные ему егеря идут на вооруженных и обозленных сорвавшейся охотой людей, идут, постоянно рискуя нарваться на мистический выстрел. И все из-за каких-то зайчиков, кабанов, косуль, фазанов.

Для Бориса Алексеевича, человека, достаточно вольного на язык, самое страшное ругательство: браконьер. Чтобы показать глубину падения егера, который не устоял перед угощением, а выпив, дал поблажку охотникам, Нечаев употребляет самую уничтожающую, с его точки зрения, характеристику: «Он продался браконьерам!» Понятно, что таких егерей он гонит из охотохозяйства без всякого снисхождения. Они для него хуже, чем просто враги — они предали благородное дело.

Между прочим, понятие «браконьер» Нечаев трактует более широко, чем это обычно принято. Для него это всякий человек, который умышленно или без умысла нанес вред природе. Обширная усадьба дирекции охотохозяйства, раскинувшаяся за окольцем станицы Нижне-Кундрюченской, напоминает деревенский филиал зоопарка. В просторных вольерах, клетках, загонах живут степные орлы, филины, совы, стрепеты, белки, сурок-байбак, самец косули Рыжик, коршуны, болотные луны — всего и не перечислишь.

Жертвы браконьеров, — объяснил Борис Алексеевич.

Одних он подобрал подстреленными, принес домой, вылечил, выходил, а теперь боится отпускать на волю, где животное неминуемо погибнет. Других к нему принесли ребятишки или взрослые: нашли детенышем в лесу, в поле, поиграли, пока не надоел, а потом сюда: Нечаев примет, позаботится. И он обязательно примет, но обязательно скажет, что совершенное ими — браконьерство.

Однажды я стал свидетелем такой сцены. В кроне корявой, растущей у проселка шелковицы сидела почтенная бабуся в очках и, ломая зеленые ветки, сбрасывала их толкующимся у дерева козам.

— Вот тебе и божий одуванчик, — в сердцах крякнул Нечаев, а когда «газик» остановился и мы вышли из машины, он укорил:

— Что же это вы делаете, мамаша?

— Да как животных кормлю, им ведь тоже есть хочется, а засуха!

— Да знаете ли вы, что из-за этих самых коз Греция без лесов осталась, а на острове Крит — голые камни? Всю растительность они копытами вытолкли, кору с деревьев обгладали!

Старуха, как я понял, этого не знала, все куковала о засухе, о необходимости кормить свою прожорливую ораву, и Нечаев, убедившись в бесполезности дискуссии, строго сказал:

— Еще раз замечу вас за этим недостойным занятием, буду жестоко штрафовать.

Когда мы отъехали, он поклонился:

— И кто придумал эту дурацкую моду на пуховые платки? Просто эпидемия какая-то пошла по станицам: старухи развели коз, чешут пух, придут, вяжут — и на базар. Им доход, а сколько деревьев погибло из-за обломанных веток!

...Вспомнил я все эпизоды этого дня, и в душе стало закрадываться сомнение: надолго ли хватит Бориса Алексеевича? Не укатали бы сивку крутые горки.

Когда я уезжал, мы договорились, что мой очерк Нечаев проиллюстрирует своими фотоснимками. Готовых не было, и он обещал подослать. Но с этим делом почему-то затянулся. В письмах просил повременить, и так, за текучкой, незаметно проскочило три года. Я, честно говоря, был даже рад. Хотелось еще раз съездить к нему, посмотреть, устоял ли человек в своей благородной борьбе.

И вот я снова тут. Когда за окольцем станицы я свернул знакомой тропкой к стоящему на отшибе

одноэтажному на высоком цоколе дому, низко над головой раздался посист утиных крыльев. За ветками деревьев птицы не было видно, но едва я толкнул калитку и вошел во двор, как прямо с неба, неуклюже тормозя крыльями, шагах в пяти передо мной плюхнулся огненно-рыжий огарь, довольно редкая по нынешним временам утка, тем более в разгар осенней охоты. Перевалившись с боку на бок, он неторопливо пошел впереди, все время кося в мою сторону, не то опасаясь меня, не то проверяя, иду ли следом. Я бросил ему кусочек хлеба. Огарь на ходу подхватил угощение, но не остановился. Так мы ишли до самого дома: я отщипывал и бросал кусочки хлеба, он подхватывал и глотал их. У крыльца его поджидало несколько кряк и экзотически нарядженных американских мускусных уток. Они дружно загаддали. В лужице около водопроводной колонки они попили водицы и всей компанией побрали куда-то по своим утиным делам.

Я прошел к клеткам: знакомые все лица. И орлы, и совы, и филины. И стрепеты, ферму которых Нечаев надеется создать. И даже сурок Бобка встал в свою обычную позу, выпрашивая угощение. В просторном загоне Рыжика появилась подружка — грациозная косуля. Сама прибежала из леса. Увидев незнакомого человека, она бросилась в густые заросли в противоположном конце, а Рыжик напрягся струной и, сучка ножками, пошел прямо на меня. Его дурацкую манеру острыми рожками встречать каждого, кто посигает на отведенную ему территорию, я знал по прежним временам и благородному ретировался.

Все в порядке, все осталось, как прежде.

И Нечаев не изменился. Он приехал с объезда часа через полтора. Шумный, веселый, в просторной куртке и широченных бесформенных брюках из бурого в зеленых и желтых цветочках вельвета. Когда-то такую расцветку называли «лияшка в обмороке», и успехом у покупателя она не пользовалась. Борис Алексеевич узрел в головотяпском детище текстильщиков положительные качества.

— Вельвет не шуршит и не распутывает дичь. Его дикая расцветка — лучшая маскировка. Да к тому же хлопок — не синтетика. Получается идеальная одежда для охоты.

— Света! — кричит он жене. — Сегодня в честь гостя устроим праздничный обед.

Он всаживает в свою старенькую одностолку патрон и спрашивает, кивая на пасущихся в конце двора кур:

— Вот та, рыбенькая, пожалуй, самая аппетитная?

И тут же грохает в нее из ружья и попадает, обратив истощно кудахтающую компанию в паническое бегство.

— Лучше было ее поймать, — сомневаюсь я.

— Кто поймает? Они же тут совсем одичали. Даже ночуют не в сарае, а на деревьях. Вот дикие животные — те поспокойнее.

Не каждому удаётся до шестидесяти лет сохранить непосредственность и оптимизм, присущий юности. Наверное, и многотрудная работа ему не в

БОРИС АЛЕКСЕЕВИЧ НЕЧАЕВ

таягость потому, что не растратил этих замечательных качеств.

Не о каждом человеке скажешь: он счастлив в своей профессии. И чаще всего причина беды — в неверном выборе. Борис Алексеевич с выбором не промахнулся, как не промахивался, стреляя в лет в свои редкие охоты. Правда, с точки зрения современного профориентирования строился его выбор на чистой случайности. Родился он в городе Новочеркасске в семье педагогов. Мать преподавала рисование, отец — математику.

Был типичным чеховским человеком в футляре, с той лишь разницей, что сына имел.

Когда Боре исполнилось восемь лет, ему на день рождения подарили фотоаппарат, как оказалось, с испорченной фокусировкой. И трудно понять, почему с этой неуклюжей и бракованной камерой он решил освоить один из самых сложных видов съемки: фотоохоту. Изданная до революции иллюстрированная фотографиями и рисунками книга «Рассказы из жизни животных» только подлила масла в огонь: там был помещен снимок коровы, почти как живой. И он поставил цель: научиться снимать не хуже. А потом были кружок юннатов при Дворце пионеров и фанатично влюбленная в природу его руководительница Ксения Евгеньевна Сапрыкина. Этую любовь она постаралась привить всем своим подопечным и трем собственным детям-юннатам.

Война помешала Нечаеву поступить на биофак сразу после школы. Но, демобилизовавшись, он тут же осуществил давнюю мечту. Учился на дневном отделении, работал лаборантом на своем же факультете. И после защиты диплома вот уже тридцать лет занимается благороднейшим делом: способствует приумножению дикой природы.

Об увлечении Нечаева фотографированием животного мира хочется сказать особо. Когда-то случайная фотокамера помогла ему определить жизненный путь, сейчас съемки, по сути, являются его второй профессией. О качестве и характере его работ можно судить по публикуемым сегодня сним-

кам. Трудно поверить, что все они сделаны на природе, обычной, а не длиннофокусной оптикой, громоздкой деревянной камерой с растягивающимися мехами, которую он как-то реконструировал и приспособил под формат современной пленки. Надо быть следопытом, чтобы найти гнездо, допустим, кулика-худоночника или совы-сплюшки, но нужно быть в десять раз большим следопытом и знатоком психологии животных, чтоб с расстояния в метр, а то и полметра отщелкать подряд десяток-другой цветных слайдов из семейной жизни пугливого создания, которое числится в Красной книге!

Я видел, как это делается.

Сырым, заросшим высокой крапивой и ежевикой леском мы вышли к заболоченному озеру, скорее даже бочажку, поросшему осокой и камышом. С нашей стороны к озеру тянулся глухой дощатый забор, конец которого упирался в несуразную кособокую будку на сваях, обитую кусками брезента, жестяными консервными банками, крышками, с кусочками стекла, вставленными в щели доски. Еще в лесу Нечаев попросил не разговаривать. И дальше мы объяснялись жестами. Перед будкой мы разулись и босиком, чтоб не топать каблуками о дощатый настил, поднялись внутрь.

Борис Алексеевич отодвинул кусок брезента, и через стекло, прикрывавшее дыру в стене, я увидел озерко его обитателей. Метрах в десяти от нас на кочке сидел болотный лунь. Видимо, он хорошо поебдал, выглядел сонным и время от времени перебирал и поправлял перья. Двум десяткам крякв он был неопасен — добыча не по его силам, — но на всякий случай они выставили по дуге метрах в пяти-шести от кочки дозорных, и ближе этой невидимой линии никто к хищнику не подплывал. Нырки и водяные курочки, те жались к спасительным зарослям в дальнем углу озера. А прямо под нами, метрах в пяти, по колено в воде вышагивала взад-вперед серая цапля.

— Почему они нас не испугались? — спросил я.
— Просто не видели. Из-за множества блестящих

жестяночек и стеклышек птицы не могут разобрать человеческий глаз и тем более объектив фотоаппарата. Вели же мы себя тихо.

Вот так же беззвучно он высиживает долгие часы перед понравившимся гнездовьем, построив заранее, как вы понимаете, неброский и неопасный, на взгляд птицы и зверя, скрадок.

Его фотографии помогают поближе увидеть, и затем, и полюбить природу и, надеюсь, рождают интерес к благородной профессии охотоведа. Я обратил внимание, что большинство егерей хозяйства — люди зрелого возраста. Молодые приживаются с трудом: соблазн других профессий, более высокооплачиваемых и, прямо скажем, менее опасных, слишком велик. Но Нечаев видит в этом и другую сторону:

— Будущему охотоведу нужно с детства привить любовь к природе. Иначе ничего хорошего не выйдет. Это все равно что меня начать сейчас готовить к космонавты.

О двух будущих хороших охотоведах ему можно не беспокоиться. Два его сына, Игорь и Вадим, уже твердо выбрали путь: после школы — на биофак, а дальше по столам родителей. Я видел этих парней в поле и лесу. Уверен, дело охотоведов Нечаевых есть кому приумножить.

...Возвращаясь на «Ракету» в Ростов, я разговорился со стариком казаком из Нижне-Кундрюченской. Узнав, где я был, мой попутчик сказал:

— Он столько зайцев у нас развел: по весне в балку взойдешь, а они по противоположному склону удирают просто шубою. Земли не видать!

На гиперболы деревенский народ мастак. Но вот официальный документ. За последние годы охотохозяйство Нечаева отловило для расселения в других областях и экспорта за границу 17 тысяч зайцев-русаков, 11 тысяч фазанов, 330 кроликов. Это чтобы и в других местах не переводились наши братья меньшие.

ЧУВЕЛКАЙ КИТАЙСКОЙ СТЕНЫ

В

один из осенних вечеров 1956 года в моем кабинете в Минске раздался звонок аппарата правительственный связи. Звонили из ЦК КПСС.

— Петр Андреевич, завтра утром вам необходимо быть в Центральном Комитете.

— По какому вопросу? — спросил я. Мой собеседник сделал паузу, а затем ответил:

— В Москве узнает...

К тому времени я уже много лет работал в родной Белоруссии, являлся членом бюро, секретарем ЦК Компартии республики. Занимался вопросами промышленности, строительства и транспорта. Дел было, как говорится, невпроворот. Лишь немногим более десяти лет прошло после окончания Великой Отечественной войны. С братской помощью народа всех союзных республик, и прежде всего великого русского народа, Беларусь вставала из руин и пепелищ. Каждый новый завод, каждый новый дом — и в Минске и в других городах республики — создавались неимоверным трудом, ценой огромного напряжения сил.

Поздно вечером выехал в Москву. К 9 часам утра уже был в Центральном Комитете. Через несколько минут узнал, что накануне состоялось решение о направлении меня в Пекин на должность советника-посланника с присвоением ранга Чрезвычайного и Полномочного Посла Советского Союза.

— Дело в том, — сказали мне, — что наш посол в КНР академик Павел Федорович Юдин тяжело заболел. И вам завтра же нужно вылететь в Пекин.

Все это явилось для меня полной неожиданностью. Я попытался возражать, но мне было категорически заявлено: решение принято, и не следует затрачивать времени на разговоры...

По прибытии в Пекин мне повезло: по-доброму встретили меня и посол Советского Союза Павел Федорович Юдин и весь коллектив посольства. Особенно тепло хотелось бы сказать о Павле Федоровиче.

Это был старый коммунист, вступивший в партию еще в 1918 году. В свое время окончил Институт красной профессуры, а затем возглавил этот институт. Директорствовал он и в других институтах Академии наук и Объединениях государственных издательств. В 1953 году его утвердили Чрезвычайным и Полномочным Послом Советского Союза в Китайской Народной Республике.

Павел Федорович Юдин — высококвалифицированный человек, крупный советский философ и общественный деятель, академик АН СССР. Его основные труды по проблемам диалектического и исторического материализма, научного атеизма, теории научного коммунизма, идеологии марксистско-ленинской философии широко известны. На XIX и XX съездах партии он избирался членом ЦК КПСС, был депутатом Верховного Совета СССР. Собственно, он и был моим первым наставником на дипломатической службе. Все работники посольства прилагали немало сил для того, чтобы облегчить мне первые, самые трудные шаги на новом, неизвестном поприще, освоить премудрости дипломатического протокола. Через несколько недель я уже чувствовал себя на приемах и беседах куда более спокойно и уверенно, чем в первые дни...

Обстановка в Китае была сложной, противоречивой. С одной стороны, к нам, советским людям, китайский народ проявлял неподдельные, искренние братские чувства. Слово «суллин» — «советский» повсюду произносили с уважением и симпатией, оно было тогда в Китае, пожалуй, самым почетным званием. И руководители КПК, государственные деятели, официальные лица в публичных выступлениях говорили о «союзе и дружбе с Советским государством на вечные времена». Всюду нас встречали неизменно радушные улыбки.

Но многое уже настораживало, тревожило — и прежде всего принявший весьма уродливые формы культ личности «великого кормчего» — Мао Цзэдуна.

...На центральной пекинской площади Тяньаньмэнь в день годовщины провозглашения Китай-

ской Народной Республики проходила традиционная демонстрация. Я был приглашен на правительственный трибуну.

На лицевой ее стороне был укреплен громадный портрет Мао. А прямо над ним занял место одутловатый, малоподвижный, рыхлый человек с жепоподобным лицом. Его вряд ли можно было разглядеть, с огромной, заполненной десятками тысяч людей площади, а иконописный гигантский лик буквально скрыл глаза. К тому же на портрете улыбался молодой, полный сил и энергии Мао...

Несколько часов длилось шествие. Колонны, состоявшие из отрядов по пятьсот человек, по невидимой команде поворачивались к трибуне и кричали:

— Мао чжуки ваньсуй! Мао чжуки ваньсуй!

«Десять тысяч лет жизни председателю Мао!» — рябило в глазах, звенело в голове... От всего происходившего оставалось впечатление «организованного энтузиазма», того, что мы привыкли называть не слишком литературным словом «показуха»...

Впечатление это усиливалось буквально с каждым днем.

Вскоре мне довелось совершить поездку в Ухань. Там наши специалисты помогали китайским товарищам соорудить мост через быструю и полноводную реку Янцзы. На два с лишним километра размахнулись пролеты уникального сооружения, поражавшего своими масштабами.

Встретили меня на стройке тепло, дружески. Снабдили каской монтажника, показали огромную строительную площадку, где работали советские машины и оборудование. Запомнились приветливые обветренные лица китайских и советских рабочих, техников, инженеров. Чувствовалось, что дружат они по-рабочему — искренне, сердечно. Мы побеседовали, обменялись мнениями.

И вдруг невдалеке я заметил на берегу какое-то оживление. Понтересовался у провожатого — китайского чиновника:

— Что у вас там происходит?

— Где?

— Вон там, на берегу...

Сопровождающий пробормотал нечто невразумительное.

Я попросил переводчика повторить вопрос. И опять ничего путного так и не услышал. Многословно и уклончиво отвечал мне чиновник — явно не хотел говорить по существу...

Тогда один из китайских рабочих принес мне бинокль и предложил самому взглянуть на происходящее.

Я отрегулировал бинокль, взгляделся. Увидел, как суетились люди, украшали арки, несли огромные гирлянды цветов. Туда-сюда сновали грузовики и легковые машины.

Готовилось какое-то торжественное мероприятие. Возможно, решил я, хотят отметить успехи строителей. Ведь и китайские товарищи, и наши специалисты трудятся отменно, выполняют и перевыполняют планы. Скоро встанет над Янцзы красавец мост, величественный, современный...

Потом, уже в Пекине, я раскрыл свежий номер органа ЦК КПК газеты «Женьминь жибао». Увидел просторный — на две полосы — репортаж. В нем повествовалось о том, как Мао Цзэдун плыл по Янцзы. Все было описано дотошно, скрупулезно, до мелочей — и что произнес Мао, войдя в реку, и что он сказал, взмахнув левой рукой, что изрек, взмахнув правой... Сообщались фамилии чемпионов по плаванию, сопровождавших Мао во время заплыва; воспроизводились все разговоры, которые «мудрый пловец» вел во время «великого, незабываемого, эпохального, революционного покорения Янцзы».

Откровенно рекламированная шумиха, мягко говоря, вызывала крайнее недоумение. Если бы расписывались похождения, скажем, Жана Марэ или Бриджит Бардо — куда ни шло. Они «звезды», им не обойтись без допинга «всебобщего интереса». Но ведь Мао не кинозвезды!

Мы, конечно, воспитаны в уважении к чужим нравам и обычаям, порой даже стремимся найти объяснения, оправдания тому, что кажется нам нелепым. И я так же рассуждал — возможно, это принято в Китае...

Но прошло время, и через год в Китае годовщину «исторического заплыва» отмечали столь же торжественно, как первомайский праздник. О подвигах «покорителя Янцзы» просто-таки трубили газеты и радио... И мне уже тогда показалось кощунственным, что «водную эпопею» приравнивают к великому празднику пролетарской солидарности.

Вместе с несколькими товарищами я получил приглашение на просмотр фильма о «легендарном заплыве». Мы заняли места в зале. Съемки оказались весьма примитивными. Бросалось в глаза, что те самые чемпионы Китая, с которыми Мао вел «философские беседы», одной рукой гребли, а другой поддерживали сеть. Пловцы старались делать все по возможности незаметно, но камера их предательски разоблачала.

Я отвернулся от экрана и взглянул на китайцев, присутствовавших на просмотре. Они сидели, не отрывая глаз от происходящего, серьезные, молчаливые, сосредоточенные... Когда зажегся свет, вдруг подумал: неужели те, кто пропагандирует фильм об «эпохальном заплыве», считают своих соотечественников глупцами? Ведь и ребенок несмышленыш заметит нелепую сеть!

Весь этот фарс с заплывом был густо замешан на откровенной, беспардонной лжи. Может быть, думал я, это опять внутреннее дело Китая? Нет, отвечал сам себе, ведь у власти в стране находится партия, именующая себя коммунистической. А для нас, коммунистов, как учил Ленин, нет ничего дороже правды, пусть даже несладкой, горькой, трудной.

Мне хочется вспомнить о своем земляке, друге детства, спутнике беспокойной комсомольской юности, фронтовом товарище Сергея Антонове. Так случилось, что, попав в Пекин, я вновь встретился с ним. Беседы с ним необыкновенно много дали мне, новичку на дипломатическом поприще.

— Китайцы — прекрасный народ, добрый, трудолюбивый, — говорил мне Сергей. — Как и все, кто работал в этой стране, я полюбил их.

К 1956—1957 годам китайский народ мог воочию убедиться в преимуществах социализма, оценить роль международной солидарности, бескорыстную помощь советского народа. Подлинный скачок в развитии экономики, науки, подъем материального благосостояния китайских трудящихся были осуществлены именно в этот период на основе ленинских принципов социалистического хозяйствования, при интернациональной помощи братских стран.

В 1956—1957 годах между нашими странами продолжало развиваться сотрудничество в различных областях. В то время КНР занимала общие с СССР позиции по ряду важнейших международных вопросов, и я, как и другие советские дипломаты в Пекине, делал все возможное, чтобы закрепить эту общность, не дать разыграться националистической стихии.

В ноябре 1956 года мы провожали в Советский Союз делегацию Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) во главе с заместителем председателя Постоянного комитета ВСНП, членом Политбюро ЦК КПК Пэн Чжэнем. Делегация побывала во многих советских городах. Теплый, сердечный прием, оказанный ей повсюду, произвел большое впечатление на китайских парламентариев. Выступая 28 ноября на встрече с трудящимися Москвы, глава делегации сказал:

«Повсюду мы видели, как советские рабочие, крестьяне и интеллигенция под руководством Коммунистической партии Советского Союза и Советского правительства с энтузиазмом, небывалыми темпами и с грандиозным размахом продолжают строить коммунистическое общество. Мы увидели коллективное сельское хозяйство, созданное на базе современной промышленности, увидели, как вы превращаете пустыни в плодородные хлопковые поля. Мы увидели новый подъем социалистической культуры, мы также увидели, что материальный и культурный уровень советского народа непрестанно повышается».

В январе 1957 года я присутствовал в пекинском аэропорту на проводах правительственный делегации Китайской Народной Республики. Ее возглавил

премьер Государственного совета Чжоу Эньлай. Делегация также побывала во многих городах СССР, ознакомилась с рядом промышленных предприятий, колхозов, учебных заведений. Между руководством Советского Союза и Китайской Народной Республики состоялся обмен мнениями по важным вопросам международного положения, в том числе в связи с англо-франко-израильской агрессией против Египта и контрреволюционным мятежом в Венгрии, а также по вопросам дальнейшего сотрудничества между КНР и социалистическими странами.

В апреле — мае 1957 года, помнится, было особенно много работы: нам было поручено готовить официальный визит дружбы в Китай Председателя Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилова. Климент Ефремович и сопровождавшие его государственные деятели совершили поездку по стране, посетили Пекин, Аньшань, Шэньянь, Тяньцзинь, Шанхай, Ханчжоу, Гуанчжоу, Ухань и Куньмин, побывали на предприятиях и в сельскохозяйственных кооперативах, в научных и учебных заведениях, познакомились со многими историческими и культурными памятниками Китая. Вместе с делегацией я проделал весь маршрут и сам воочию видел, как встречи с трудящимися неизменно превращались в грандиозные демонстрации советско-китайской дружбы.

Помню, 15 апреля во время встречи К. Е. Ворошилова и сопровождающих его товарищей Мао Цзэдун заявил:

«Советский народ оказывает и оказывает величайшую поддержку и сочувствие китайской революции и делу строительства. Разрешите мне выразить вам в вашем лице советскому народу, Советскому правительству и Коммунистической партии Советского Союза нашу сердечную благодарность».

А 3 мая того же года на приеме в советском посольстве в Пекине Мао подчеркивал:

«В эти дни мир вновь увидел монолитное единство и сплоченность, а также теснейшую и глубокую дружбу народов Китая и Советского Союза. Такого рода сплоченность и дружба не только являются фактором, благоприятствующим делу социалистического и коммунистического строительства в обеих наших странах, но также представляют собой важную составную часть сплоченности социалистических стран, надежную гарантию всеобщего мира и дела прогресса человечества. Китайский народ, как и советский народ, будет и вперед всемерно прилагать усилия во имя непрерывного укрепления и развития отношений сплоченности, дружбы и сотрудничества между нашими двумя странами...»

Теперь об этих словах, об этих заявлениях в Китае предпочитают не вспоминать.

А тогда мой друг говорил мне:

— Народ к нам, советским людям, относится замечательно. И мы их считаем братьями. Будут ли всегда помнить об этом в Китае? Не забудут ли? Точнее говоря, не заставят ли китайцев забыть, не столкнут ли с рельсов истинно пролетарского интернационализма?

Я не раз вспоминал слова Сергея Антонова, когда принимал участие в работе XXII съезда КПСС. Многое уже к тому, 1961 году прояснилось, тайное постепенно становилось явным. Однако я помню, как заместитель председателя ЦК Компартии Китая Чжоу Эньлай от имени делегации КПК говорил: «Между народами Китая и Советского Союза издавна существует глубокая дружба. Как в деле революции, так и в деле строительства наш народ получал и получает поддержку и помощь со стороны советского народа и Коммунистической партии Советского Союза, за что мы здесь еще раз выражаем искреннюю благодарность».

Тогда же в Кремлевском Дворце съездов он огласил подписанное Мао Цзэдуном приветствие ЦК КПК:

«...Советский народ внес выдающийся вклад в дело сохранения мира во всем мире, смягчения международной напряженности, осуществления всеобщего разоружения, осуществления мирного сосуществования стран с различным общественным строем, оказания поддержки освободительной борьбе угнетенных наций и угнетенных народов и укрепления мощи социалистического лагеря.

Да здравствует великий советский народ!

Да здравствует великая славная Коммунистическая партия Советского Союза!»

При бескорыстной помощи братских стран росли успехи КНР во внутренней и внешней политике, и в то же время в высшем руководстве Китая стало укреплять свои позиции националистическое крыло, которое возглавляли Мао Цзэдун и его ближайшие сторонники. В первые годы существования КНР они сдерживали свои великодержавные амбиции, поскольку были остро заинтересованы в полу-

чении помощи со стороны Советского Союза, социалистических стран. Но к концу пятидесятых годов обстановка изменилась: КНР сделала определенный шаг в своем развитии, и нужда в советской помощи, по мнению китайского руководства, перестала быть острой. Смерть И. В. Сталина, как считал Мао Цзэдун, выводила его самого и возглавляемую им КПК на более выгодные позиции в борьбе за установление главенствующей роли в мировом революционном движении.

В 1957—1958 годах мы, советские дипломаты, работавшие в Пекине, видели, что внутри самого руководства КПК шла борьба по вопросу об отношении к СССР. Позиции интернационалистки и реалистически мыслящих деятелей в КПК были в то время еще настолько сильными, а потребность в сотрудничестве с Советским Союзом настолько велика, что руководство КПК вынуждено было лавировать. Интересно, что в докладе на IV сессии Всекитайского собрания народных представителей в июне 1957 года Чжоу Эньлай говорил:

«Некоторые возражают против изучения опыта Советского Союза и даже считают, что недостатки и ошибки, возникшие в деле строительства в нашей стране, также являются результатом учебы у Советского Союза. Это крайне вредные взгляды... Если не учиться у Советского Союза опыту строительства социализма, то учиться у США опыту строительства капитализма, что ли? На самом деле именно потому, что мы серьезно изучали передовой опыт Советского Союза, мы в деле строительства прошли намного меньше извилистых путей и добились огромных успехов...»

Несмотря на некоторые настораживающие моменты, которые уже выявились в те годы в отношении к нашей партии, к нашей стране со стороны части руководства КПК, Советский Союз, исходя из принципиальных соображений, искренне стремился способствовать успехам китайских трудящихся в социалистическом строительстве. Наша партия понимала, что содействие в создании социалистических основ в КНР — это помочь прежде всего китайскому народу, а не националистическим элементам в руководстве КПК.

Приведу доказательности ради некоторые цифры и факты, поскольку имел непосредственное отношение к тем вопросам, о которых пойдет речь ниже. Дополнительным соглашением об оказании Советским Союзом помощи Китайской Народной Республике в развитии некоторых отраслей промышленности предусматривалось строительство 55 новых промышленных предприятий плюс к 156 объектам, уже сооружавшимся. В число этих пятидесяти пяти новых объектов входили металлургические, машиностроительные и химические заводы, заводы по производству искусственного волокна и пластмасс, предприятия электротехнической и радиотехнической промышленности, завод по производству искусственного жидкого топлива, электростанции, а также научно-исследовательские институты авиационной промышленности. Общая стоимость поставок оборудования, проектных работ и других видов технической помощи со стороны Советского Союза для строительства указанных предприятий должна была составить около 2,5 миллиарда рублей (в старом исчислении цен). Соглашением предусматривалось также расширение помощи Китаю в проведении геологических работ.

В 1957 году в КНР работало свыше одиннадцати тысяч советских высококвалифицированных специалистов, среди них более шести тысяч коммунистов. Лучших своих сыновей и дочерей направляла наша страна в Китай.

Хочу в этой связи вспомнить одну историю, хорошо известную тем товарищам, которые работали в Китае. Она по-своему примечательна — отражает обстановку тех лет.

В 50-е годы в Пекине еще не был развит общественный транспорт. Метро появилось значительно позже, трамваи и автобусы также были редкостью на улицах столицы. Зато чуть ли не на каждом перекрестке предлагали свои услуги велорикши.

И вот однажды молодой советский специалист-энергетик, опаздывая на работу, остановил велорикшу. И попросил изумленного, ничего не понимающего китайца пересесть в коляску, а сам что было сил поднялся на педали. На работу наш товарищ приехал вовремя. Рикша же он чуть ли не насилием сунул в руки деньги — в два раза больше того, что полагалось за проезд.

Рикша, не веря глазам своим, пересчитал незарегистрированные им юани... и отправился в советское консульство. Дежурному коменданту он вернул деньги — те, что, по его словам, «переплатил какой-то «султан тунчжи» (советский товарищ).

По рассказу рикши нашли «виновного», которому и объявили выговор «за нарушение правил пользования китайским транспортом».

Советским товарищам категорически запрещалось пользование услугами рикши. Мы видели в этом унижение достоинства гражданина Китайской Народной Республики.

Но вернемся к государственным проблемам.

Советский Союз продолжал оказывать Китаю вспомогательную помощь в укреплении его оборонспособности. Практически до момента, пока руководство КПК не встало на путь открытого разрыва сотрудничества с СССР, оборонный потенциал КНР создавался главным образом с помощью Советского Союза.

В 1956 году Советский Союз направил в КНР большую группу ученых. С их помощью был разработан обширный план развития науки Китая, рассчитанный на 12 лет. КНР было также оказано содействие в организации исследовательских работ по мирному использованию атомной энергии. На учебу в СССР только в 1956 году выехало 1800 китайских студентов и аспирантов. Советский Союз безвозмездно передал КНР построенные и оснащенные СССР госпитали Красного Креста в Пекине, Дальнем и Урумчи. Под руководством советских специалистов в этих госпиталях готовились многие сотни высококвалифицированных китайских врачей, писались тысячи научных работ по медицине.

О важности советского опыта в те годы говорили и Мао Цзэдун и другие китайские лидеры. В речи «К вопросу о правильном разрешении противоречий внутри народа», произнесенной 27 февраля 1957 года на расширенном заседании Верховного государственного совещания, Мао Цзэдун подчеркивал:

«Мы должны изучать хороший опыт всех стран, независимо от того, являются ли они социалистическими или же капиталистическими, в этом не может быть сомнений. Однако главное все же заключается в том, чтобы учиться у Советского Союза».

В речи на юбилейной сессии Верховного Совета СССР, посвященной 40-й годовщине Великого Октября, Мао Цзэдун повторил свою мысль:

«Совершенно ясно, что если после Октябрьской революции пролетарские революционеры разных стран будут игнорировать или же не будут серьезно изучать опыт русской революции, не будут серьезно изучать опыт диктатуры пролетариата и социалистического строительства в Советском Союзе, а также если они не будут аналитически и творчески применять этот опыт в соответствии с конкретными условиями своей страны, то они не смогут усвоить ленинизма, являющегося новым этапом в развитии марксизма, не смогут правильно решить проблемы революции и строительства в своей стране. В этом случае они впадут либо в догматические ошибки, либо в ревизионистские ошибки...»

Появились в то время настораживающие моменты уже и в области межгосударственных отношений.

В ходе выполнения плана культурного сотрудничества между СССР и КНР на 1956 год, например, китайские организации отказались от обмена идеологическими работниками. Без объяснения причин они отказались направить в СССР делегацию работников искусств и музыкальных работников.

С конца 1956 года средние и высшие учебные заведения КНР стали все более отходить от широко применявшихся до этого советских учебных программ, учебников и тому подобного.

В китайской печати резко сократилось количество материалов о Советском Союзе. Начало сокращаться издание и распространение в КНР советской литературы.

В 1957 году ЦК КПК принял решение прекратить выпуск газеты «Дружба» (на русском языке). Она являлась органом Общества китайско-советской дружбы и издавалась тиражом в 70 тысяч экземпляров.

Подстудно активизировался националистический, антисоветский курс Мао. Для этого использовались различные формы и методы, проводились кампании, имевшие целью ослабить позиции марксизма-ленинизма в КНР. Показательны в этом отношении события 1957 года. Тогда мы стали свидетелями того, как в КНР развернулись широкие выступления правых элементов. Националистическая часть руководства КПК избрала весьма своеобразную тактику «борьбы» с ними. (Теперь, после подведения итогов так называемой «культурной революции», это стало абсолютно ясным — П. А.). Длительное время руководство КПК вообще воздерживалось от разоблачения клеветнических выступлений правых. С начала мая и до середины июня 1957 года правым фактически была представлена трибуна для широкой пропаганды своих взглядов на страницах печати, на многолюдных митингах, по радио.

Ежедневно нам приносили обзор прессы. Становилось ясно, что важнейшую часть нападок правых составляли более или менее закамуфлированные

антисоветские выступления. Некоторые провинциальные газеты даже цитировали заявления, призывающие к «возвращению земель, захваченных Советским Союзом», к борьбе против СССР до последней капли крови под лозунгом «мест». «Если бы сейчас передо мной стоял советский человек и американец,— заявлял некий антисоветчик,— и у меня был бы всего один патрон, то я, вне всякого сомнения, застрелил бы советского». В газете «Чанцзян жибао» приводились утверждения еще одного провокатора о том, что «Владивосток и Монголия — китайские территории». Руководство же КПК, возможно, считая, что нам неизвестно об этих измышлениях, не давало отпор антисоветским выпадам.

При попустительстве властей правые элементы предпринимали даже попытки перейти от пропаганды к прямым актам провокаций. Так, в феврале 1957 года в Сиани толпа с антисоветскими лозунгами ворвалась во двор гостиницы, в которой жили советские специалисты.

В ЦК КПК на прямой вопрос: «Что же происходит в стране?» — мне ответили, что «критика этих выступлений уже проведена руководителями КПК».

Действительно, формально такая «критика» была проведена... Но она ограничилась общими утверждениями, без упоминания конкретных фактов. Более того, высказывания обсуждались келеною. А что касается выдвигавшихся правыми территориальных претензий к Советскому Союзу, они вообще не нашли осуждения, не были отвергнуты партийными лидерами.

Я неоднократно беседовал в ту пору с Чжоу Эньлаем, высказывал ему недоумение по поводу того, что происходит. Чжоу обычно отвечал мне: «Не следует на основе отдельных случаев делать неверные обобщения».

Увы, позднее националисты из числа руководителей КПК, по существу, повторяли те же клеветнические, антисоветские измышления, что и правые элементы в 1957 году. К тому же значительная часть правых была официально реабилитирована...

Каждый год в ноябре, по традиции, заместитель председателя общества китайско-советской дружбы министр здравоохранения КНР Ли Дэцюань (вдова маршала Фэн Юйсяна) направляла советским дипломатам приглашение посетить Порт-Артур. Этот город в 1945 году был отбит у японской квантунской армии советскими войсками и возвращен Китаю. Земля Порт-Артура обильно полита русской кровью, кровью солдат, сражавшихся здесь и в 1905-м, во время русско-японской войны.

Сложился благородный ритуал — возложение венков к священным могилам павших воинов.

Словом, так было каждый год — советские дипломаты возлагали цветы к памятникам Порт-Артура. Мы уже приготовились отправиться в путь. И вдруг, буквально перед выездом на аэропорт, раздался звонок. Советское посольство официально уведомили, что «посещение Порт-Артура отныне для иностранцев запрещено».

Признаюсь, меня охватило негодование. Было трудно мыслить дипломатическими категориями. Как же так: даже бывшие противники отдавали дань героям Порт-Артура, а союзники, друзья теперь запрещают исполнить святой долг земляков? Разве не в борьбе за освобождение китайского народа, за победу социализма в Китае пали солдаты России?

С первого же дня приезда в Пекин я обратил внимание на крайне неудовлетворительные условия, в которых приходилось жить и работать советским дипломатам. Служебные помещения посла и других сотрудников находились в небольшом старом здании бывшего царского посольства. Рядом с ним располагались глинобитные казармы. В них когда-то жили русские казаки, несшие охрану царского посла. Теперь они служили «апартаментами» для наших товарищ.

Необходимо было радикально поправить дело. Вот почему, совершая поездки по Пекину, мы не теряли понапрасну времени и искали подходящую территорию для нового здания посольства.

Однажды утром мне доложили о том, что в посольство прибыла делегация священнослужителей православной миссии в Пекине. Они изъявили желание встретиться и поговорить с советским дипломатом.

Через несколько минут в мой кабинет вошло несколько лиц духовного звания — пожилые, сухопарые люди, облаченные в темные рясы. Делегацию возглавлял экзарх — глава миссии. Основная цель визита сводилась к тому, чтобы получить разрешение на поездку в Советский Союз для переговоров с

патриархом Московским и всеми Руси Алексием. Я обещал по возможности содействовать в организации такой поездки.

Беседа оказалась весьма любопытной. Глава миссии в разговоре со мной сетовал на «трудное положение» православной общины в Китае. Людей у нас, жаловался мой собеседник, мало, а хозяйство обширное, более десяти гектаров на окраине Пекина.

Я постарался ничем не выдать особого любопытства, но про себя подумал: может быть, это как раз то, что мы ищем? Экзарх, желая, видимо, вызвать больше сочувствия, пригласил меня посетить церковные угодья и там, на месте, убедиться в правдивости его слов.

Приглашение приняли. Выждали несколько дней, а за это время получили из Москвы «добро» на выезд делегации духовенства в Советский Союз.

В миссии приняли нас отменно. Старинный парк у стены оказался обширным и просторным. За трапезой в резиденции миссии я, как бы между прочим, завел разговор о неустроности быта наших дипломатов. Подробно тему не развивал, но наши собеседники насторожились — не могли понять, к чему клонится разговор. Тогда без дальнейших недомолвок мы предложили экзарху обмен: миссия передает нам в вечное пользование свой парк, а мы для православной общины построим вблизи храма комфортабельный жилой дом.

Экзарх задумался на несколько минут, видно, что-то подсчитывая. Потом испытующе посмотрел на меня.

— А как с поездкой в Москву?

Я даже не сказал и слова — все было понятно по выражению лица. И тогда экзарх заявил, что он согласен с нашим предложением.

Теперь дело было за проектом, за строителями. Я отправился к Пэн Чжэню — мэру китайской столицы. Одновременно он являлся первым секретарем пекинского горкома, членом Политбюро и Секретариата ЦК КПК.

Наши переговоры были до предела краткими и конструктивными. Мы обязались в трехмесячный срок представить проект, а китайская сторона — обеспечить рабочих-строителей. Не прошло и восемьдесят дней, как на земле бывшего церковного угодья строители с присущим китайцам усердием уже возводили новые здания советского посольства. Работа шла в три смены. Пэн Чжэнь держал этот объект под своим личным контролем и дважды в неделю вместе со мной проводил «инспекцию».

* * *

Летом Мао уезжал из Пекина за тысячи километров от столицы, куда-то в горы. Без него, однако, ни один сколько-нибудь серьезный вопрос не решался. Ни Лю Шаоци, ни Чжоу Эньлай не брали на себя ответственность принять решение, прежде чем не дождат Мао. А о Дэн Сяопине или министре иностранных дел Чэн И говорить нечего... Бесконечные согласования отнимали уйму времени, нервов, сил.

Многое во взаимоотношениях внутри высшего китайского руководства открылось мне во время личных встреч с Мао Цзэдуном. Приходилось много раз говорить с ним с глазу на глаз, в присутствии лишь доверенного переводчика; не единожды такие встречи проходили во время заседаний Политбюро ЦК КПК.

Меня и моего товарища, свободно владевшего китайским языком, проводили сквозь «загадительные цепи» личной охраны Мао и, наконец, пропускали в зал.

В центре, за столом, занимал свое место Мао. Перед ним — кружка зеленого чая, прикрытая крышкой, пачка сигарет. По правую руку всегда сидел Лю Шаоци, слева — Чжоу Эньлай. Остальные члены Политбюро располагались за маленькими столиками вдоль стен комнаты.

Мао предлагал нам сесть рядом с ним. Он внимательно выслушивал мое устное сообщение, затем обдумывал ответ — как правило, очень недолго. Затем, отхлебывая чай из кружки, сразу же излагал то, что я должен сообщить в Москву.

Примечательно, что на моей памяти он ни разу неставил вопрос на обсуждение Политбюро, никогда не интересовался точкой зрения своих ближайших сотрудников. Даже не глядел на них, словно их не существовало.

Но еще более поражало другое. После того, как Мао, ни с кем не посоветовавшись, заканчивал изложение своего мнения, все другие китайские лидеры согласно кивали головами. И только Лю и Чжоу пытались «сохранить лицо», как говорят китайцы — они слушали Мао молча, потупив глаза, буквально окаменев.

Мне хочется поделиться с читателями некоторы-

ми мыслями об истории и современности, о вчерашнем, сегодняшнем и завтрашнем дне Китая, о том явлении, которое получило название «маоизм».

Вся история национально-освободительного и революционно-демократического движения в Китае наглядно свидетельствует: в стране существовала объективная база для воплощения и осуществления на практике идей научного социализма. Подтверждение тому — победа народной революции 1949 года и успешное осуществление демократических и социалистических преобразований в первые восемь-девять лет существования КНР. Затем в руководстве КПК возобладали мелкобуржуазные националистические элементы, и этот прогрессивный процесс прервался. Завоевание китайского народа ставились под серьезную угрозу. Следовательно, маоизм с полным правом можно рассматривать как своего рода исторический зигзаг в развитии революционного движения в Китае.

Что же касается собственно маоизма, то он, как и всяко идентично-политическое течение, имеет объективные и субъективные корни. Его возникновение связано прежде всего с особенностями социально-экономического и духовного развития Китая — экономически и политически отсталой, полуфеодальной, полуколониальной страны, в которой преобладало крестьянское население, где, таким образом, существовала благодатная почва для возникновения разного рода анархистских и прочих мелкобуржуазных теорий и концепций. Всякого рода предрассудки были широко распространены в Китае в конце XIX — начале XX века. Официальная конфуцианская идеология наряду с анархизмом, утопическим социализмом и троцкизмом стала той питательной средой, в которой сформировались «идеи» Мао Цзэдуна.

Как особое мелкобуржуазно-националистическое течение, маоизм существует с начала сороковых годов. Именно к этому времени «идеи» Мао Цзэдуна оформляются в так называемый «китаизированный марксизм». Теоретической платформой его явилась правореволюционистская концепция «новой демократии». Она представляет собой ревизию кардинального положения марксизма-ленинизма о всемирно-исторической миссии рабочего класса. В ней ленинское учение о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую подменяется формулой «новодемократической революции» как «чисто крестьянской». В ней, по существу, отрицается идея гегемонии рабочего класса.

После победы народной революции в 1949 году наступил новый этап эволюции маоизма. Характерная черта этого периода — становление особых, маоистских взглядов на проблемы развития Китая в условиях проведения глубоких социально-экономических преобразований. От теории «новой демократии» Мао пришел к попытке приспособить идеи социализма к своему великодержавному курсу. Мао и его сторонники стремились использовать знамя социализма для прикрытия им программы милитаризации Китая, насаждения в стране идеалов «уравнительного коммунизма». В 1957—1959 годах осуществление этого курса на практике, как известно, окончилось полным провалом.

В те годы я жил и работал уже далеко от Китая, но мой интерес к тому, что происходило за Великой степенью, не ослабевал. Как-то, уже в начале шестидесятых годов, я получил интересное послание от Сергея Антонова. Приведу несколько выдержек из его письма.

«...Как поживаешь, дорогой дружище Петро?

Черкнул бы несколько строк! Тяжко жить в отрыве от друзей — это, пожалуй, самое горькое, с чем сталкиваешься за границей. Ты, наверное, интересуешься, что тут у нас нового? Много нового, очень сложного, в чем еще предстоит разбираться и разбираться. Хочу поделиться с тобой соображениями о двух самых примечательных фигурах в нынешнем пекинском руководстве — о Чжоу Эньлае и Дэн Сяопине. Ты должен Дэна помнить — я познакомил тебя с ним. Может быть, я ошибаюсь, но, думается, именно эти два человека будут играть весьма важную роль в недалеком будущем. Что касается Чжоу — он все время как бы прячется за спину Мао, остается в тени. Чжоу, судя по всему, устраивает место «третьего человека в империи». Пожалуй, Чжоу Эньлай лучше других знает нрав Мао. Дэн — фигура тоже сложная, в чем-то для меня и по сей день непонятная. Я думаю, что ему Мао готовит своеобразную участь...»

Впервые я увидел Дэн Сяопина еще до поездки в Китай — в феврале 1956 года, будучи делегатом XX съезда КПСС. В перерывах одного из заседаний, когда делегаты и гости прогуливались по Георгиевскому залу в Кремле, видел, как он говорил, быстро

жестикулируя, смеялся, улыбался. Дэн Сяопин входил тогда в состав китайской партийной делегации.

Потом, по возвращении из Москвы в Пекин, выступая на VIII съезде КПК, Дэн говорил:

...Важным вопросом, касающимся принципа демократического централизма в партии, является вопрос о коллективном руководстве в партийных организациях всех степеней... Ленинизм требует от партии, чтобы все важные вопросы решались надлежащим коллективным органом, а не одним человеком... Двадцатый съезд КПСС пролил свет на то, как важно придерживаться принципа коллективного руководства и бороться с культом личности... Важным достижением XX съезда КПСС является то, что он показал нам, какие серьезные последствия могут вытекать из обожествления отдельной личности...

Потом Сергей познакомил нас.

Друг мой оказался прав — судьба Дэн Сяопина сложилась весьма и весьма своеобразно. С конца шестидесятых годов, в период «культурной революции», бывший генеральный секретарь ЦК КПК исчез из большой политики. Где он жил, чем занимался, — трудно судить.

Дважды «непотопляемый Дэн» оказывался в опале и дважды вновь возникал из политического небытия.

А сегодня у Дэна иное «амплуа»: ярый антисоветчик, сторонник тесных контактов с американским империализмом. Дэн до конца разоблачил свою сущность в организации позорной агрессии против братского вьетнамского народа.

Сегодня он один из главных «наследников» Мао...

Начиная с 1960 года маоисты перешли к открытой конфронтации с международным коммунистическим движением и провозгласили «особую линию» по основным проблемам современности.

Но притязания маоистов на руководящую роль были решительно отвергнуты коммунистическими и рабочими партиями. Тогда Мао сделал основную ставку на продолжение «экспериментов» внутри страны, но уже, так сказать, «сверху»...

Как и все советские люди, я хорошо помню, что представляли собой те чудовищные «эксперименты».

Это слом народно-демократической политической надстройки, разгон компартии и других общественных организаций, создание особого маоистского политического режима. Через него «великий кормчий» пытался осуществить «общественный идеал», который не удалось реализовать «экономическими методами» в конце пятидесятых годов. Начался период так называемой «культурной революции», явившейся на деле контрреволюционным политическим переворотом.

Для меня, очевидца становления культа «великого кормчего», особенно кощунственные попытки представить «культурную революцию» и другие преступления Мао, жертвами которых стали миллионы человек (в том числе многие сотни тысяч коммунистов), всего лишь как «серьезную ошибку». «Культурная революция» привела к установлению в стране военно-бюрократической диктатуры. Окончательное оформление маоизма в великореволюционно-шовинистическую доктрину и его практический курс стали важным резервом империализма, сил агрессии и войны.

Движущей пружиной эволюции маоизма — при всей его противоречивости и зигзагообразности — выступают великоханьский шовинизм в идеологии и гегемонизм в политике. Этим двум «организующим мотивам» подчинена вся теоретическая и практическая деятельность маоистов. Они и сегодня помогают понять те или иные сальто-мортале в их политике.

Маоизм образца середины семидесятых годов — это прежде всего воинствующий великореволюционный национализм и гегемонизм, пронизывающие все области внутренней и внешней политики Пекина. Ее стратегическая цель — превратить Китай в мощное в военном отношении государство, способное обеспечить маоистскому руководству мировую гегемонию.

Другие его «компоненты» играют как бы «служебную» роль. Среди них — милитаризм, ставка на войну как универсальное средство решения всех социальных вопросов современного мира.

Вся социально-экономическая политика подчинена задаче всемерного наращивания военного потенциала в ущерб жизненным интересам трудящихся. Деспотическая власть выступает в форме военно-бюрократической диктатуры, основу которой составляют насилие над собственным народом, беззастенчивое паразитирование на марксизме-ленинизме, фальсификация его основ, попытка выдать маоизм за «марксизм-ленинизм современной эпохи».

Маоистская пропаганда не случайно избрала в

качестве объекта своего главного удара родину Великого Октября, первую страну победившего социализма, опыт которой служит надежным компасом для поступательного движения всего человечества к новой, коммунистической цивилизации. Всячески опорочить этот опыт, перечеркнуть его необходимо маоистам для «обоснования» своей «модели социализма».

Конкретные предложения о проведении переговоров с целью общего ослабления напряженности в отношениях между Советским Союзом и Китайской Народной Республикой и устранения препятствий, мешающих нормальному их развитию, выдвигались нашей страной неоднократно. Такие предложения делались, например, в 1969 и 1970 годах — об оформлении специальным межгосударственным актом обязательства сторон не нападать друг на друга с применением вооруженных сил, включая ядерное оружие, о заключении договора о неприменении силы в 1971 году, в 1973 году — о заключении договора о ненападении. Новую инициативу Советский Союз проявил в 1978 году, предложив КНР выступить с совместным заявлением о принципах взаимоотношений наших двух стран. Однако всякий раз эти предложения отклонялись китайской стороной. Таковы факты.

Взяв на себя роль «глобального антисоветчика № 1», пекинские лидеры оказались по ту сторону классовых баррикад. Шовинизм и национализм закономерно привели маоистов к прямому смыканию с наиболее реакционными силами капиталистического мира.

Пекинские лидеры предпринимали и предпринимают отчаянные попытки для срыва процесса разрядки и ослабления международной напряженности. Они все еще надеются на успех политики сгравливания стран и народов, главным образом Советского Союза и Соединенных Штатов, вовлечения их в новую мировую войну. В результате ее маоисты надеются подняться на вершину великоханьской мировой гегемонии. Пекин выступает пропагандистом империалистической политики агрессивных кругов НАТО, оказывает им всяческую поддержку, стремясь доказать свою готовность на любой альянс с силами реакции в борьбе против стран социализма. Взамен маоисты надеются получить новую военно-экономическую помощь от главных капиталистических держав.

Такая политика чревата не только серьезной угрозой всеобщему миру, но и таит в себе опасность прямого проникновения международного империализма в китайское общество. Проекты экономического «сотрудничества» предусматривают создание «смешанных» предприятий с участием иностранного капитала. На деле это может означать постепенную интеграцию китайской экономики в сферу мирового капиталистического хозяйства. Это, как видно, не смущает пекинских лидеров. Им важно любыми средствами подвести материально-техническую базу под маоцзедуновский великореволюционно-шовинистический курс, осуществлять мечты о мировой гегемонии, которые лелеял, но не смог реализовать «великий кормчий».

...И вновь и вновь перечитываю записанные мною слова моего друга Сергея Антонова:

«Впереди — тяжелые времена. Самый главный вопрос, который меня постоянно мучает: надолго ли опустится ночь над Китаем, душная ночь честолюбия, во имя которого разжигается смрадный чад национализма?

Мао своими националистическими теориями, расстрелами и перевоспитательными лагерями идет по стопам безумцев. Еще до образования КНР кое-кто из китайских партийных деятелей проводил троцкистскую линию. А теперь национализм в Китае становится слепым, истеричным, он лишен всякой исторической перспективы...»

Более четверти века прошло с тех пор, как я впервые увидел на улицах Пекина людей, прикрывающих рот и нос марлевыми повязками. Дул ветер с просторов Гоби, нес мелкую желтую пыль... Ровно год я пробыл тогда в Китае. Год, полный трудных и неотложных дел: двенадцать месяцев, в которые, по существу, происходило мое становление как дипломата,полномочного представителя Советской страны.

Осенью 1957 года мне позвонил из Москвы секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев. Тепло, доброжелательно, как-то удивительно неофициально расспросил о делах, о здоровье, о многом другом. В конце разговора сообщил, что академик Павел Федорович Юдин выздоровел и может вернуться на свой прежний пост в Пекине.

— Как вы посмотрите на то, — спросил меня Леонид Ильич, — чтобы поехать Чрезвычайным и Полномочным Послом в другую страну?

Вот так, с Пекина, и началась моя многолетняя работа на дипломатическом поприще...

Василий ПИВОВАРОВ,
преподаватель,
Москва

Давно прошла пора лихая,
Но до сих пор я вспоминаю,
Как на войне я был связистом:
Худым и с виду неказистым.

Я помню снайпера засаду,
И ленинградскую блокаду,
И друга помню, не забыт:
Мой друг высокий, статный был.

Я помню, как шагал он рядом,
Как вдруг упал с потухшим взглядом.
Все в памяти я сохранил...
Он много сделал. Мало жил.

Людмила СОСНОВСКАЯ,
инженер, Челябинск

Я никак не могу согреться
В этом доме, пустом и гулком.
Мама! Печка — верное средство.
Затопи, испеки мне булку.
Золотую, с хрустящей коркой,
За всю жизнь я вкусней не ела!
Да окошко задерни шторкой,
Чтоб тоска в окно не глядела.
Завари мне крепкого чаю
Со смородиной и малиной,
От хворобы да от печали,
Посоветуй, что клин, мол, клином...
Успокой, ты ведь раньше умела
Как никто меня успокоить.
Заметает порошой белой
Все, что я не смогла построить,
Все, на что не нашла ответа,
Все, чему не могла поверить...
Окна залиты лунным светом,
Половицы скрипят и двери.
Полечи меня добрым словом,
Как одна только мать умеет.
Пусть деревня моя Сосновка
Все заботы мои развеет.
Мама! Что ты глядишь с укором?
Только шаль теребишь свою...
Жаль, что я переехала в город —
В коммунальный, сухой уют.

Владимир ГЛЕБОВ,
художник, Харьков

Учителя

Их ждали остовы заводов
И опаленные поля,
Но очень часто в эти годы
Мужчины шли в учителя.
А выбор делался не просто,
И горечь свежей раной жгла:
Все довоенные ремесла
Война у них отобрала.

Шли молодые инвалиды
Через притихший, тесный класс.
Как трудно было им не выдать
Смятенье в самый первый раз,
Когда поверну начинали,
И — боли не было больней —
Как в ротном списке,
В том журнале
Все сплошь фамилии друзей.
Друзей, при имени которых
Стоять на свете до конца
И под ревнивым детским взором
Не прятать ни на миг лица.

Учителя, мы вашей школы.
Не просто в памяти — в крови
Уроки мужества и боли,
Уроки гнева и любви.
Покуда мир наш не наложен,
Не будет нам судьба легка.
Нас в люди выводила ваша
В перчатке кожаной рука.

ПОЮ МОЕ ОТЕЧЕСТВО

Конкурс одного стихотворения

Ноэль КАЛЕФ

Перевод с французского
Надежды НОЛЛЕ

Глава XVII

Жанна вздрогнула во сне от телефонного звонка и тут же сняла трубку, как будто и не спала.

— Алло? Да?

Рядом с ней Жорж тер глаза.

— Кто это?

Жестом она дала понять, что не знает.

— Кто вам нужен, мосье?

Жорж выхватил у нее трубку.

— В чем дело? Нечего будить людей в такое время! — раздраженно прокричал он.

Увидев, как на лице Жоржа появляется удивленное выражение, Жанна заволновалась.

— Плохие новости?

— Живраль? — спросил Жорж.

— Что случилось, Жорж? Плохие новости? Насчет Жюльена?

Он жестом велел ей молчать и, окончательно проснувшись, внимательно слушал.

— Послушайте, старина, — сказал он наконец, — не-

АЛЛО НА ЭШАФОТ!

ужели вы меня разбудили только затем, чтобы спросить, нет ли у меня чего-нибудь нового?

— Именно, именно, — ответил Живраль. — Должен же я проверить. Правда?

— Держу пари, что он нашел его! — вмешалась Жанна.

Жорж прикрыл трубку ладонью и повернулся к жене.

— Даешь мне наконец дослушать? Нет, говорю тебе, нет, он его не нашел! Алло! Вы не могли дождаться более удобного времени для проверки?

— Что поделаешь? Меня тоже подняли с постели!

— Это не довод!.. А? Вас подняли с постели? Почему?

— Я знала, знала... — простонала Жанна. — Они нашли его, но не хотят тебе говорить!

— Что это значит, вас «подняли с постели»?

— Ничего. В связи с другим делом...

Жорж в раздражении состроил жене гримасу: ну, вот, мол, видишь? Жанна не верила.

— Он все придумывает. Я уверена, что он звонит из мorga. Спроси у него, спроси...

Жорж терял терпение.

— Прошу тебя, Жанна, я ничего не слышу... Нет, это я говорил жене. Объясните, Живраль, что происходит?

— Да ничего, повторяю вам, мосье Журлье. Просто я хотел узнать, не объявился ли Куртуда. Кстати, мадам Куртуда еще у вас?

— Конечно... Она здесь... Подождите...

Он слегка подтолкнул жену.

— Иди посмотри, у себя ли Женевьевы. Быстро...

Жанна пошарила тапочки и вышла, набрасывая пеньюар. В прихожей она столкнулась с горничной.

— Что-нибудь случилось, мадам?

— Нет. Мадам Куртуда не уходила?

— Я не знаю...

Жанна открыла дверь. Натянув одеяло до самого подбородка, Женевьеву спокойно спала.

«Вот дрянь! — мысленно возмутилась Жанна. — Во всем доме только она и спит».

Она чуть не хлопнула дверью, но увидела горничную, в недоумении смотревшую на нее, и попыталась улыбнуться.

Вернувшись в спальню, она услышала, как муж настойчивым тоном произносит:

— Подождите, инспектор, я не совсем понял смысла...

Живраль терпеливо повторил:

— Записные книжки, что сейчас у вас... Тайная бухгалтерия Жюльена Куртуда...

— Да.

— Ну вот, все очень просто... Вам не придется беспокоиться. Мой коллега зайдет к вам и заберет их. Дормаль. Вы не забудете имя? Дормаль.

— Хорошо, Дормаль. Но чего я не понимаю, это... — Он увидел Жанну и прервал фразу. — А, вот жена вернулась! Сейчас она нам скажет, здесь ли мадам Куртуда.

Жанна пожала плечами.

— Здесь. Спит сном праведника.

— Ну, я же вам говорил, инспектор. Она спит. Она не выходила из дома. Не объясните ли вы мне теперь...

Рисунок
Аллы СОЛОВКИНОЙ

— Спасибо, — ответил Живраль.

— К чему бы этот звонок? — спросила Жанна.

— А я знаю? Ради удовольствия разбудить ни свет ни заря порядочных людей.

— Он ничего не сказал тебе, пока я ходила смотреть, здесь ли Женевьевы?

— Ничего, кроме того, что ты слышала или поняла. Много бы я дал, чтобы скватили этого мерзавца!

— Да, разумеется. Ведь во всем виноват только он один! А твоя святая сестрица тут ни при чем? Не она довела его до этого, не она так или иначе толкала его на все эти обманы! Из-за этой вздорной бабенки весь свет перевернулся вверх дном, а за бедным парнем, который ничуть не хуже других, гонится полиция как за преступником.

— Он и есть преступник! Если б ты знала, сколько он у меня украл!

— Ах, нет! Прошу тебя, не начинай снова. Подумать только, она сама, его жена, которая утверждает, что любит мужа, отдала тебе эти документы! Твоя сестра — подлая женщина!

Жорж в изумлении смотрел на жену.

— Да что в конце концов тебе сделала Женевьеву?

— Мне ничего. Не мне, а нам, Жюльену.

— Это несчастная женщина, совершенно неприспособленная к жизни.

— Из тех несчастных, которые не в состоянии жить самостоятельно, но зато умеют очень хорошо портить жизнь другим, если только другие не вертятся вокруг них!

Он хотел возразить, но Жанна жестом велела ему замолчать.

— Ладно. Спи. Нет смысла спорить на эту тему.

Жорж не стал настаивать. Когда у Жанны такой голос и этот взгляд, лучше промолчать. Повернувшись друг к другу спиной, они старались уснуть.

— Ты спиши? — тихо спросил Жорж через некоторое время.

Жанна лежала с открытыми глазами, но не ответила мужу.

Фред чуть покралывал.

Тереза, закинув руки за голову, рассматривала потолок своей комнатки. Кое-где штука туркотка облупилась. Тереза вздохнула. Ей нравилась эта комната. Каждый уголок был здесь украшен с любовью и изобретательностью стесненных в средствах людей. Даже после беспорядка, который внес сюда Фред, все было чисто прибрано. Диван-кровать у стены, встроенная кухня в углу, рядом с крошечной мойкой стол из белого дерева, на нем — газовая плитка; окошко под самой крышей и цветы...

Этажерка, на которой когда-то стояло штук двадцать книг, а теперь осталось два одиноких толстых тома Concise Oxford Dictionary¹, сохранившихся с тех времен, когда Фред собирался писать сравнительный анализ английского и французского языков. Дальше названия дело не пошло.

У Терезы было странное чувство, будто она видит свою комнатку в последний раз.

«Он не мог успеть съездить в Париж, повидать отца и вернуться. Он меня обманул».

К тому же у отца не было никаких причин подарить Фреду еще и золотые часы, которые сейчас лежали на тумбочке.

Задним числом она обратила внимание на одну деталь. Фред сказал, будто отец дал ему купюру в десять тысяч франков и пять купюр по тысяче. Однако в пачке, которую она видела, денег было значительно больше.

Приподнявшись на локте, она взглянула на спящего. Он и во сне, казалось, страдал: губы приоткрыты, как бы моля о пощаде, веки крепко сомкнуты, словно плотный занавес, ограждающий от реальности. Повернувшись к Фреду спиной, Тереза дотянулась до его пиджака, висевшего на стуле рядом с кроватью, и залезла в карман. Бумажник. У Фреда не было бумажника. Подарок отца? Почему бы и нет, в конце концов?

Она хотела положить его на место, но передумала.

Левое отделение было предназначено для денег. Правое состояло из прозрачных кармашков для документов и фотографий. На одной из них Тереза тут же узнала ту пару. Она ожидала этого. Владелец трайлера и его жена. Девушка совсем не удивилась. Ее удивляло скорее, что она знала все еще тогда, когда они бежали из Марли!

— Фред! — тихо позвала она, в голосе ее звучал упрек.

Фред жалобно застонал во сне, как щенок, которому что-то приснилось. Тереза уронила бумажник и, вся дрожа, сцепила руки. Опустив ноги с кровати, она сунула руку в задний карман брюк Фреда и вытащила оттуда деньги. Несколько десятков купюр по десять тысяч франков. Она заплакала, не испытывая горя, вытирая слезы тыльной стороной ладони, сама того не замечая, с фатализмом, свойственным бесхитростным душам, которые несут в себе уверенность: «Это было бы слишком здорово, это должно было так кончиться».

— Что ты там делаешь? — спросил Фред, едва ворочая языком, не открывая глаз.

— Ничего, спи, милый, спи...

Он повернулся к ней спиной и мирно захрапел.

Тереза схватила часы. Это были великолепные золотые швейцарские часы. Она с трудом прочла надпись, выгравированную на крышке: «Педро от его Жермены». Рыдание сдавило ей горло. Ее затошило, она побежала к умывальнику.

Несмотря на то, что Тереза была лишь в рубашке, а в комнате было холодно, она вся покрылась потом. Обхватив голову руками, она пыталась спокойно размышлять. Она все еще держала в руке часы, и их тиканье у самого ее уха стало невыносимым. Через открытые окно Тереза видела вокруг одни крыши. Она размахнулась и бросила часы — эту улику — в окно, как можно дальше от того, кого она хотела защитить. Они удалились о балюстраду, отскочили и упали на тротуар.

Тереза высыпалась в окно, но ничего внизу не

разглядела. «Ну и ладно, — подумала она, — никому в голову не придет одно с другим связать».

Тихо, чтобы не разбудить Фреда, сохранив полное спокойствие, Тереза чиркнула спичкой и зажгла газ. В рассветодном полумраке заплясали голубые язычки пламени. Тереза взяла тарелку, случайно задела стоящую рядом блюдце. Она повернула голову. Но Фред не проснулся.

Она сама еще не понимала, что приняла решение.

Тереза брала по две, три купюры и складывала их в тарелку. Глядя, как сгорают деньги, которые могли бы ей помочь, она не испытывала ни малейшего сожаления. Затем наступил черед бумажника и его содержимого. Кожа долго не загоралась, зато кармашки из целлофана вспыхнули сразу.

С тарелкой в руках Тереза вышла в коридор, темный и пустой. Она дошла до туалета на лестничной площадке, закрыла за собой дверь на задвижку, высыпала пепел в унитаз и спустила воду. От волнения она чуть не потеряла сознание. Голова закружилась, и она прислонилась лбом к матовому стеклу двери. Она гладила свой живот и бормотала: «Теперь не время, мой милый малыш... Сейчас все будет кончен...»

Вернувшись в комнату, она сполоснула тарелку, тщательно ее вытерла и поставила на место. От ледяной воды у нее заломило пальцы. Она погрела их над плитой. Опять, гладя живот, она ласкала своего еще не существующего ребенка и шептала с бесконечной нежностью: «Тебе, право же, не повезло. Но все равно у тебя никогда не было бы папы... Так, старший брат, да и тот...»

Тереза машинально выключила газ, но не отпустила кран.

Оглядевшись, она повернула его, вновь открывая, и услышала легкое посвистывание, с которым газ выходил из отверстий горелок. Тереза повернула голову и, не отрываясь, смотрела на маленькие черные дырочки, откуда выползала невидимая, неощущимая смерть. Смотрела равнодушно. Какие-то мысли в голове, неясные чувства в душе пытались обрасти формой, но Тереза не могла понять, была ли то радость или грусть.

Заставив себя отвести взгляд от плиты, она приблизилась к постели, где спал Фред. Откинув одеяло, она прикоснулась губами к его груди. Он не шелохнулся. Ступая босыми ногами, подобно ребенку, который собирается нарушить запрет, она подошла к стенному шкафу и достала спрятанный за простынями томик Бодлера «Цветы зла». Если бы Фред видел, что она читает эти «мещанские стихи», он пришел бы в ярость.

Держа книжку в руке, она вытянулась рядом с ним на постели.

Вдруг Тереза увидела, что окно осталось открытым. Она вскочила, чтобы закрыть его. Фред зашевелился, ворча:

— Скоры ты успокоишься, а?

— Да, милый. Кончено. Все кончено.

Она осторожно вернулась в постель и улеглась, как женщина после родов, готовящаяся к визиту родственников и друзей. Но она готовилась принять смерть. Тереза раскрыла книгу на 224-й странице. Она знала ее наизусть.

Улыбнулась. Два названия друг против друга: «Смерть любовников», «Смерть бедняков». Вверху название главы: «Смерть».

Она инстинктивно открыла рот, чтобы глубже вдохнуть, и бесшумно рассмеялась: «Какая же я глупая!» Она прочла:

Постели, нежные от ласки аромата,
Как жадные гроба, раскроются для нас,
И странные цветы, дышавшие когда-то
Под блеском лучших дней,
Вздохнут в последний раз!

Затем перевела чуть затуманенный взгляд на другую страницу:

Ты — ангел: чудный дар экстазов, сновидений
Ты в магнетических перстах ко всем несешь,
Ты оправляешь одр' нагим, как добрый гений...²

«Ты оправляешь одр' нагим, как добрый гений...» — повторила она про себя.

Отбросив простыню, она залюбовалась телом Фреда. Рассердившись на себя за то, что лежит в рубашке — будто это было кощунством, — скинула ее. Она испытывала какое-то тошнотворное опьянение...

«Боже, часы...»

Но мысль ее прервалась. Все это было так мелко в этой огромной черной пропасти, куда она погружалась... Все тени стираются... даже тень гильотины...

Часы?

Их рано утром подобрала на тротуаре спешившая на рынок женщина и отнесла в комиссариат. Есть еще

честные люди во Франции. Впрочем, часы ведь были разбиты.

Книга соскользнула с колен Терезы. Девушка прижалась к Фреду и обхватила его руками. В ее сознании смешивались возлюбленный и сын. От тела, которое она так любила, исходило нежное тепло. Нечто чистое и вечное, воззванней страсти. В полусне Фред что-то пробормотал. Она баюкала его, гладила по голове.

«Спи, моя любовь. Ничего не бойся, я все устроила. Никто не узнает. Никто ничего не знает...»

Она крикнула изо всех сил: «Ничего!» С губ ее не слетело ни звука, но она об этом уже не знала.

Утреннюю тишину нарушило лишь шипение газа, заполнившее комнату.

Глава XVIII

В конце авеню Георга V Жюльен Курту проехал на красный свет и резко затормозил.

Услышав скрип тормозов, полицейский обернулся. Жюльен до крови закусил губу: «Осторожно, это первое испытание. Ничего не бойся. Никто ничего не может знать».

Полицейский приближался к нему, улыбаясь. Жюльен сделал над собой неимоверное усилие, чтобы унять нервную дрожь.

— Что, мосье, мы еще не проснулись?

— Да. Когда выезжая в такой ранний час... — пробормотал Жюльен.

Полицейский поморщился.

— И еще так торопитесь. Вы даже не побрились... Впрочем, за это штраф не предусмотрен...

Зажегся зеленый свет. Полицейский жестом показал Жюльену, что он может продолжать путь. От волнения Жюльен не мог справиться со своими движениями. Мотор возмущенно зарычал.

— Ну-ну, успокойтесь! — ухмыльнулся полицейский. — Не стоит портить машину из-за пустяков!

— Дело в том, — пробормотал Жюльен, желая оправдаться, — что я спешу на поезд. Поэтому...

Полицейский уже его не слушал, пробегая взглядом заголовки газет, выставленные в соседнем киоске. Жюльен наконец удалось переключить скорость, но тут мотор заглох.

— Он еще не проснулся, — сообщил полицейский киоскерша, которая дышала на пальцы, чтобы согреть их.

— Сегодня похолодней, чем вчера, — сказала она. — Удивляюсь только, как терпят люди.

Она указала на лежащую сверху газету: «Последние новости. Зверски убита супружеская пара туристов. Убийца скрылся».

— Видели?

Полицейский пощеккал языком, качая головой. Киоскерша прокомментировала:

— Придет же людям в голову... Заниматься туризмом в это время года!

— Ну... знаете, не такая уж была плохая погода... И вообще это погода запаздывает, а не туристы опережают календарь!

— Послушайте-ка, а... убийца скрылся...

Рукой в белой перчатке полицейский сделал успокаивающий жест.

— Не волнуйтесь, его поймают. От нас не убежишь...

Вернувшись небрежной походкой на свой пост, он увидел красный «Фрегат», остановившийся при въезде на мост. Полицейскому был слышен беспорядочный стук мотора. Он направился к Жюльену.

Увидев его в зеркальце, Жюльен вздрогнул. «Испытание продолжается, — повторял он про себя. — Надо держаться. Если выдерну этот экзамен, я спасен».

— Прослушайте, нельзя же так, карбюратор выйдет из строя! — сказал полицейский, поравнявшись с машиной. — Давайте я вас подтолкну.

Жюльен послушался. «Он не может знать. Никто ничего не может знать!»

— Да... Да. Вы мне скажете, когда надо будет выключить сцепление?

Уже собираясь обойти машину, полицейский нахмурил брови, подозрительно взглянув на Жюльена.

— Что-то вы очень нервничаете; у вас уже дважды глохнет мотор. Права есть?

— Конечно.

— Покажите.

Он стал вдруг серьезным, даже строгим. Жюльен торопливо достал документы. Полицейский внимательно изучил их. Жюльенкусал ногти.

— Ладно. — Полицейский вернул ему права. — Должно быть, дело в карбюраторе.

Жюльен задержал дыхание.

— Давайте... — повторил полицейский. — Значит, вторую, а как я скажу, вы выключаете сцепление...

Зажав под мышкой жезл, он уперся в багажник. Колеса медленно крутились. Полицейский, пыхтя, толкал машину. На середине моста он крикнул:

— Пошел!

¹ Краткий Оксфордский словарь.

² Перевод К. Д. Бальмонта.
² Перевод Эллиса.

«Фрегат» рванулся с места, из выхлопной трубы выпало облако голубого дыма. Полицейский достал платок, чтобы вытереть руки.

Машина удалялась на полной скорости.

Полицейский смотрел презрительную гримасу.

— Хоть бы спасибо сказал!

Живраль стоял в подворотне на улице Молитор. Ему было холодно. Он проклинал свою работу. Услышав, как к дому подъезжает машина, он отшвырнул погасший окурок. Да, это был красный «Фрегат». Живраль с удовлетворением проверил регистрационный номер.

Из машины торопливо выскочил мужчина, прошел мимо него, взглянув на инспектора, как смотрят на бродягу, оказавшегося вдруг на главной улице. Живраль дал мужчине войти в дом, затем, подойдя к свету, изучил фотографию, которую ему дал Жорж. Тихонько присвистнул. К нему подбежал его помощник.

— Это он, патрон? Он сошел с ума, если вернется!

— В этом деле они все сумасшедшие, сынок. Ничего нельзя понять. Теперь соображаешь, что значит интуиция?

— А что? Вы столько ворчали, когда комиссар поставил вас здесь!

— Вот именно. В этом и есть работа... Ну, оставайся здесь. Я пошел.

Помощник, совсем еще молодой полицейский, потер руки, потом стал гнуть их подмышками.

Вконец измученный Жюльен у дверей своей квартиры постарался собраться с мыслями.

— Простите, мосье... Незнакомый человек показал свое удостоверение.

Жюльен не мог скрыть испуга. Живраль грустно улыбнулся.

— Это вы, Жюльен Куртуа?

— Да... да, в чем дело?

Он тоже улыбался, стараясь побороть дрожание губ.

— Ничего особенного. Ваша жена заявила о вашем исчезновении в субботу вечером, ну и...

— Моя жена? — спросил Жюльен в недоумении. Он забыл про нее. — В самом деле, бедняжка... Она должна быть, волнуется. Я уехал... Он замолчал. Чем меньше он будет говорить, тем лучше. В любом случае никто не может ничего знать. — Я сейчас же ее успокою.

Он открыл дверь, вошел в квартиру, обернулся.

— Спасибо, мосье...

Инспектор с невозмутимым видом ногой придерживал дверь, не давая Жюльену ее закрыть.

— Вашей жены нет дома.

— Что вы говорите! Вы сошли с ума!

— Увы, не я! Ваша жена у брата.

— У Жоржа? Какой вздор!

Жюльен потряс головой; ему теперь никак не удавалось привести свои мысли в порядок. Они сталкивались, смешивались, бились о череп, как о тюремные стены.

— Ну, да! — продолжал инспектор. — Похоже, она собирается подавать на развод.

— Но это невозможно!

Жюльен устремился в комнаты с криком: «Женевьева!»

— Не трудитесь, мосье. Ее здесь нет. Повторяю вам, она у своего брата.

Жюльен вынужден был сесть. Только не упомянуть случайно Боргри. Что это еще за история? И этот дурак, который не перестает что-то говорить... что он там говорит?

— Впрочем, мосье Журье, со своей стороны, собирается подать на вас в суд за мошенничество...

— Что?

Жюльен вскочил, кинулся в спальню, стал лихорадочно рыться в маленьком секрете. Спокойный голос за его спиной продолжал говорить с оттенком сожаления, как бы желая толкнуть его на признания.

— Если вы ищете свою тайную бухгалтерию, то могу вам сообщить, что как раз сейчас один из моих коллег несет ее прокурору.

Жюльен не хотел обрачиваться: сначала надо было постараться изобразить на лице спокойствие. Все это, в сущности, имеет лишь относительное значение. Самое главное — Боргри. А о нем никто ничего не знает. Кроме него. И кроме мертвца. Черт побери! Все прошло так гладко, если не считать лифта!

— Ваша жена, — продолжал Живраль, — все рассказала брату и все ему отдала.

Жюльен не шелохнулся. Это не так уж страшно.

— Что поделаешь, такова жизнь, — не умолкал Живраль. — Вдруг все сваливается на вас разом: жена вас бросает, шурин обвиняет в мошенничестве... А тут еще мы... собираемся морочить вам голову насчет Марли...

— Марли?

Инспектор прокашлялся.

— Короче, вы влипли, мосье Куртуа.

Жюльен повернулся к нему, и Живраль, к своему

удивлению, увидел выражение облегчения на его лице.

— Да полно! Деньги — дело наживное.

— Он неплохо держится, — подумал полицейский.

— С вашего позволения, я позвоню, — произнес он вслух.

Не дожидаясь ответа, Живраль снял трубку, набрал номер. В это время Жюльен лихорадочно размышлял. Уговорить Женевьеву. Проще простого. Конечно, разговор будет не из приятных, но не больше того. Жорж в суд не подаст. Подложные счета? Отделяется штрафом налогового управлению. И деньги в конечном счете выложит тот же Жорж. Живраль, наблюдавший за Жюльеном, увидел, как тот улыбнулся.

— Алло? Это ты, Марсель? Живраль. Скажи Марса, что можно снять наблюдение за зданием Ума-Стандард. Ну да, я задержал его дома. Конечно, папашу Живрала чуть не подведет. Предупреди шефа, что сейчас я его привезу. И пошли ребят на улицу Молитор за колымагой... Он сам прескокой ненависти приехал на ней... До скорого... — Живраль повесил трубку. — В путь, мосье Куртуа.

— Вы хотите меня арестовать? — Жюльен выпятил грудь. — У вас есть ордер?

— Не успел. — Живраль с извиняющимся видом развел руками. — Времени не было. Подумайте сами, все обнаружилось в пять часов утра. Без четверти шесть меня подняли с постели, и я явился прямо сюда, не заходя на службу.

— Все это, конечно, прекрасно, но я мог бы отказаться идти с вами.

— Разумеется... Я даже не имею права задержать вас.

— В таком случае вы не станете на меня сердиться, если...

Он быстро вышел из квартиры и бегом спустился по лестнице. За ним не спеша следовал Живраль. Внизу Жюльен столкнулся с каким-то мужчиной, который вежливо спросил:

— Вы там наверху не видели моего коллегу?

— Я тороплюсь, у меня нет времени...

— Теперь у вас будет много времени, мосье Куртуа... — вмешался, присоединившись к ним, Живраль. — Прошу, идите вперед.

Жюльен вышел. Живраль захлопнул дверь, щелкнул замок. Жюльен вздрогнул, как от удара: это закрылась дверь в его мечту о завоеванной свободе.

Этот звук преследовал потом Жюльена в течение многих, многих дней. А перед глазами постоянно была захлопнувшаяся дверь...

Сядь в такси, Живраль протянул ему утреннюю газету, указав на коротеньку заметку: «Зверски убита супружеская пара в лесу Марли». Марли... Марли... «Убийца скрылся».

— Зачем вы мне показываете это?

Полицейский ничего не ответил, хлопнул дверцей машины, и Жюльен подскочил от этого звука.

Теперь за ним захлопнулась решетка. Разве сажают в тюрьму людей в связи с гражданским иском?

— Дверь! Сквозняк! — крикнул кто-то.

— Сейчас, сейчас закрою, не нервничай!

Где-то хлопнула еще одна дверь.

Изо всех сил он старался сохранить хладнокровие. «Пока я буду молчать, они ничего узнать не могут». Если б только не все эти захлопывающиеся двери.

В полдень вместе с супом просунули через решетку первый выпуск вечерней газеты. Он чуть не пропустил корреспонденцию на первой странице: «ДВОЕ ТУРИСТОВ УБИТЬ В ЛЕСУ МАРЛИ».

«Что они мне морочат голову с этой историей?»

«ПОЛИЦИЯ АРЕСТОВАЛА УБИЙЦУ».

«Ну и прекрасно!»

Он развернул газету, и крик замер у него в горле. Под крупным заголовком он увидел свою фотографию, ту, которую так не любила Женевьеву и которую сохранил Жорж. Жюльен схватился за прутья решетки и затряс ее изо всех сил.

— Я не виновен! Откройте!

Прибежал тюремщик.

— Не ори. Придет время, все объяснишь. Я-то тут при чем?

Жюльен тяжело опустился на койку. Тюремщик удалился, захлопнув дверь в коридор. Жюльен вздрогнул и разрыдался.

Долгие часы он повторял себе: «Спокойно. Ни слова. По сути дела, ты спасен. Эта глупая ошибка разъяснится, а дело Боргри тем временем пройдет незамеченным. Это же невозможно, ведь все это время ты просидел в проклятом лифте. Но вот уж о лифте молчи. Ума-Стандард, лифт, Боргри — табу».

Напротив послышалась сухой звук.

— Прекратите хлопать дверьми, черт побери! — зарыдал Жюльен.

В камере напротив высокий негр продолжал танцевать, хлопая в такт розоватыми ладонями.

Жюльен заткнул уши.

Довольно молодой комиссар — если только это был не следователь — производил впечатление человека сурового и педантичного. Он носил пристяжной воротничок и крахмальные манжеты. Может быть, чтобы угодить какому-нибудь своему начальнику, представителю старой Франции. Жюльен вновь обрел видимость спокойствия.

— Месье, в этой истории какая-то ужасная ошибка. Я сказал бы, это трагическое недоразумение. Мне дали газеты, и, к своему огромному изумлению, я узнал, что арестован за жуткое преступление, за убийство с целью ограбления, которое я не мог... вы слышите?.. не мог совершить!

Жюльен замолчал. Его собеседник как будто ничего и не слышал. Он сделал незаметный знак, из-за стола в дальнем углу комнаты поднялся человек, приблизился, положив перед Жюльеном его плащ.

— Это ваш?

— Да. Почему вы спрашиваете?

— Именно этот плащ вы носили в конце прошлой недели?

Он чуть не ответил: «Нет! Я носил пальто». Но вслух произнес уверенным тоном:

— Да. Я оставил пальто на работе и попросил секретаршу отдать его в чистку, потому что...

— Ваше пальто меня не интересует. Я спрашиваю, носили ли вы этот плащ вечером в субботу, в течение воскресенья и в ночь с воскресенья на понедельник.

— Да, — ответил Жюльен с досадой.

Чиновника, казалось, его ответ удовлетворил, и Жюльен насторожился. С этими хитрецами не угодить бы в ловушку.

Плащ унесли и принесли револьвер.

— Вы узнаете это оружие?

Жюльен с опаской смотрел на револьвер, прикидывая в уме: «Боргри был убит из его собственного револьвера итальянского производства «Беретта» или что-то в этом роде. А мой сделан в Сент-Этьене... На первый взгляд это тот самый. Но я читал в книжках, как полиция умеет ввести в заблуждение...»

— Ну, так вы узнаете это оружие?

— Можно мне взять его в руки?

— Пожалуйста.

Жюльен схватил револьвер, пощупал, осмотрел. Как будто все нормально.

— Да, это мой револьвер.

— Когда вы его видели в последний раз?

— В субботу вечером, — ответил Жюльен, не колеблясь. — Он был у меня в кармане... Не помню, оставил я его при себе или положил в машину.

Они были вполне удовлетворены. Во дворе стоял красный «Фрегат». Допрос продолжался.

— Это ваша машина?

У Жюльена вновь создалось впечатление, что ему подстраивают западню. Он внимательно посмотрел на регистрационный номер, на левую фару с треснувшим стеклом, на облупившийся лак на приборном щитке рядом с пепельницей, на оторванную тесьму на заднем сиденье.

— Да, — признал он наконец, — это моя машина.

Они вернулись в кабинет. У Жюльена было чувство, что он только что проиграл сражение. Он не понимал какое. Но он не был побежден. Он-то знал, что не убивал этих несчастных туристов! Что его ноги не было в Марли! Он даже не представляет, по какой дороге надо ехать в Марли из Парижа...

— Жюльен Куртуа, обвиняю вас в вооруженном нападении, ограблении и преднамеренном убийстве бразильского подданного Петро Карасси и его жены Жермены, урожденной Таривель, совершенных вами в ночь с двадцать седьмого на двадцать восьмое апреля тысяча девятьсот пятьдесят шестого года в Марли-ле-Руя, департамент Сена и Уаза...

Выслушав до конца, Жюльен медленно произнес:

— Я решительно протестую против этого обвинения. Я не убивал этих несчастных. Я не мог этого сделать.

У него было ощущение, будто в последний момент он удержался на краю пропасти: он чуть не упомянул о своем неопровергнутом, но опасном алиби — лифте.

В эту ночь — свою первую ночь в тюрьме — Жюльен подвел итог. Теперь он знал врага, с которым должен бороться, и этот враг казался ему ничтожным. «Адвокат как будто славный парень. Пусть он говорит, а я, я буду молчать. Я потребую свидания с Женевьевой. Внутри она меня в историю из-за своей ревности! Конечно, она не виновата, но и я тоже! Повинительной с Женевьевой! Повинительной с адвокатом! Никогда ничего не говорить о Боргри, о лифте. История с Марли очень кстати, а потом она разъяснится сама собой...»

Все же ему не удавалось заснуть. Он крутился на койке, подавляя желание расхочатся: «Идиоты, я — это Боргри! Я тот самый, из лифта!» Но тут же начинал себя ругать: «Ни слова, и все пойдет как по маслу».

Окончание следует.

ВЫБОР

Начало на 18-й стр.

бы и принять этот резон в расчет, он ответит: «Интеллигентское самокопание», или: «Может, еще к попу на исповедь сходить?» Да не к попу, Николай Федорович, а к самому себе. Зачем же с собой-то хитрить, зачем собственную жизнь подтасовывать? Надо же спросить с себя, для чего расколол (маленький и огромный) мир своей семьи? — не из-за обгорелой же спички. Нет, идет, не слышит.

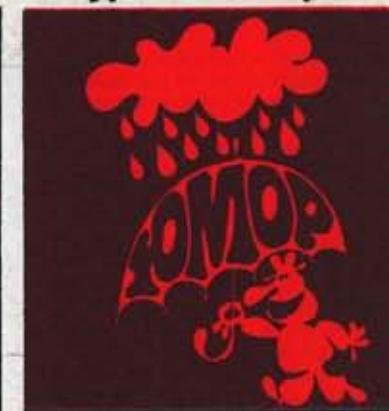
Но и водитель «Москвича», объехавший раненого, он ведь тоже по дороге себя успокаивал: «Ничего, мол, подберут, не оставят»; тоже не подпускал к себе правду: выехал он вроде человек как человек, а вот теперь едет преступником, почти убийцей (то, что убийца было несколько, дела не меняет, преступление, совершенное тремя, в три раза не уменьшается).

А теперь постараюсь объяснить (так, как я это понимаю), что произошло с Сергеем Соколовым: На берегу Донца был тогда не двойник его и не оборотень, был человек, который не удосужился узнать самого себя. Сказал бы ему кто-нибудь тогда, в нормальной (счастливой) жизни, что он так поступит в подобной ситуации, он бы счел это бредом. Он ощущал себя отважным и сильным, но таились в нем и слабость и трусость, он видел себя бескорыстным и добрым, а в глубине души гнездилось также и грубое своеокорыстие. Но ведь сам-то он должен был бы увидеть в себе эти свойства и давить их без пощады? Нет, он жил в безмятежности и тепле. А в жизни, как известно, не всегда бывает тепло, наступают и холода, налетают и бури. Тогда сказывается натура, и ее скверные качества становятся опасны, тем более что в трудную минуту они рады стараться. И вот, когда на каждом шагу ждал его жесткий выбор (утром: пойти в милицию или затаиться, авось, смоет Донец следы; на допросе: все честно рассказать, как сделал «Славик», или отпираться до последнего, как сделал он сам), в нем сработало самое худшее, что в нем было. Подкуплен оказался его внутренний судья. А тогда, в минуту главного выбора (в больницу на операционный стол — или в воду) и вовсе подсунул оправдание: мертвый все равно не поможешь (словно мертвого можно и в воду).

Но ведь Лена была жива, когда ее бросили в Донец, она еще дышала, во всяком случае, вздохнула (так говорит экспертиза) и захлебнулась водой. Пусть рана ее была смертельна (об этом тоже сказали эксперты), пусть бы жизнь длилась еще каких-нибудь несколько часов, за это время машина могла бы привезти Евдокию Тимофеевну, умерла бы тогда наша «фабричная девчонка» на родных руках, а не в черной воде.

Стучат на стыках колеса, мелькают мимо (словно падают за окном в обморок) телеграфные столбы, луна гонится и гонится за поездом. Роковое мгновение выбора, думаю я, душевная автоматика, безответственность. Но ведь на самом деле она в конечном счете все же подотчетна? Обусловлена какими-то глубинными свойствами натуры? Не забыть мне одну историю. Стоял однажды у трамвайной остановки профессор, человек на вид тщедушный и слабый. Сам ли он не устоял на своих шатких ногах или его неосторожно толкнули, только он попал под трамвай как раз между вагонами. Поднялся крик, трамвай остановился, люди сгрудились, стараясь и боясь разглядеть, что под колесом. Они ничего не увидели, зато услышали голос. Ну как вы думаете, что мог в такую минуту — из-под вагона, когда сбило с ног, повалокло, чудом не растерзalo и не изувечило — крикнуть человек? «Вожатый не виноват!» — вот первое душевное движение, для него естественное. Для такой безответственности нужна чистая душа, чистая, которую держат в порядке (и знают, как это делается). Ну как объяснить мне Николаю Федоровичу или Сергею (или другим, не знающим, что такое самоанализ, самоконтроль, суд собственной совести, и строящим все на расчете: авось, не узнают, не уличат), что не обстоятельствами определяется выбор, а состоянием души; что нельзя оставлять ее в невежестве, в безответственности; что она система суверенная, самоуправляющаяся, отвечает за сделанный выбор, расплачивается сама — и расплачивается жестоко. Как и расплатилась: Николай Федорович — разрушенным домом (нервные припадки жены так и идут с тех пор), Сергей — своей сломанной судьбой и судьбой семьи. А что до водителя «Москвича», кто знает, может быть, парень, брошенный им на шоссе, и придет к нему в час подведения итогов, в последний смертный час — когда уже его не объедешь.

Конкурс юмористических рисунков

Дорогие читатели,
ждем ваших рисунков —
остроумных, веселых, ироничных.
Жюри рассматривает все работы,
присланные до 1 ноября 1982 года.

Рисунок Владимира РОДИНА, Москва

Рисунок Владимира УБОРОВИЧА-БОРОВСКОГО
Москва

Рисунок Александра УМРЬОВА, Москва

ШАХМАТЬЩА

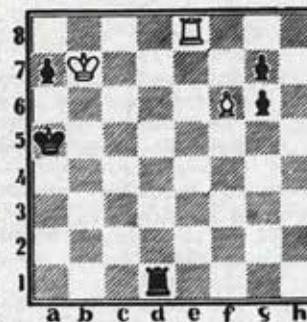
Под редакцией
международного гроссмейстера
Алексея СУЭТИНА

ХМАТЬШАХМ

Конкурс «Смены»

ТУР ТРЕТИЙ

1. Ход белых. Могут ли они спасти партию? (3 очка).

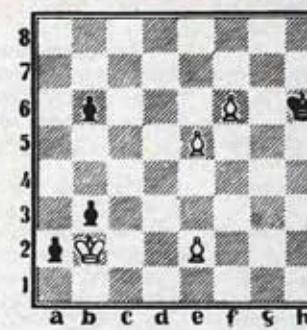

2. Ход белых. Как вы оцениваете позицию? Приведите варианты (3 очка).

СОВРЕМЕННЫЙ СТИЛЬ ИГРЫ

Лучшие черты нового стиля в шахматах воплощают в себе чемпион мира Анатолий Карпов. Вот один из характерных примеров его творчества.

Примером современного практицизма в лучшем смысле этого слова может служить партия Карпов — Горт. Веддинксвен (1979): где после 1. c4 Kf6 2. Kf3 e6 3. Kc3 c5 4. g3 b6 5. Cg2 Cb7 6. 0—0 d5 7. cd K:d5 8. d4 K:c3 9. bc Kd7 10. Le1 11. cd Cb4 12. Cf5 f6. (Заметим, что после 12... Ce7 13. C:e7 F:e7 14. Lc1 Kf6 15. Fa4— Fd7 16. Fd7—

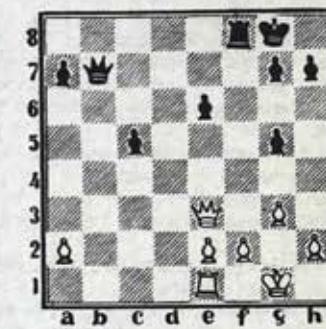
3. Какое название имеет дебют, возникающий после ходов: 1. g3 d5 2. Kf3 e6 3. Cg2 Kf6 4. c4 Ce7 5. 0—0 0—6. d4 dc? (1 очко).

Открытки с ответами на вопросы третьего тура посыпаются в «Смены» не позднее 1 октября 1982 г.

K:d7 17. Lc7 у белых явный перевес. Плохо 12... Fb8 13. Fa4! C:e1 14. Ke5!, и белые выигрывают.) 13. Cd2 C:d2 14. Fd2 Lc8 15. Fd3. (Еще сильнее 15. Fe3.) 15... Fe7 16. Lc1 0—0 17. Kg5!

Очень трезвое и практически эффективное решение проблем. Белые идут на резкое упрощение позиции, но добиваются при этом существенного ослабления пешечной конфигурации черных, что обеспечивает им хорошие виды в эндшпиле.

17... fg 18. C:b7 Kc5 19. dc F:b7 20. Fc5 21. Lc5 bc.

22. Lc1!
Не спеша с отыгрыванием пешки, а стремясь максимально усилить позицию своих фигур.
22... Fd5 23. Lc5 F:a2 24. L:g5 Fb1+? (Упорнее было 24... Lb5, сохранив после 25. L:f5 Fb1+ 26. Kpg2 F:f5 27. Fa7 Fe4, хорошие шансы на ничью.) 25. Kpg2 Fb6 26. Lb5 F:d5 27. Le3 Lb8 28. La3 Le7 29. La5 Kpf7 30. h4 h6 31. g4 Kpf6 32. 14 Lb7 33. Kpf3 Lc7 34. La6 g6 35. La5 Ld7 36. e3 Lb7 37. h5 g5 38. La5 f3 39. ef.

Выкидывают план реализации белых. Они образуют две связанные проходные пешки на королевском фланге, которым и суждено решить исход партии. 39... Lb3+ 40. Kpg2 Lb7 41. Kpg3 Kpf7.

После 41... Lb3+ 42. Kph4 Lb4 43. La7 Ld4 44. Lh7 белые быстро побеждали.
42. La4 Kpg7 43. g5 Lc7 44. La5 Kpg8 45. Lb5 Kpg7 46. Kpg4 a6 47. Lb8 Lc1 48. g6+ Kpg7 49. Lb7+ Kpg6 50. Lb6 Lg1+ 51. Kpg3 L11+ 52. Krc4 Le1— 53. Kpd4 Kpe7 54. La5 Kpg6 55. La7 e5— 56. fe L:e5 57. La6—

Черные сдались.

Репортаж из музея.

В ДОМЕ, ПОХОЖЕМ НА ПРЯНИК

Елена ГОЛОВАНЬ.
Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ

«К» то что варит, кто что жарит, маринует и пекет», — обещает поведать волшебных горшочек из сказки Андерсена. Об этом же без всякого волшества и хитростей рассказывает музей общественного питания, что располагается в Москве, в Большом Рогожском переулке, в доме, чем-то похожем на пряник. Музей уникальный не только в стране, но и во всем мире. И собрана в нем богатейшая коллекция, каждый экспонат которой так или иначе повествует о науке вкусно готовить.

Чего здесь только нет! От древней поварешки до электросамовара, от забытых рецептов до космического обеда, документы во все века ценимого кулинарного искусства... Все это размещено в десяти залах.

Музей работает на общественных началах. Это значит, что редчайшая коллекция собрана и любовно оформлена руками энтузиастов «вкусного» производства, которым помогали комсомольцы главного управления общественного питания Москвы. Плана и единого текста у экскурсоводов, работающих опять же на добровольных началах, нет, каждый из них рассказывает о музее то, что особенно хорошо знает и любит.

А ведь почти у каждого экспоната своя любопытная история. «Поварскую тройку», к примеру, принес в музей преемник целой династии поваров Павел Васильевич Обрядин. Что это такое? Ножи один другого меньше в искусно инкрустированных ножах. Вещи нужные, главное орудие кухонных ратников. Носили они тройку с не меньшей гордостью, чем гусары саблю.

Серебряное ведерко для шампанского преподнес в дар музею Павел Иванович Абатуров. Биография ведерка тоже небезынтересна.

Князь Трубецкой послал в нем шампанское архимандриту Московскому. С презентом отправили мальчик-поваренка, строго наказали: шампанское вручить, ведерко принести обратно. Но вот незадача: случилось это как раз в горячие дни Октябрьской революции. Мальчик не без приключений поручение все же выполнил, а вот ведерко возвращать оказалось некому: их сиятельство сбежали...

В музее нет бдительных табличек «Руками не трогать!». Вещи, попавшие сюда, привычны к человеческим рукам, сделаны по стариинке — на века и отполированы работой до блеска. Библиотеку, подаренную музею его директором Н. Коршуновым, тоже под замок не прячут. В ней меню всей планеты, любой книжки дом порадовался бы такому собранию. Просто работа у него была такая, что без книг не обойтись. Он руководил рестораном «Советский», бывшим знаменитым «Яром». Марку надо было держать.

Николая Васильевича недаром считают основателем музея: первые три зала заняты почти полностью его коллекцией. Здесь все о питании, начиная с давних времен. Посетители музея — в основном работники общепита, студенты-кулинары. Им есть чему здесь поучиться.

— Сколько сладких напитков в вашем меню? — спрашивает активист музея Павел Иванович Абатуров приехавших на экскурсию директоров вагоноресторанов. Подсчет в уме недолог: три-четыре названия. — А у меня всегда было не меньше десятка. И секрет этого простой: любить надо свое дело.

Павел Иванович начинал учеником повара в трактире. Кулинарные тайны постигал с азов. Придя домой, все аккуратно записывал в тетрадку. А рабочий день у него, тогда еще подростка, между прочим, был не меньше 12 часов. Порой с ног валился от усталости. Нелегко давались ему поварские университеты. Но дело свое любил, болел за него,

потому и терпел. Дипломы за работу, премии, признание — все это появилось позже, когда он стал непревзойденным специалистом по лечебному питанию, автором многих книг.

Прямо не отходя от экспозиций, молодые мастера кухни могут законспектировать настоящие лекции о том, как шампанское заморозить «в иголочку», как из обычного картофеля сделать десерт, удивительный по своим вкусовым качествам, как быть бережливым и в то же время щедрым. Стенды музея рассказывают и о трудовых годах в истории нашей страны, когда продовольственный вопрос стоял особенно остро.

1918 год. Первые общественные столовые, длинная очередь за похлебкой... Год 1926-й. Делегаты XV конференции ВКП(б) за праздничным угощением: чай да хлеб... А вот на снимке домашние хозяйки из Нью-Йорка на перроне московского вокзала. Они приехали посмотреть на первую советскую фабрику кухню.

Под стеклом военные продовольственные карточки, рядом фото, на которых запечатлены худенькие подростки, заменившие у общественной плиты своих отцов. Хранитель музея Сергей Иванович Протопопов рассказывает: «В войну мы на фабриках-кухнях выращивали дрожжи на опилках. Если потом их уварить, то можно было получить биточки и запеканку. Дрожжи — почти сплошной белок».

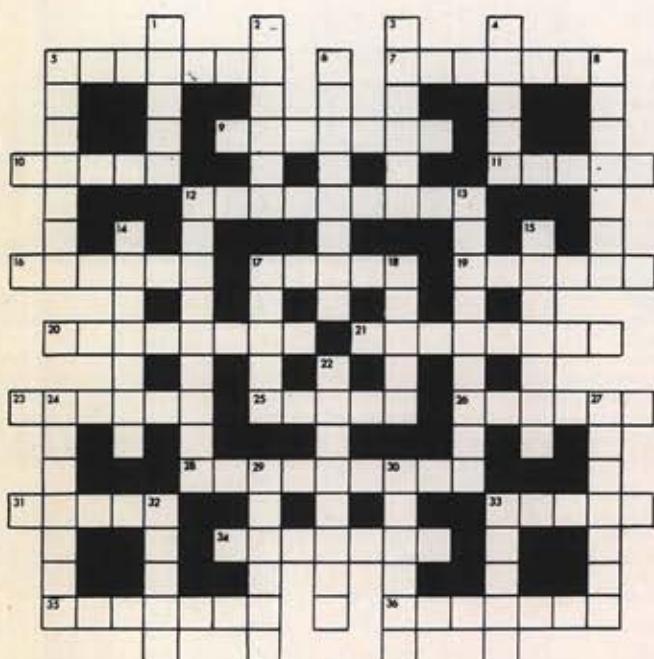
Но и настоящие пиры, конечно, были. Самый торжественный — в День Парада Победы. В Кремль приглашены участники и почетные гости Парада Победы, пять тысяч человек. Скульптору Мухиной специально для этого случая был заказан эскиз бокалов. Каждый участник торжества получил бокал на память. Одна из хрустальных реликвий сейчас хранится в музее. Ее владелец Н. Коршунов был одним из тех, кто готовил угощение к праздничному столу.

Организаторы музея кормили форумы и съезды, фестивали и конференции, слеты и Олимпиаду. И они по праву гордятся этим.

«Залы музея открывают нам глаза на удивительный и интересный мир» — так написали в книге отзывов ребята из учебно-курсового комбината, будущие повара.

КРОССВОРД

Составил А. ГОРДОВ,
Прокопьевск Кемеровской
обл.

По горизонтали:

5. Картина художника-предвижника Н. А. Ярошенко.
7. Роман Ж. Санд. 9. Бесцветная жидкость, сырье для получения каучука.
10. Небольшой боевой корабль.
11. Государственная награда за особые заслуги.
12. Негритянский певец и трубач, организатор джазовых ансамблей в США.
16. Масса сена или соломы, плотно уложенная для хранения.
17. Антилопа, обитающая в саваннах Африки.
19. Сподвижник А. В. Суворова, герой Бородинского сражения.
20. Первый показ нового спектакля, фильма.
21. Зодиакальное созвездие.
23. Сезон промыслового рыболовства.
25. Пальма, растущая в тропиках Азии.
26. Действующее лицо трагедии Шекспира «Гамлет».
28. Передняя часть театральных подмостков.
31. Строительная конструкция.
33. Река в Крыму.
34. Мужской голос.
35. Французский композитор.
36. Острова в центральной и юго-западной части Тихого океана.

По вертикали:

1. Нотный знак.
2. Минерал, разновидность кварца.
3. Типографский шрифт.
4. Австралийская одичавшая собака.
5. Народный танец.
6. Многолетняя лесная трава.
8. Исторический роман В. Скотта.
12. Сплав ртути с металлом.
13. Прием преувеличения в художественной литературе.
14. Союзная советская республика.
15. Скульптор, народный художник СССР.
17. Южное созвездие.
18. Столица Ганы.
22. Чертежная линейка.
24. Химический элемент.
27. Приток Нижней Тунгуски.
29. Метод научного исследования.
30. Советский летчик-космонавт.
32. Ход, бег лошади.
33. Центр добычи золота и слюды в Якутии.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД,
ОПУБЛИКОВАННЫЙ
В № 15

По горизонтали:

1. Карбид.
6. Джоуль.
9. Уйгур.
10. Бараба.
11. Ехидна.
12. Ратай.
13. Курага.
16. Фланец.
20. Аван.
23. Боливар.
24. Муравей.
25. Сатирик.
26. Никитин.
28. Стадо.
30. Влашим.
34. Оверат.
37. Латук.
38. Струна.
39. Ранжир.
40. Дрофа.
41. Павана.
42. Закром.

По вертикали:

2. Амаду.
3. Бабка.
4. Дубрава.
5. Яготин.
6. Дрейф.
7. Олива.
8. Линде.
13. Кубасов.
14. Рулетка.
15. Гаварни.
17. Лариков.
18. Новатор.
19. Цейтнот.
21. Аракс.
22. Смена.
27. Иодокрас.
29. Тетрод.
31. Литва.
32. Шхуна.
33. «Млада».
35. Ерник.
36. Авиоз.

"Смена" 1983

Дорогие читатели!

1 августа во всех почтовых отделениях страны начинается подписка на журнал "Смена". И мы считаем своим долгом рассказать о том, что редакция планирует напечатать на журнальных страницах в новом, 1983 году.

Прежде всего мы расскажем о нашем молодом современнике, о его труде и учебе, о его поисках и проблемах. Место в жизни, выбор профессии, создание молодой семьи, взаимные отношения молодых супружеских пар, одним словом, поиск себя в многосложном человеческом мире, открытие таких важных нравственных идеалов, как дружба, честь, товарищество, любовь, верность, мужество — все это станет предметом читательского, журналистского, научного, социологического обсуждения на страницах журнала. Одним словом, интерес к формирующейся личности и ее проблемам — тема номер один для "Смены" 1983 года.

Как всегда, журнал расскажет о передовой нашей битве за будущее — об ударных комсомольских стройках, о коллективах молодых единомышленников, о том, как можно и нужно наладить работу комсомольской организации.

Акция "Детский дом — теплый дом" стала главной в организаторской работе журнала 1982 года. В новом году мы предложим новый поворот этой нравственно важной темы — вновь с участием самого широкого круга читателей, а вы, дорогие друзья, прислали для детских домов больше 100 000 книг. Низкий вам за это поклон! Кстати, а что еще можно сделать для детского дома? Может, ваши предложения станут началом еще одной организаторской кампании журнала?

Пример старшего — великое и благое дело. В рубрике "Жизнь замечательных людей" мы расскажем вам о выдающихся сынах народа, среди которых Дмитрий Менделеев, Сергей Королев, Юрий Гагарин, Иван Павлов, Петр Шмидт, Мстислав Келдыш.

В рубрике "Автобиографии" мы опубликуем рассказы о своей жизни Прокурора РСФСР, Героя Советского Союза Бориса Кравцова, выдающихся ученых Николая Семёнова и Николая Басова, артистов Владимира Шульженко и Майи Плисецкой, Владимира Васильева и Ростислава Плятта, дирижера Евгения Мравинского, художников Татьяны Мавриной, Сергея Чуйкова, скульптора Николая Томского, известных советских космонавтов.

Мир подростка, растущей личности во всех сложностях становления станет темой специальной дискуссии, принять участие в которой мы приглашаем всех читателей уже сейчас.

"Музыкальный клуб" станет в 1983 году ежемесячной рубрикой "Смены". Здесь мы расскажем о крупнейших отечественных и зарубежных ансамблях и исполнителях, попытаемся критически анализировать тенденцию современной эстрады, вновь расскажем об Александре Пахмутовой, Раймонде Паулсе, Алле Пугачевой, Эдите Пьехе, Софии Ротару и других популярных деятелях советской музыки. В новом году мы будем оперативно рассказывать о новых дисках.

Армия. Эта тема традиционная в "Смене". В 1983 году на страницах журнала выступят виднейшие советские военачальники, представители всех родов войск: маршал И.Х. Баграмян, адмирал флота Советского Союза С.Горшков, прославленные герои войны И.Кожедуб и А.Покрышкин.

Литература будет представлена новыми произведениями Виктора Астафьевса, Юрия Нагибина, Андрея Вознесенского, Евгения Евтушенко, Роберта Рождественского, Владимира Цыбина, Эдуарда Межелайтиса, Нодара Думбадзе.

"Смена" из номера в номер печатает лучшие остросюжетные повести и романы отечественной и мировой литературы. В 1983 году мы предполагаем опубликовать новые романы Юлиана Семёнова, Николая Леонова, братьев Вайнера, Агаты Кристи, Жоржа Сименона, Станислава Лема, Себастьяна Жапризо. В первых номерах 1983 года мы опубликujemy детектив французского писателя Пьера Немура "Ненужный мальчик".

"Смена" — богато иллюстрированный двухнедельный журнал. "Смена" — это 100 очерков и фотопортретов, десятки статей, интервью и диалогов, 10 тысяч поэтических строк, 24 кроссворда и столько же новых песен с нотами, 1000

опубликованных читательских писем и откликов, сотни рисунков. "Смена" — это конкурсы эрудитов, юмористов, а любители шахмат, добивающиеся хороших результатов на шахматных олимпиадах "Смены", получают спортивные разряды.

У нас есть и юридическая консультация для молодежи.

Подписная цена журнала на год — 8 рублей 40 копеек.

"Смена" может быть получена как индивидуальным, так и коллективным подписчиком: иллюстрации можно использовать для создания монтажей, наглядной агитации в цехе, учреждении, классе, а многие материалы обсудить в молодежном коллективе.

РЕДАКЦИЯ ОБРАЩАЕТ ВНИМАНИЕ ЧИТАТЕЛЕЙ, ЧТО ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ "СМЕНА" НА 1983 ГОД ПРИНИМАЕТСЯ ВСЕМИ ОТДЕЛЕНИЯМИ "СОЮЗПЕЧАТИ" И ОБЩЕСТВЕННЫМИ РАСПРОСТРАНТЕЛЯМИ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ. В СЛУЧАЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ СЛОЖНОСТЕЙ С ОФОРМЛЕНИЕМ ПОДПИСКИ ПРОСЬБА ОБРАЩАТЬСЯ В РЕДАКЦИЮ "СМЕНЫ".